

АЙРИС ДЕНБЕРИ

РАНДЕВУ в Лиссабоне

ЦВЕТЫ
ЛЮБВИ

Дженис Боуэн, секретарь в крупной компании, отправляется со своим шефом в Лиссабон по делам фирмы. Девушка становится жертвой целой серии любовных интриг, ловко подстроенных сестрами Карвалью — избалованными аристократками из богатой португальской семьи, с которой Уитни имел дружеские и деловые связи. Дженис как истинная леди с честью выходит из затруднительных ситуаций и получает предложение руки и сердца от мужчины своей мечты.

- [Айрис Денбери](#)

- [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 -
-

Айрис Денбери
Рандеву в Лиссабоне

Этим утром она явно опаздывала на работу. Выйдя из лифта и почти бегом направляясь в свой офис, в глубине души Дженис все еще надеялась, что шеф пока не приехал. Для мистера Уитни было очень типично приехать в офис непредсказуемо рано, пока в метро была утренняя давка. Бросив быстрый взгляд в сторону его комнаты, она убедилась, что его еще нет. Она быстро пересекла комнату по толстому дороговому темно-синему ковру, чтобы установить на стоявшем на массивном письменном столе календаре сегодняшнюю дату и расположить поудобнее его еженедельник.

Затем Дженис Боуэн сделала шаг назад и глубоко вздохнула. Работать в огромном шикарном офисе у Эверарда Уитни было заветной мечтой каждой девицы. Но лишь до тех пор, пока она не сталкивалась с его взрывным характером, нетерпимостью и полной невозможностью ему угодить.

Большой кабинет, в котором находилась Дженис, был больше похож на гостиную в престижном лондонском клубе. Кругом стояли удобные кресла и банкетки, низкие столики со стеклянным верхом, множество комнатных растений. Ее всегда завораживал вид на город из огромного широкого окна. Отсюда, с пятнадцатого этажа, Лондон расстилался внизу как карликовая деревня, миля за милей исчезая вдаль в тумане. И только высотные здания офисов, пики готических крыш церквей, башни Вестминстерского аббатства и здания Парламента пробивали утреннюю дымку, да едва виднелись игрушечные мосты через поблескивающую гладь Темзы. Шум движения не достигал этой высоты и казался не больше чем легким жужжанием.

Казалось, мистер Уитни был совершенно равнодушен к таким внешним жизненным явлениям. Как только в комнату проникали первые солнечные лучи, Дженис сразу закрывала венецианские жалюзи и включала искусно спрятанные лампы дневного света. Они оставались включенными постоянно, не давая предметам отбрасывать тени и скрывали пыль, появлявшуюся даже в этом профильтрованном кондиционерами воздухе.

Вернувшись к себе в кабинет, Дженис рассортировала почту, нашла нужные папки с документами и быстро взглянула на себя в большое зеркало, находившееся внутри стенового шкафа. Даже мистер Уитни не смог бы пожаловаться на то, что она слишком увлекается косметикой, — всего лишь легкое прикосновение румян на белоснежной коже щек, немного теней на веках ее миндалевидных темно-карих глаз и туши на густых ресницах. В последнее время она стала слегка зачесывать свои блестящие каштановые волосы вверх и закручивать их кольцом на затылке. Такая прическа придавала ей чувство собственного достоинства.

День начался как обычно. Мистер Уитни ворчливо и отрывисто произносил свои приказания на день, заставляя Дженис делать огромное количество работы. В середине дня он ушел, несомненно только для того, чтобы поторопить с работой других сотрудников. Просто невозможно было представить его во время неспешного делового ленча с партнерами. Похоже, он не был способен расслабляться.

Во время ленча в ресторане, принадлежавшем фирме, одна из знакомых девушек сказала Дженис:

— Ты держись молодцом. Сколько ты уже работаешь с Уитни?

— Три недели. А кажется, что уже три года.

— Работаем как в трудовом лагере, — засмеялась девушка. — Он очень быстро устал от

меня и отослал обратно в мой отдел.

— Бегаешь целый день сломя голову, сбиваешь пальцы до костяшек на машинке, но не можешь добиться его расположения, — раздраженно заметила Дженис.

— Интересно, кто же станет победителем?

Дженис засмеялась:

— Призы не будут раздаваться! В любом случае я не буду дожидаться, пока он меня выгонит. Я просто попрошу перевести меня обратно в отдел мистера Пикеринга. Я и не представляла, как мне там было хорошо.

— Но подумай о престиже. Сейчас ты секретарь одного из самых выдающихся руководителей нашей компании. По крайней мере, он сам считает себя таковым.

Дженис согласно кивнула. Мистер Эверард Уитни пришел в компанию всего год назад, очень быстро продвинулся вверх по служебной лестнице и стал одним из четырех наиболее влиятельных лиц в администрации компании. Дженис полагала, что ему нет еще и тридцати.

В этот день он появился у себя после двенадцати. Она принесла ему письма на подпись, документы, список телефонных сообщений и стала молча его изучать. Он сидел, возвышаясь над массивным столом, и, судя по его широким плечам, можно было предположить, что его рост не менее ста восьмидесяти сантиметров. У него была манера запускать пятерню в густые каштановые волосы, потом снова приглаживать их. Он всегда производил впечатление человека, глубоко погруженного в работу.

Сейчас, подписав одно из писем, он откинулся в кресле и стал рассматривать Дженис холодными серыми глазами.

— Вы очень ответственны, мисс Браун.

— Боуэн, — поправила она. Ее крайне раздражало, что он никак не мог запомнить ее имя.

— О, конечно. Боуэн. Кажется, у меня работали несколько мисс Браун из других отделов.

Именно сейчас наступил тот момент, когда было бы удобно попросить его перевести ее обратно в отдел мистера Пикеринга. Она постаралась сформулировать фразу, с которой начнет свою речь.

— Мисс Браун, простите, мисс Боуэн, вы сможете подготовиться к поездке в Лиссабон со мной через два дня?

— В Лиссабон? — эхом повторила она его вопрос.

— Да. Вы, наверное, слышали о нем. Это столица Португалии.

— Конечно, мистер Уитни.

— У вас есть паспорт? Действующий, я имею в виду.

— Да. В прошлом году я ездила в Швейцарию.

— Мы отправляемся послезавтра и пробудем там несколько недель, возможно, дольше. Сегодня я говорил с президентом компании по поводу того, что кто-то должен координировать строительство наших двух отелей в Португалии, иначе они так никогда и не будут выстроены. Я решил ехать туда сам и взять секретаря. Похоже, вы одна из самых сообразительных среди тех, кого я встречал до сих пор.

— Спасибо, мистер Уитни. — Она была поражена его заявлением, перспективой увидеть Лиссабон, а более всего его неожиданной похвалой ее работы.

— Насколько я знаю, вас ничего не связывает с Лондоном.

Как он мог узнать об этом? Ведь он никогда не задавал вопросов о ее личной жизни.

— Ну, я живу...

— В квартире на Хайгейте, ваши родители умерли, и жива только ваша тетка в Норвиче. Вы работаете в Лондоне три года, из них два в нашей фирме. Вы не замужем и, насколько я знаю, ни с кем не помолвлены.

— Откуда вам все это стало известно?

— Детали я узнал из вашего личного дела. Я люблю знать прошлое моих сотрудников. Так вы помолвлены?

— Нет, — твердо произнесла она.

— Прекрасно. Значит, никаких осложнений не будет.

Она чуть не рассмеялась. Назвать так самый счастливый момент в жизни каждой девушки — «ненужные осложнения».

Она собрала в папку подписанные документы, но в тот момент, когда она входила в свой небольшой кабинет, находившийся рядом с его, вновь услышала его голос:

— Да, забыл сказать, ваша зарплата будет значительно увеличена. И все ваши расходы по поездке в Лиссабон возьмет на себя компания.

— Спасибо, — тихо произнесла она.

— И, мисс Боуэн, пожалуйста, не обсуждайте ни с кем нашу поездку.

— Безусловно. Все ваши дела я рассматриваю как совершенно конфиденциальные.

Он тихо что-то проворчал, и было не ясно, доволен он или не удовлетворен ее ответом.

Окончив в этот день работу, она вышла на улицу и на минуту остановилась полюбоваться на небоскребы своей компании. Именно отсюда исходили проекты постройки гостиниц, учреждений, школ, больниц, универсальных магазинов, университетов, и все это самого высшего качества. Иногда Дженис спрашивала себя, какова была бы реакция компании, если бы поступил заказ на постройку небольшого загородного домика.

Дома она приготовила себе ужин, потом уселась с чашечкой кофе и задумалась над теми прекрасными возможностями, которые могли появиться в результате поездки в Лиссабон. Конечно, она еще могла отказаться от предложения мистера Уитни и завтра сказать ему, но тогда пропал единственный шанс встретиться снова с Клайвом Диксоном. Только по одной этой причине половина девиц из ее офиса были бы готовы немедленно отправиться в Португалию.

Клайв притягивал к себе женщин не только безусловно привлекательной внешностью и приятными манерами общения, но и своей способностью дать понять женщине, что в данный момент для него никого, кроме нее, просто не существует. Хотя любая из наиболее чувствительных к тонкостям отношений понимала, что все это проходяще.

Клайв не любил связывать себя какими-либо обязательствами и сразу давал понять, что его приглашения на танцы, вечеринки, обеды и спокойные ленчи, после посещения картинных галерей, не могут рассматриваться как серьезные отношения. Не должно было быть утомительных прощаний, ненужных слез и рыданий. И это относилось равно как к девушкам, которых он знал года два, так и к тем, кого встретил всего неделю назад.

«Он перемещает нас, как шахматные фигуры», — гневно сказала однажды одна из девушек, когда он ее неожиданно бросил из-за того, что она стала слишком требовательной к нему.

Дженис была более разумна. Она тоже получила удовольствие от нескольких встреч с ним, но он неожиданно, три месяца назад, был переведен в их лиссабонский филиал. Ходили слухи, что он сам попросил о переводе, чтобы избежать сцен от одной из его

знакомых девиц.

Без приветливости и обаяния Клайва в офисе стало скучно, и Дженис с нетерпением ждала встречи с ним. Она честно признавалась себе, что, несмотря на его капризный характер, он нравился ей и, если бы не обилие знакомых лондонских девиц, тоже мог увлечься ею. Но все это еще ждет ее, и мистер Уитни, скорее всего, не оставит ей слишком много свободного времени для светской жизни.

Через два дня в аэропорту мистер Уитни протянул ей маленькую портативную пишущую машинку.

— Присмотрите за ней. Я боюсь оставить ее где-нибудь и забыть, — сказал он.

Дженис вовремя проглотила готовые сорваться с ее губ слова и просто слегка улыбнулась. И так, он был готов работать даже во время полета. Мистер Уитни не мог допустить потери хотя бы одной минуты рабочего времени своего секретаря. Однако, как оказалось, она была не права. Машинка осталась лежать на соседнем кресле рядом с портфелем, полным документов. А мистер Уитни доброжелательно и мягко поинтересовался у нее, что она предпочитает съесть на ленч.

— Вы летите самолетом не первый раз в жизни? — спросил он.

— Нет, в прошлом году я летала в Женеву, но это был ночной рейс.

Сейчас, когда самолет летел над Бискайским заливом, было уже поздно спрашивать о ее возможностях летать самолетом, но она быстро подавила свое раздражение. Внизу Дженис увидела реку Тежу, гавань, доки и массу розовых, белых и серых зданий. Это был Лиссабон.

В роскошном отеле «Голландия» их ждал номер люкс, состоявший из нескольких комнат, зарезервированный для них. Коридорный провел ее в огромную, прекрасно обставленную спальню, в одной из стен которой находилась разнообразная универсальная встроенная в деревянные панели техника. Толстый бледно-зеленый ковер давал ощущение прохлады, а огромное французское окно открывалось прямо на балкон. В ванной комнате был не только душ, но и бирюзово-черная ванна и множество зеркал со специальной подсветкой.

Коридорный указал ей на боковую скользящую дверь, которая вела в смежную гостиную, и отошел в сторону, ожидая, пока она войдет. Мистер Уитни уже был здесь. Она предположила, что его спальня такая же, как у нее, и их разделяет только эта гостиная.

— Какие очаровательные комнаты! — воскликнула Дженис, когда коридорный ушел. Глаза ее сияли.

Мистер Уитни подошел к ней, держа руки в карманах брюк.

— Вы думаете, что они были забронированы для нас волшебником или просто переместились в пространстве?

Она уставилась на него, не понимая, почему он так раздражен.

— Это входит в ваши обязанности, — продолжал он.

— Простите, я не знала, — пробормотала она.

Вы даже не удосужились поинтересоваться, все ли здесь приготовлено. К счастью, я заказал все предварительно через отдел путешествий нашей компании, но вам следовало бы предварительно все проверить и получить подтверждение. Вы должны научиться оформлять подобные вещи, следить за их исполнением, а не предоставлять мне все делать самому.

— Я запомню это, — спокойно ответила Дженис, хотя вся ее эйфория мгновенно испарилась.

— Уверен, что вы все запомните, — холодно улыбнулся Уитни. — Эта гостиная будет служить нам кабинетом. Здесь будет лучше, чем в офисе нашей компании, и мы не будем тратить времени на дорогу.

— Да, конечно.

— Сейчас я отправлюсь в наш лиссабонский филиал. Если меня будет кто-то спрашивать по телефону, не давайте прямого ответа. Скажите, что не знаете, когда я приеду. А вернусь я около семи, тогда мы и пообедаем, здесь же в номере. Если вы захотите чай, кофе или холодные напитки, закажите все по телефону в номер. Я не хочу, чтобы вы спускались вниз.

Дженис обрадовалась тому, что его не будет несколько часов. Она могла теперь спокойно распаковать свои вещи, принять душ. Было всего около полудня, но жара казалась непереносимой после приятной прохлады лондонского лета. Она сменила свой легкий дорожный костюм на прохладное полотняное платье цвета герани и заказала себе кофе и пирожные.

Сидя одна в гостиной, она несколько раз протягивала руку к телефону. Позвонить Клайву и сказать, что она здесь, в Лиссабоне, или нет? Но ведь мистер Уитни поехал в филиал, где работает Клайв, и она боялась прервать своим звонком важное совещание. Наверное, лучше подождать до завтра, когда у нее появится подходящий момент.

Дженис расстроилась, что придется провести весь солнечный полдень в отеле, но она действовала по инструкции мистера Уитни. Было немного странно, что он не оставил ей никакой работы, которую она могла бы выполнить в его отсутствие.

Когда официант принес кофе, она удобно устроилась в шезлонге на балконе и, откусывая маленькие кусочки пирожного, стала думать о своих друзьях, которые трудились в поте лица в лондонском офисе, стараясь закончить всю работу к пяти часам.

Однако ее покой вскоре был нарушен появлением мистера Уитни. Его голос раздавался из гостиной. Поспешив в комнату, она увидела его в кресле, чемоданчик с бумагами стоял рядом на полу, а пиджак был брошен на спинку стула. Она поинтересовалась, не принести ли ему кофе или чай, но он ответил, что сейчас ему необходимо выпить чего-нибудь покрепче. Почти в ту же минуту раздался стук в дверь, и официант вкатил столик, на котором стояли бутылки с виски, коньяк и ром, тоник и чаша с кубиками льда. Дженис наблюдала, как официант готовит ром с тоником и протягивает его Уитни. Спустя несколько минут напиток, видимо, восстановил нужный уровень его энергии, так как он выпрямился в кресле и резко сказал Дженис:

— А сейчас мы начнем работать!

Усаживаясь поудобнее с блокнотом на коленях, она подумала, что всего один час отдыха будет с лихвой компенсирован несколькими часами интенсивной работы в течение вечера. Видимо, он был недоволен тем, что происходило в их филиале в Лиссабоне. Почти все, кого он хотел повидать, отсутствовали, а те, кого он застал, не смогли ему дать вразумительных ответов на интересующие его вопросы.

Он диктовал ей свои инструкции резким, неприятным голосом, как будто адресовал их непосредственно этим отсутствующим людям.

— Я заказал нам обед на восемь часов, — поставил он ее в известность после того, как окончил диктовать. — Пожалуйста, будьте готовы, потому что к девяти часам я жду кое-кого из нашего филиала.

Следующий час она работала не разгибаясь, потом приняла душ, освежила косметику и

надела красивое светло-зеленое платье без рукавов. Обед с мистером Уитни в гостиной мог показаться интимным, но Дженис помнила, что процесс поглощения совершенно новых для нее странных блюд, которые она запивала вином, был лишь частью деловой стороны ее работы.

Когда с едой было покончено, Дженис сказала, что возьмет машинку в свою комнату и продолжит работу над письмами и документами. Она, естественно, предположила, что начальник предпочтет принять посетителя без нее, но он резко возразил ей, сказав, что ее присутствие необходимо. Вероятно, придется делать заметки по ходу разговора.

Было уже почти десять часов, когда зазвонил телефон и клерк предупредил, что к ним пришел посетитель. Она предложила ему подняться в номер и вышла на балкон, чтобы сказать о посетителе мистеру Уитни. Когда она вернулась в комнату, навстречу ей шел Клайв Диксон.

— Дженис! Просто не могу поверить! Я не имел представления, что ты приехала в Лиссабон!

— Клайв! — воскликнула Дженис.

Он схватил ее за руки и наклонился, чтобы поцеловать в щеку, но она тут же вырвалась, уверенная в том, что мистер Уитни стоит у нее за спиной.

— Наконец-то вы приехали, Диксон. Вижу, что нет необходимости представлять вас моей секретарше. Очевидно, вы достаточно хорошо знакомы. — Голос его был холоден.

— Это просто замечательно, что вы взяли с собой Дженис... я хотел сказать, мисс Боуэн, — проговорил Клайв, потирая руки.

— Замечательно для кого? Для мисс Боуэн? Присядьте. Что-нибудь выпьете?

— Бренди, пожалуйста, — ответил Клайв.

Дженис, которую тут же охватил ужас оттого, что мистер Уитни был свидетелем восторженных приветствий Клайва, была рада исчезнуть и отправилась готовить напитки. Уитни предложил ей налить и себе бакарди. Она наполнила маленький стаканчик белым прозрачным ромом и стала пить маленькими глотками, пока оба мужчины погрузились в беседу, состоящую из вопросов чисто технического порядка.

— Мисс Боуэн, принесите мне папку с документами по реконструкции отеля в Лиссабоне.

Когда Дженис отдавала ее Уитни, они с Клайвом успели обменяться улыбками, и она тут же отвернулась, чтобы шеф ничего не заметил.

— Ну а теперь слушайте меня внимательно, Диксон, — сказал Уитни. — У меня нет никаких сомнений, что вы работаете спустя рукава. Нет никакой координации в работе. Строительные материалы привозятся и сваливаются где попало, и когда в них возникает необходимость, их трудно найти, и тонны груза приходится перевозить с места на место.

— Но, мистер Уитни, вы даже не представляете себе, как трудно в этой стране обеспечить доставку материалов к назначенному сроку. Иногда нам приходится ванны и трубы доставлять задолго до того, как помещения для них построены.

— В этом и состоит ваша работа. Именно для этого вас сюда прислали. По крайней мере, мне так казалось, — сухо добавил он. — Почему вас не было на месте в полдень, когда я вам звонил?

— Я должен был встретиться с несколькими поставщиками. Если бы я знал, что вы в Лиссабоне, то, конечно, остался бы на месте.

— Уверен, что вы именно так бы и поступили, вместо того чтобы загорать на пляже в

Эсториле.

— Я не был на пляже, — покачал головой Клайв.

— Не имеет значения, где вы были на самом деле. Ваши сотрудники мне сказали, что на работе вы обычно бываете только по утрам и отсутствуете после полудня.

— Это они говорят просто из зависти, — взмахнул рукой с уже пустым стаканом Клайв. — Вы понимаете, что я должен встречаться с огромным количеством людей. И часто мне приходится выполнять дела компании по вечерам и даже ночью.

— Главным образом в кафе.

Дженис было крайне неприятно выслушивать этот выговор босса Диксону, но именно в тот момент, когда она решила тихонько выйти на балкон, Уитни обратился к ней:

— Мисс Боуэн, напечатайте это.

Когда она закончила и протянула бумаги Уитни и копию Клайву, Уитни произнес:

— Диксон, я жду вас завтра утром здесь, в отеле, не позже девяти. Принесите мне отчет по поводу каждого вида доставленного на стройплощадку материала. Спокойной ночи.

Когда Клайв ушел, начальник повернулся к Дженис:

— Мисс Боуэн, вы должны быть честны со мной, и вам следовало бы сказать мне, что вы близко знакомы с Клайвом Диксоном.

— Но я едва знакома с ним. Когда он работал в лондонском офисе...

— Вы говорите, что не знаете его близко, а между тем сегодня это выглядело как встреча очень близких друзей.

Она поняла, что у него вертелось на языке слово «любовников».

— Но это просто его обычная манера встречать знакомых, — пробормотала она тихо.

— Безусловно, я не привез бы вас сюда, если бы имел хоть малейшее подозрение, что вы с ним в столь близких дружеских отношениях. Я бы взял с собой другого секретаря, удостоверившись, что никаких отношений у этой девушки с Диксоном не было.

Он направился к двери, но вдруг снова повернулся к ней:

— Если вы хотите со мной работать, то должны быть полностью мне преданны.

— Но я вам преданна.

— Может быть, в данный момент. А если возникнут другие обстоятельства, чью вы займете сторону?

— Конечно вашу, — без колебаний ответила Дженис.

— Хорошо. Надеюсь, я всегда смогу на вас положиться.

Наступила тишина. Дженис хотелось возразить ему, что она совсем не просила его об этой поездке. Он сам приказал ей ехать, не спрашивая о ее желаниях. И не ее вина, если он забыл спросить, знакома ли она с Диксоном. Но сейчас все-таки было лучше промолчать, воздух и так как бы вибрировал от напряжения. Наконец она решилась открыть рот:

— Я вам еще нужна сегодня?

— Нет, спасибо. Уже слишком поздно, и у нас обоих был длинный, трудный день. Идите лучше спать. Спокойной ночи.

Прежде чем лечь в постель, она вышла на балкон, чтобы подышать изумительным ночным воздухом. Внизу проходила широкая авеню, за ней темнел огромный парк, а дальше была видна часть города, залитого огнями. Дженис подумала, что за целый день в Лиссабоне она ни разу не вышла на улицу. Она надеялась, что Уитни не намерен занимать все ее время, так что ей представится возможность увидеть этот красивый город. Она же имела право на свободное время, на отдых. И мысль о том, что Клайв может приглашать ее время от

времени провести вместе вечер, привела ее в трепет. По крайней мере, он очень тепло ее встретил. Несколько небольших оазисов в пустыне требований, исходящих от мистера Уитни, были бы чем-то, к чему она могла стремиться. Может быть, они потанцуют где-нибудь с Клайвом или вместе поедут на пляж позагорать.

Уитни предупредил ее, что он предпочитает завтракать один в своей комнате. Дженис это устраивало, так как давало ей возможность завтракать на балконе, начиная день хрустящими булочками и тостом, свежими фруктами и «лучшим кофе в Европе», как ей говорили.

Когда она следующим утром зашла в гостиную, Уитни был уже там, просматривая документы.

— Доброе утро, мисс Боуэн, — приветствовал ее он. — Уже позавтракали?

— Да, спасибо.

Он кивнул и, похоже, стал рассматривать ее наряд, красивое платье цвета морской волны, но было очевидно, что думает он о чем-то другом.

— Я загружал вас работой последние дни. Думаю, вам бы хотелось походить по городу пару часов, пройтись по магазинам. Вы же не могли привезти много нарядов, так что вам будет приятно добавить кое-что к вашему гардеробу. Вот вам португальские эскудо, это задаток, часть от вашей зарплаты. — Он достал из кармана несколько сотен эскудо.

Его предупредительность и вежливость, с которой все это было сказано, настолько удивили Дженис, что она с трудом могла произнести слова благодарности.

— Во сколько я должна вернуться обратно?

— Было бы хорошо к часу дня. Меня, возможно, здесь не будет, но я оставлю вам свои записи. Попросите внизу у портье диктофон, нам он понадобится для работы.

— Непременно сделаю.

Дженис поспешила уйти из отеля, прежде чем он успеет внезапно передумать и задержит ее для неожиданно возникшего поручения.

Солнце так ярко светило, что она решила немедленно купить соломенную шляпу с широкими полями. Мистер Уитни не догадался сказать ей, где находится ближайший торговый центр, и ей пришлось пройти авеню Свободы, широкую улицу, по которой машины шли тремя потоками, а по обеим сторонам на тротуарах располагались кафе и небольшие тенистые садики. Наконец она вышла к более узким улицам со множеством небольших магазинов. Она стала рассматривать витрины магазинов, потом выпила кофе в ближайшем кафе, и вдруг ее осенило, что можно позвонить Клайву без всякого опасения. В этом не было ничего, что нанесло бы вред ее хозяину.

Она набрала номер и услышала его голос, говоривший вначале по-португальски, и весело произнесла:

— Это Дженис. Надеюсь, я не оторвала тебя от серьезных дел?

— Пока нет. А где же босс?

— Он остался в гостинице, но собирался уходить. Думаю, опять на строительную площадку.

— И он спустил тебя с поводка?

— Я сейчас в городе, трачу деньги не считая.

— Послушай, Дженис, я бы с удовольствием пригласил тебя куда-нибудь, но, к сожалению, не получится. Мне надо вечером кое с кем обсудить дела. А как насчет завтра?

— Я не знаю. Ты же знаешь Уитни, он работает тогда, когда это устраивает его.

— Да уж, знаю, — угрюмо произнес Клайв. — Но совершенно случайно мне стало известно, что у нашего босса назначена встреча завтра вечером и ты должна быть свободна. Я позвоню тебе около половины восьмого?

— Хорошо, Клайв.

— И мы спокойно пообедаем в одном уютном ресторанчике.

Когда он повесил трубку, Дженис была в прекрасном настроении и начала мечтать о завтрашнем дне. Какое счастье, что она снова встретила Клайва и он был так рад ее увидеть! Под влиянием эмоций она купила себе роскошное серебристое платье, не глядя на очень высокую цену, пообещав себе в будущем быть более экономной. Она внезапно подумала, что не имеет никакого представления о своей зарплате.

Вернувшись в гостиницу, Дженис обнаружила, что босс оставил ей работы на целых полтора дня. Стоявшая же послеполуденная жара совсем не располагала к работе, а звала на прекрасные пляжи, тянувшиеся вдоль сверкающего моря. Она приготовила себе прохладительные напитки, а позже, около пяти часов, решила выпить крепкого кофе, чтобы восстановить силы.

В семь часов позвонил Уитни и сообщил, что он, видимо, не вернется до полуночи, и предложил ей пообедать одной в ресторане отеля. Было совершенно очевидно, что запрет на появление в общественных местах снят окончательно. Она спустилась вниз в ресторан, официант провел ее к столику, зарезервированному ее боссом на время их пребывания в Лиссабоне. Он обращался с ней с исключительным вниманием и почтением, но Дженис предпочла бы сейчас скромный ужин в кафе вдвоем с Клайвом. После обеда она немного погуляла в парке, расположенном напротив отеля.

Весь следующий день, занимаясь делами, она ни на минуту не могла забыть о том, что сегодня ужинает с Клайвом. Только бы Уитни не задержал ее слишком долго. После полудня он настоял на том, чтобы она сделала перерыв в работе. Пусть это не Испания, где с двенадцати до четырех часов дня все магазины и учреждения закрываются на отдых, здесь тоже слишком жарко для работы. Это явное и неожиданное внимание к ней было, по мнению Дженис, вызвано тем, что ее внезапная болезнь или переутомление были бы не в интересах начальника. К шести часам она завершила свою работу, надеясь, что он ее не задержит.

— Вы все закончили? — спросил Уитни, просматривая документы.

— Да. Абсолютно все.

— Налейте себе мартини и отдохните в кресле несколько минут.

Через несколько минут он внезапно спросил, свободна ли она сегодня вечером, и тут же, не давая ей ответить, заявил, что хочет, чтобы она сопровождала его вечером на обед к своим друзьям. От неожиданности она издала легкий звук разочарования и сказала, что не ожидала быть необходимой ему сегодня вечером, поэтому договорилась о встрече. Она чуть не проговорила о сообщении Клайва, что мистер Уитни вечером будет занят.

— Похоже, вы не теряете даром времени, — заметил Уитни. — Полагаю, это опять Диксон.

— Да, думаю, вы не будете против? — скромно ответила она.

— На этот раз я возражаю. Вы нужны мне сегодня вечером, а с ним встретитесь в другой раз.

Немного помолчав, она ответила холодным тоном:

— Хорошо. Я буду готова к назначенному времени. — А про себя подумала, что он мог

бы сказать ей раньше о своих планах на сегодняшний вечер.

— Не лучше ли вам самой позвонить и предупредить Диксона?

— Я сделаю это по телефону из своей комнаты. — Она не хотела, чтобы он слышал ее разговор, хотя он мог спокойно подслушать его по параллельному аппарату из гостиной. Однако Дженис еще больше расстроилась, когда, позвонив, выяснила, что Клайв уже ушел из офиса. Что же делать?

Вернувшись в гостиную, она сказала Уитни, что Диксона на работе уже нет. Глаза Уитни победно сверкнули, а рот искривился в язвительной улыбке.

— Ну конечно, мистер Диксон придерживается рабочих часов своих коллег в Англии и не задерживается в офисе, как его португальские сослуживцы. Не знаете ли вы номера телефона его гостиницы?

— Нет.

Он написал название его гостиницы и протянул ей листок, заметив при этом, что Диксон вполне мог по дороге домой зайти в кафе, чтобы поболтать с друзьями. Дженис взяла записку и узнала номер телефона. К счастью, Клайв был уже там.

— Будь я проклят! — воскликнул Клайв, услышав эту новость. — Он сделал это намеренно. Ну конечно, ты должна сопровождать большого босса!

— Ты сказал мне, что знаешь, куда он сегодня идет. Куда же?

— Это частный дом. Принадлежит очень известной семье Карвалью. Ну что же, ничего не поделаешь. Иди с ним и получай удовольствие. Не волнуйся, крошка. Встретимся в другой раз.

Ее слегка разочаровала реакция Клайва на происшедшее. Но он жил в Лиссабоне уже больше трех месяцев, и ему не составит труда заполнить освободившийся вечер.

Она тут же решила, что ее новое блестящее платье, скорее всего, не подойдет для сегодняшнего вечера. Наверняка мистер Уитни ожидает от нее нечто более скромное. И все же, надевая очень красивое платье лимонного цвета, она чувствовала себя обманутой даже в том, что ей так и не пришлось надеть новое серебряное платье. Мистер Уитни появился во фраке и черной бабочке, так что визит не был полностью связан только с бизнесом. Слегка перекусив в гостинице, они направились к ожидавшему их такси.

— Вам понравится дом, куда мы направляемся, особенно если вам нравится местная архитектура. Было бы точнее сказать, что когда-то это был небольшой дворец, и потомки первых его владельцев живут в нем на протяжении двухсот лет.

С улицы нельзя было ничего увидеть — только высокий белый забор с большими черными железными воротами. Их встретил слуга и провел через узкую зеленую аллею прямо к дому. Это был красивый длинный трехэтажный особняк, мягко розовевший в лучах заходящего солнца. «Величественный дом, — подумала Дженис, — но вряд ли его можно назвать дворцом». С мистером Уитни поздоровалась служанка и проводила через коридор в дальнюю часть дома. Широкая терраса смотрела на заброшенный парк с лужайками, высокими деревьями и небольшим озером с фонтаном.

— Эверард! Наконец-то вы появились! — воскликнула, приближаясь к ним и протягивая руку, стройная голубоглазая девушка с потрясающе красивыми волосами.

— Почему «наконец-то»? Я не мог прийти раньше.

— Знакомьтесь, Сельма, — сказал он, поворачиваясь к Дженис. — Это моя секретарша, мисс Боуэн. А это мисс Сельма Карвалью.

Пробормотав вежливое приветствие, Сельма взяла Эверарда под руку и с улыбкой

повела в дальний конец террасы, где уже толпилось много людей. К Дженис подошел слуга и предложил напитки. Она взяла стакан с подноса и, потягивая напиток, стала потихоньку оглядываться вокруг. Маленькими группами расположились человек тридцать, некоторые заняли столики под зонтиками, другие сидели на широких каменных скамьях, расположенных по краям парка.

«Зачем, черт побери, мистеру Уитни понадобилось приводить меня сюда, — подумала она, — на этот прием, коктейль, или как там его еще можно назвать, и тут же бросить в полном одиночестве».

За ее спиной раздался спокойный голос:

— Простите, но нас пока никто не познакомил. Я увидел, что вы одна, и понял, что ваш спутник вас покинул.

Повернувшись, Дженис увидела перед собой стройного темноволосого молодого человека.

— Может быть, он и покинул меня, но только лишь на пару минут.

— Боюсь, что тут вы ошибаетесь, но это не имеет значения. Позвольте представиться, Мануэл Карвалью. — И он церемонно ей поклонился.

— А я Дженис Боуэн.

— И вы здесь, в Лиссабоне, с Эверардом?

— Да, я его секретарь, — твердо сказала Дженис, чтобы не возникло никакого недопонимания между ее положением и статусом.

— Ну теперь можно считать, что мы знакомы. Пойдемте где-нибудь присядем.

Он провел ее в дальний угол террасы к широкой каменной скамье.

— Мне не хотелось бы уходить далеко на случай, если я вдруг понадоблюсь мистеру Уитни, — сказала Дженис.

— В настоящий момент он слишком занят, — произнес Мануэл, улыбнувшись, и в его глазах зажглись искорки. — Скажите мне лучше, как давно вы в Лиссабоне?

— Только три дня.

— Вы уже что-нибудь видели из его достопримечательностей?

— Не так уж много. На самом деле я приехала сюда работать, — засмеялась Дженис.

— Ну да, конечно. Англичане всегда так серьезно относятся к своей работе или только делают вид. Я пробыл три года в Кембридже, и некоторые из моих друзей-студентов старательно делали вид, что они работают день и ночь, а на самом деле прекрасно проводили время, наслаждаясь жизнью.

— Не каждый может себе это позволить, — засмеялась Дженис.

— Если только не считать таких приятных вечеров, когда вы можете ничего не делать, а только болтать, смеяться и пить хорошее вино. Он подозвал проходившего мимо слугу с подносом напитков и предложил Дженис бокал белого вина.

— Попробуйте, пожалуйста, это вино, — сказал он ей и стал внимательно наблюдать за выражением ее лица, пока она его пробовала. — Нравится?

— Просто замечательное. Как оно называется?

— «Амаранте», вино любви. Это одно из наших лучших вин с севера Португалии.

Дженис решила изменить тему и вернуться к началу разговора. Она спросила, не брат ли он Сельмы Карвалью.

— Нет, я ее кузен. Сельма только наполовину португалка. Ее мать из английской колонии в Лиссабоне, и она вышла замуж за члена нашей семьи.

— Это ваш дом?

— Конечно. Именно поэтому, когда мои гости томятся в одиночестве, я немедленно должен подойти и исправить положение.

— Это очень мило с вашей стороны.

— Вы должны чаще приходить сюда с Эверардом. Нет сомнений, он будет использовать каждую возможность для встречи с Сельмой. Он влюблен в нее.

— Неужели? — Дженис была просто поражена этим неожиданным сообщением, которое означало, что Уитни свойственно что-то человеческое.

— За Сельмой многие ухаживают, — продолжал Мануэл.

— Да, она очень красива, я это заметила, хотя видела лишь мельком.

— Ее сестра Леона тоже хороша, хотя она совершенно другого типа. К сожалению, она не в моем вкусе, она чувствует это и не уделяет мне внимания. Жаль, что так получилось, ведь наши отцы хотели нас поженить и таким образом объединить две ветви семьи. Посмотрите, вон там стоит Леона и разговаривает с каким-то англичанином.

Взглянув в сторону, куда указал Мануэл, Дженис увидела темноволосую девушку в длинном узком платье из белых кружев, с длинным боковым разрезом выше колена. И тут у нее перехватило дыхание — собеседником Леоны был Клайв Диксон. Что же это было — совершенно невероятное совпадение или Клайв специально явился сюда, чтобы встретиться с ней здесь?

Девушка была явно раздражена и время от времени отбрасывала назад свои красивые темные волосы. Клайв слушал ее с сочувствием. Наконец Леона слегка по-дружески толкнула его в плечо и направилась быстрым шагом, насколько ей позволяла юбка, через лужайку. Клайв повернулся и направился к Дженис и Мануэлу.

— Хотите, я представлю вас моему английскому другу?

— Спасибо, но в этом нет необходимости, Мануэл, мы с Дженис давно знакомы.

— В таком случае я оставляю вас. Прошу прощения, но мне надо уделить внимание другим гостям.

— Прости, если я нарушил вашу беседу с Мануэлом, — засмеялся Клайв, когда тот ушел. — Могу поспорить, что он посвящал тебя в сплетни и скандалы этого общества.

— О нет. Он рассказывал мне о своих кузинах, Сельме и Леоне.

— Только что Леона изливала мне душу.

— Да, я вас видела. Мануэл сказал мне, кто это девушка, что разговаривала с тобой.

— Бедная Леона! Ты, наверное, знаешь, что многие английские, а также англо-португальские семьи, живущие здесь, посылают своих детей получать образование в Англию, хотя они вырастают здесь и у них два основных языка. Леона с трудом выдержала один год в очень престижной английской школе и сейчас дома на каникулах. Она категорически отказывается возвращаться туда снова.

— Сколько ей лет?

— Восемнадцать, но в некоторых вопросах она рассуждает как зрелая женщина. Иногда она кажется умудренной жизненным опытом, а иногда просто восстающей против семьи шестнадцатилетней девчонкой.

— Каким же образом ты здесь очутился? — помолчав, спросила Дженис.

— Я знал, что Уитни приглашен сюда сегодня, поэтому решил, что мы проведем спокойный вечер вдвоем, но, когда милорд настоял на том, что ты должна идти вместе с ним, я позвонил Леоне, будто убедиться, что прием не отменяется. Она подтвердила

приглашение. И вот я здесь.

— Уитни поломал мои планы на вечер, но, как только мы сюда приехали, он тут же удалился вместе с Сельмой Карвалью, и больше я его не видела.

— О, если Сельма его завлекла, то он уже забыл о тебе.

— Мне никогда не приходило в голову, что он может интересоваться женщинами. Я воображала, что для него существует только работа.

— Это действительно так, но и в броне можно найти уязвимое место. Каждый раз, когда он приезжает в Португалию, семья Карвалью готова объявить о помолвке Сельмы и симпатичного английского денежного мешка.

Именно в этот момент «симпатичный английский денежный мешок» направился в сторону Дженис и Клайва.

— Простите, что так надолго оставил вас, мисс Боуэн. Но я вижу, вы нашли себе компанию. Мне казалось, у вас были другие планы на сегодняшний вечер, Диксон, — произнес он, повернувшись к Клайву.

Клайв встал и посмотрел прямо в лицо своему начальнику с присущей ему уверенностью:

— Вы совершенно правы, но в последний момент они, к сожалению, изменились, вот я и решил заполнить свободный вечер.

Несколько мгновений мистер Уитни внимательно смотрел на Клайва, потом повернулся к Дженис:

— Пойдемте со мной, мисс Боуэн. Мы остаемся на обед. Желаю вам приятного вечера, мистер Диксон. И я бы хотел видеть вас завтра на работе в восемь часов утра.

Дженис могла лишь тихо пробормотать слова прощания и бросить в его сторону взгляд, в котором было сожаление, что их встреча так быстро закончилась.

Обед был сервирован на отдаленной от дома лужайке. Теперь у Дженис появилась возможность рассмотреть сестер. У Сельмы явно просматривались ее английские корни: гладкая нежно-розовая кожа, ярко-голубые глаза и золотая копна волос. Леона, с ее темно-каштановыми волосами, огромными темными сверкающими глазами, сочными яркими губами вызывающего рта, была совершенным образцом португальской женщины.

Стало смеркаться, и в парке зажглись фонари. Они красиво освещали ограду парка, кусты роз, камелии и гардении.

Дженис посадили между двумя леди преклонного возраста, членами семьи Карвалью, которых больше интересовала гостья, сидевшая по другую сторону стола. Как только обед завершился, к Дженис подошел Мануэл:

— Примите наши извинения, что вы попали в не совсем подходящую для вас компанию. В следующий раз я лично за этим прослежу и постараюсь сам сесть с вами рядом.

Когда Уитни дал ей понять, что пора уходить, Дженис вошла в дом, чтобы забрать свою шифоновую накидку, и вдруг услышала голоса из другой комнаты.

— Кто была эта девушка с Эверардом? Та, что в зеленом платье? — спросила женщина.

Дженис остановилась и прислушалась, другой голос ответил:

— Насколько я понимаю, это его секретарша. Может быть, он привез ее из Англии, чтобы она его защищала?

Раздался взрыв смеха, в котором потонули остальные слова говоривших. Было неудобно стоять и подслушивать, поэтому Дженис поспешно вышла. По пути в отель, уже в такси, она вспомнила эти слова, и они ее позабавили. Сама мысль о том, что Эверард Уитни нуждался

в защите, была абсурдна, но предположение, что она может дать ему эту защиту, показалась просто забавной.

Дженис никогда прежде не бывала в таком роскошном отеле, где фойе и первый этаж были отделаны мрамором, висели люстры, на полу мягкие толстые ковры, и поэтому никто не мог догадаться, что наверху, начиная с пятого этажа, царил полный хаос. Комнаты были еще не закончены, рабочие перекрикивались, стоял страшный шум, и летали облака пыли.

Она приехала вместе с Уитни и Клайвом в эту инспекционную поездку в гостиницу «Кастелло» и делала пометки в своем блокноте обо всем, что, как ей казалось, могло бы потом заинтересовать шефа. Когда Уитни обращался к прорабу или электрику на португальском языке, Клайв переводил ей или сообщал общий смысл сказанного, за что она была ему благодарна. Приходилось преодолевать большие неосвещенные помещения, иногда под потолком висели на проводах голые лампы. На неровном полу стояли водяные лужи, и приходилось порой перемещаться с этажа на этаж по временным деревянным переходам, так как ни лестницы, ни тем более лифты еще не были закончены.

Уитни и Клайв оделись соответственно предстоящей им миссии: в темные рабочие брюки и темные клетчатые рубашки. Дженис они не предупредили, как надо одеться, и, хотя на ней были сандалии на плоском каблуке, ее голубое хлопковое платье было уже в пятнах от соприкосновения со стенами и ржавыми трубами. Когда они спустились в подвальный этаж гостиницы, Дженис удивили огромные лужи желтой жидкой грязи. Клайв объяснил ей, что рабочим приходится увлажнять землю водой, иначе они здесь просто задохнутся в клубах пыли. И все-таки на стройке ей было гораздо интереснее, чем выполнять бумажную работу в офисе или даже в их роскошном отеле. Здесь она лучше понимала ту критику, которой босс подвергал работу Клайва.

— Как только полы и потолки будут закончены, ванные комнаты должны быть оснащены новой сантехникой. Почему до сих пор не работает новый служебный лифт? Все электрические работы должны были быть давно закончены.

Мистер Уитни отдавал бесконечные указания, задавал столько же вопросов окружающим, и теперь уже Дженис понимала, что он был совершенно прав, считая необходимым лично приехать в Лиссабон с проверкой. Клайву тоже доставалось.

— Вы должны следить, чтобы материалы на стройку доставлялись в определенной последовательности. Ваша работа состоит в том, чтобы координировать поставки. Бессмысленно доставлять тысячи настенных плит до того, как закончены штукатурные работы. Они лишь занимают нужное нам свободное пространство, и в конце концов окажется, что половина из них уже разбита.

Клайв делал пометки в своем блокноте, но через минуту, когда Эверард отошел, чтобы проверить наличие труб, он улыбнулся Дженис и пожал плечами:

— Завтра он будет опять мной недоволен, потому что что-то не будет доставлено вовремя. О, наконец-то мы сможем смочить наши пересохшие горла.

Это появился официант с подносом, на котором стояли стаканы и два кувшина с вином.

— Быстро, — прошептал Клайв, — пока его светлость не вернулся. Как насчет сегодняшнего вечера? Ты будешь свободна?

— Откуда мне знать заранее? Прошлым вечером я тоже считала себя свободной, но он все изменил.

— Я позвоню тебе в гостиницу часов в шесть, и ты уже сможешь мне сказать о ваших

планах.

— Хорошо. Договорились. — Глаза Дженис засияли.

Когда она вернулись в свою гостиницу, то немедленно бросилась в душ, чтобы смыть пыль и пот сегодняшнего утра. Надев чистое платье, она уже начала печатать заметки, которые сделала утром, когда Уитни неожиданно появился в гостиной, уже переодевшийся в чистую рубашку и брюки.

— Вижу, вам тоже пришлось переодеться. Надеюсь, что ваше платье не безнадежно испорчено. Порой приходится работать в грязи и пыли.

— С платьем будет все в порядке, — сказала Дженис. — Мне было очень интересно побывать на стройке. Все данные, которые я вижу обычно на бумаге, выглядят совсем по-иному, они просто оживают, когда приходится переступать через трубы или видеть сложенные друг на друге и готовые к установке ванны.

Посмотрев на него, она заметила на его лице выражение удивления и одобрения.

— Пожалуйста, заканчивайте побыстрее эту страницу, потом мы спустимся вниз на ленч.

Впервые за время пребывания в Лиссабоне они вместе появились в ресторане отеля. Дженис была тронута его вниманием, было совершенно очевидно, что она прошла тест и теперь он не возражал, чтобы его видели вместе с ней. Изучив меню, он предложил ей заказать рыбу по-португальски, потом откинулся на спинку стула:

— Что вы собираетесь делать после ленча?

— Работать над утренними записями на стройке.

— Вы не встречаетесь с Диксоном?

— Днем нет, — ответила она, слегка покраснев.

Он подождал, пока она выберет закуску, потом спросил:

— Вы бывали в парке напротив гостиницы?

— Да, я гуляла там позавчера.

— Ну, тогда поезжайте на пару часов в Эстуфа-Фриа. Там очень приятно и прохладно. Возвращайтесь около четырех, у меня есть для вас небольшая работа. И у вас еще останется достаточно времени, чтобы подготовиться для вечерней встречи с Диксоном.

Она поняла, что по тону ее голоса Уитни догадался про ее встречу с Клайвом не после полудня, а именно вечером. Ей же не было запрещено с ним встречаться. Это новое отношение Эверарда к ситуации ее явно подбодрило, и она пообещала себе, что по возвращении с прогулки поработает на него с удвоенной энергией. После ленча, когда она проходила по гостиничному холлу, перед ней вдруг появился Мануэл Карвалью.

— Как хорошо, что я вас так неожиданно встретил, — приветствовал он ее. — Но вы ведь вряд ли собираетесь выйти в послеполуденную жару?

— Только на пару часов погулять в парке. По совету мистера Уитни я собираюсь в Эстуфа-Фриа.

— Это прекрасная идея. Могу я вас туда сопровождать? — улыбаясь, спросил Мануэл.

— Ну конечно.

Когда они вышли из гостиницы с ее охлажденным кондиционером воздухом на палящее солнце, то было ощущение, что они попали прямо в раскаленную духовку.

— Это не очень далеко отсюда, и я знаю короткий путь в этот парк, — заметил Мануэл.

Они шли по тропинке среди кустов до тех пор, пока перед ними не открылось небольшое озеро, здесь же начинался вход в таинственный Эстуфа-Фриа.

— Что означают эти слова? — поинтересовалась Дженис.

— Единственно подходящий перевод — «холодный горячий дом», — ответил Мануэл.

Теперь Дженис увидела естественный вход в стене, над которым нависала деревянная крыша, пропускавшая воздух и дождь, но которая затеняла прямые солнечные лучи. Сравнительно небольшая площадь была очень красиво оформлена: на искусственно созданных различных уровнях среди красиво уложенных камней и журчащих ручьев росли цветущие кустарники, небольшие группы пальм. Тропинки вели вверх и вниз, делали небольшие петли и совершенно неожиданно выводили к небольшим гротам или пещерам, бассейнам или фонтанам.

— В Бразилии это был бы естественный плачущий лес, и там деревья совершенно скрывают солнце. Но в Европе наш Эстуфа-Фриа совершенно уникален, — с гордостью объяснил ей Мануэл.

— Это похоже на волшебную пещеру из оперы «Пер Гюнт».

Из висевших на деревьях динамиков послышалась божественная музыка. Дженис узнала «Пасторальную симфонию» Бетховена.

— Иногда звучит музыка Дебюсси и Генделя, но никогда вы не услышите здесь шлягеры. Это не соответствует настроению.

— Просто трудно поверить, что мы с вами находимся в центре большого раскаленного от жары города. Я буду приходить сюда, как только у меня появится свободная минута, тем более это совсем рядом с нашей гостиницей.

— Можно я буду составлять вам компанию? Только позвоните мне, и мы здесь встретимся.

— Но я никогда не знаю заранее, когда мистер Уитни даст мне свободное время.

Мануэл повернулся к ней и положил руку на спинку ее стула, в его темных глазах читалось явное восхищение.

— Я рад, что попал сегодня в вашу гостиницу. Честно говоря, мне надо было сопровождать Сельму, ей захотелось встретиться с Эверардом.

— Вот как. — Теперь Дженис поняла, почему Уитни дал ей столько свободного времени. Он просто ждал Сельму, и его секретарша ему, конечно, мешала.

Спустя некоторое время Мануэл и Дженис поднялись по склону и зашли в кафе, где столики располагались в тени огромных зонтов на берегу узкого озера. Мануэл заказал две чашки кофе и поинтересовался, была ли она на знаменитой улице с подъемником. Она ответила отрицательно и сказала, что видела его только издали с главной авеню.

— Похоже, Эверард не особенно беспокоился, чтобы рассказать, какие места надо посетить.

— Я не хочу отнимать у вас время, кроме того, я приехала сюда работать, а не развлекаться.

— Мое время? Да мне совершенно нечего делать.

— Вы хотите сказать, что вам нечем заняться?

— Работа — это не для меня. По крайней мере, ежедневная работа. Я Карвалью, и мы управляем другими. Они работают на нас. В сентябре мы поедем на сбор винограда в наше поместье, туда, где мы владеем виноградниками. Вы должны попросить Эверарда позволить вам поехать с нами. Вы увидите, как делается вино. Это праздник.

— В сентябре? К этому времени я уже вернусь в Лондон.

— О нет! — На его лице отразилось разочарование.

Дженис взглянула на часы:

— Уже почти четыре часа, мне пора возвращаться в гостиницу. Спасибо за то, что показали мне Эстуфа.

— Может быть, вы пообедаете со мной сегодня вечером?

— Простите, сегодня вечером я занята.

— Почему? Эверард опять берет вас куда-то с собой?

— Нет-нет.

— Ну тогда это Диксон. Этот человек напоминает мне циркового жонглера, у которого все тарелки вращаются одновременно. Конечно, вы должны принять приглашение вашего соотечественника, но после него уж наступит моя очередь.

При расставании он пожелал ей приятно провести вечер и пообещал ничего не рассказывать Леоне о встрече Дженис и Диксона. Дженис несколько озадачила эта ссылка на Леону. Неужели Клайв настолько стал ей близок, что девушка ревнует его к любой знакомой?

Мистера Уитни в номере не было. Возможно, он пригласил сеньориту Сельму на чашку чаю. Дженис сконцентрировала свое внимание на работе, стараясь закончить ее к шести часам. Приняв затем душ, она уделила особое внимание своей прическе и косметике, после чего надела свое новое серебряное платье. Зазвонил телефон, и служащий предупредил ее, что мистер Диксон уже ожидает ее внизу.

— Я уже спускаюсь, — ответила она.

В ту же минуту в комнату вошел Уитни и остановился как вкопанный при виде Дженис. Он оглядел ее с головы до ног, и она не могла бы сказать, был ли он ослеплен яркостью ее платья или просто потерял дар речи от неожиданности и восхищения.

— Я закончила всю работу, — поспешно сказала она.

— И теперь вы готовы уйти. Новое платье?

— Да, я купила его здесь. — Дженис слегка покраснела.

— Очень впечатляет.

Итак, он считал, что оно слишком вызывающее. Теперь она уже жалела, что ей не удалось уйти на несколько минут раньше. Вдруг он добавил:

— Вы выглядите просто очаровательно. Не позволяйте Диксону задерживать вас слишком долго. Мне вы нужны завтра. Мы поедем в Эсторил.

Клайв ждал в такси. Только когда машина направилась вдоль авеню Свободы, он и Дженис повернулись лицом друг к другу и рассмеялись.

— Я была уверена, что в последнюю минуту он позовет меня и заставит работать, — призналась Дженис.

— А я просто боялся подниматься к вам в номер, потому что он бы сразу начал читать мне нотации.

Говоря это, Клайв обнял ее за плечи. Дженис чувствовала себя счастливой, хотя понимала, что не должна переоценивать те небольшие знаки внимания, которые он ей оказывал, или строить воздушные замки относительно их совместного будущего. Но в настоящий момент ей было просто приятно находиться в его обществе и наслаждаться доставшимися ей несколькими часами свободы. Они были как двое детей, которые сорвались с родительского поводка.

После неспешного аперитива, который они выпили на площади Россио, в центре Лиссабона, Клайв привез ее в знаменитый рыбный ресторан на одной из узких улочек

позади площади. Дженис попробовала, по рекомендации Клайва, устриц в небольших, похожих на блюдечки раковинах.

— В чем настоящая причина приезда Уитни в Лиссабон? — поинтересовался Клайв.

— Ему было нужно самому убедиться, как идут дела на строительных площадках.

Несколько минут он молча поглощал устриц, потом вновь произнес:

— Интересно.

— Тебе лучше знать, есть ли у него какие-то другие причины. — Ее любопытство разгоралось.

— Да, хотел бы я знать, что у него на уме. Мне кажется, он хочет завязать более тесные контакты с семьей Карвалью.

— Из-за Сельмы Карвалью?

— Сельма — только одна из многих причин. Семья Карвалью — одна из наиболее уважаемых и богатых в Португалии, они ко всему приложили руку. Конечно, им принадлежит весь винный бизнес, но это не самое главное. Они владеют целой флотилией, фабриками, землей и, конечно, многочисленными гостиницами, включая и те, что наша компания строит и реконструирует.

— Я не могла себе этого даже представить, — удивилась Дженис. — Вот почему для него было так важно пойти к ним на обед прошлым вечером.

— Отчасти. Думаю, Уитни хочет убить двух зайцев. Отец Сельмы — один из самых влиятельных членов семейного клана, он председатель в одной компании и президент в другой, да и сама Сельма достаточно важная персона. Если бы Уитни смог понравиться и отцу, и дочери, то обеспечил бы себя до конца жизни.

— Он влюблен в Сельму?

— Трудно сказать, где кончается любовь и где начинается охота за ее деньгами и наследством. Конечно, она очень красива, но, как ты понимаешь, у него достаточно соперников.

— Не могу даже представить себе влюбленного мистера Уитни.

— Зато ты легко можешь представить его раздающим приказы и инструкции налево и направо или проходящим мимо девушки и машинально целующим ее в щечку, когда он внезапно вспоминает, кто она такая, — рассмеялся Клайв.

— Может быть, и для него настанет день, когда он встретит свою суженую.

— У каждого мужчины есть свое слабое место. Может быть, для него это будет Сельма, но, скорее всего, его собственные амбиции помогут ему выбрать себе невесту и, женившись, попасть в нужные круги общества.

Дженис слегка покоровило это циничное заявление Клайва. Она могла бы согласиться с этими рассуждениями, но ведь и сам Клайв был недалеко от этого и искал для себя блестящую пару, чтобы удовлетворить свои запросы.

— Послушай, сейчас, когда мы временно избавились от мистера Уитни, может быть, на время забудем о нем, — сказала Дженис. — Расскажи мне лучше о себе. О своих планах на будущее.

После небольшой паузы Клайв сказал:

— Мои представления о жизни во многом изменились с тех пор, как я приехал в Португалию. Вначале я был крайне зол, когда меня неожиданно, без предупреждения вырвали из Англии и, не спрашивая моего согласия, отправили в Португалию. Мне как раз предстояло повышение, меня собирались поставить во главе лиссабонского

представительства нашей компании. И скорее это было похоже на ссылку.

Дженис решила не рассказывать ему о тех слухах, которые распространялись в лондонском офисе, и дать ему выговориться.

— Теперь я решил взять от этого перемещения все что можно. Может быть, именно здесь для меня таятся возможности, о которых я мог только мечтать. Очень многое зависит от тех докладных, которые Уитни посылает в Лондон. Меня крайне раздражает мысль о том, что все мое будущее зависит от него и от того настроения, в котором он может находиться в момент, когда пишет свой отчет.

— Но он справедлив и никогда ничего не сделает только от неприязни к человеку, — возразила Дженис.

— Ты так думаешь? Тогда ты его совсем не знаешь. Уитни может быть крайне жестоким, когда он этого хочет.

Дженис ничего ему не ответила, и Клайв взял ее за руку.

— Можешь ни о чем не волноваться, крошка, — сказал он тоном, который немедленно поднял ее упавшее было настроение. — Ты единственная из всех девушек, кого он мог привезти из Лондона, которую я рад видеть.

— Эта фраза всегда у тебя про запас для каждой девушки? — усмехнулась она.

— Совсем нет, Дженис. Это правда. Уверен, что мы с тобой чудесно проведем здесь время, несмотря на нежелание его величества. — И он поднял свой бокал с вином. — Давай же выпьем за счастливое время в Лиссабоне!

Когда они выпили и она поставила пустой бокал на стол, Клайв положил руки на стол и наклонился к ней:

— Знаешь, Дженис, ты можешь быть очень полезной для меня теперь, когда ты работаешь на Уитни.

— Чем же я могу тебе помочь?

— Да самым разным образом. Например, ты можешь предупреждать меня о его предстоящих визитах и уходах, так что я буду всегда знать, когда я свободен.

Дженис облегченно вздохнула. Она боялась, что Клайв попросит ее сообщать конфиденциальную информацию.

— Хочешь, поедem куда-нибудь потанцуем? — спросил он, после того как заплатил по счету.

— Да, это было бы прекрасно.

Он привез ее в шикарный отель, где танцевальный зал был расположен на крыше, с трех сторон окруженный стеклянными стенами.

— Как красиво! — воскликнула Дженис, очарованная видом города с высоты.

— Меня больше привлекает то, что я сейчас держу в своих объятиях, — прошептал, танцуя, Клайв. — В этом платье ты выглядишь просто потрясающе.

— Спасибо. — Глаза Дженис светились от счастья. — Даже мистер Уитни заметил это сегодня, так что оно действительно впечатляет.

— Уитни? Какое ему дело до того, как одета его секретарша, когда она идет на свидание? — Клайв отодвинул танцующую Дженис на расстояние вытянутой руки. — Может быть, он влюбился в тебя?

— Нет, не думаю, — счастливо рассмеялась Дженис. — Просто это действительно слишком вызывающее платье.

Клайв крепко обнял ее. Позже, когда они ехали в такси домой, он держал ее в своих

объятиях, нежно целуя, но она знала, насколько опытный он ухажер, и не очень доверяла его чувствам.

— О, Джен, я хочу показать тебе все самые красивые места, пока ты здесь.

Сидя в его объятиях и положив голову ему на плечо, она пробормотала:

— Да, Клайв, но я пробуду в Лиссабоне только несколько недель, может быть, месяц. И когда я вернусь в Лондон, ты сразу обо мне забудешь, — добавила она, желая его слегка спровоцировать.

— Что ты! Как я могу так поступить! — запротестовал Клайв, закрывая ей рот поцелуями.

Когда такси остановилось около входа в гостиницу, Клайв спросил о ее планах на субботу и воскресенье и предложил вместе отправиться в одно из курортных местечек на побережье. Он попросил позвонить ему.

Дженис тихо пробралась к себе в спальню, стараясь пройти мимо гостиной так, чтобы не встретиться с Уитни, потому что была уверена, что ее волосы и косметика на лице явно не в порядке.

Прежде чем переодеться, она вышла на балкон. Несколько минут на свежем ночном воздухе могли бы несколько успокоить ее эмоции в отношении Клайва. Ей совсем не хотелось возвращаться в Лондон и оставлять его в Лиссабоне, всегда готового к новому роману с другой девушкой, которую он здесь повстречает. Однако она старалась себя утешить мыслью, что он в городе уже несколько месяцев и все еще не нашел себе постоянную подругу.

Дженис уже боготворила мистера Уитни за то, что он выбрал именно ее в эту поездку. Просто ей повезло? Она повернулась, чтобы идти к себе в спальню, и тут только заметила, что в гостиной и спальне Уитни не горит свет. Вдруг она увидела огонек горящей сигареты в дальнем конце комнаты. И поняла, что все это время он сидел там в темноте и наблюдал за ней, стоящей на балконе, освещенной светом из ее собственной комнаты.

Она сразу почувствовала раздражение оттого, что он следит за ее приходом. Что же она, не может вернуться домой, когда ей захочется? Дженис уже собиралась громко пожелать ему спокойной ночи, но решила сдержаться и сделать вид, что не заметила его.

На следующее утро она завтракала на своем балконе очень рано и была готова к работе. Мистер Уитни уже сидел в гостиной, разбирая деловые бумаги, когда она вошла в комнату.

— Готовы? — спросил он, даже не взглянув на нее.

— Да, — ответила Дженис, так и не зная, к чему, собственно, она должна быть готова.

— Я заказал для нас машину из офиса. Позвоните и узнайте, не приехала ли она.

Ей ответили, что машина их уже ждет.

— Прекрасно. Вы взяли с собой все, что вам необходимо?

Она подняла с пола большую соломенную сумку, которую купила в Лиссабоне. Помимо косметики и всяких мелочей она положила блокнот, карандаши и ежедневник для мистера Уитни, а также стальную сантиметровую ленту, которой Уитни обычно проверял уже кем-то сделанные предварительные измерения комнат в строящихся гостиницах.

— Может быть, вам взять купальник? Или вы не любите море?

— Конечно, я люблю плавать. Просто мне не пришло в голову, что у нас будет время для таких пустяков. — С этими словами она опрометчиво выбежала из гостиной, не дожидаясь его укоризненного взгляда.

Пока они ехали по окрестностям Лиссабона по дороге в Эсторил, она молча сидела на

заднем сиденье машины. Уитни расположился рядом с ней, изучая план и сопроводительную документацию строительства новой гостиницы «Мирадор», которое велось в Эсториале. По обеим сторонам дороги были видны белые виллы, затененные густыми деревьями, поднимающаяся вдаль линия холмов и везде масса ярких цветов. Неожиданно Уитни сложил все бумаги в портфель и вытянул свои длинные ноги.

— Ну как Диксон, вы довольны встречей с ним прошлым вечером? — резко спросил он.

— Да, я получила большое удовольствие от встречи с Клайвом, — ответила она ровным голосом. Она вовсе не хотела, чтобы он понял, что встреча превзошла все ее ожидания.

— Куда же вы направились? — поинтересовался Уитни.

Она подумала про себя, действительно ли это интересует его, или ему это нужно знать, чтобы покритиковать его в очередной раз. Но она рассказала, что они были в рыбном ресторане, а потом отправились танцевать в отель, где танцевальный зал располагался на крыше.

— Ну да, аквариум для рыбок, — засмеялся Уитни. — Но это действительно приятное место для танцев.

Они приехали в Эсториал, и Дженис вышла первой на щебенку, которая окружала недостроенный отель. Здание «Мирадор» оказалось не таким большим, как ожидала Дженис, особенно после того, как она уже насмотрелась на огромные новые отели, выстроившиеся вдоль побережья. Казалось, что Уитни прочел ее мысли, и произнес вслух:

— Гостиница не будет слишком большой. Так намного уютнее, и наши гости почувствуют себя почти в домашней обстановке.

— Но ведь все-таки это гостиница. Только в маленьких пансионатах или мотелях администрация всегда знает своих гостей по именам.

— Может быть, вы и правы, — Уитни бросил в ее сторону быстрый взгляд, — но в любом случае постояльцы сменяются в этих местах слишком быстро, чтобы их запомнить.

— Взрыв туризма, — пробормотала она. — Интересно, каким был Эсториал до их наплыва сюда.

— Он всегда был фешенебельным и веселым курортом. Здесь было казино, круглый год работали аттракционы, потрясающий климат, и все это всего в пятнадцати милях от Лиссабона. Моя мама рассказывала мне, что ее приятельница советовала ей поехать сюда на время медового месяца, но они с отцом выбрали Люцерну.

Тут же мысли Дженис переключились с красот Эсториала и его потрясающих окрестностей к семье мистера Уитни. Надо сказать, что у всех было такое впечатление, что Эверард никогда не был маленьким, а родился уже взрослым с мышлением должностного лица.

Инспекционный тур продолжался очень долго и крайне их утомил. Несколько часов подряд они переходили из комнаты в комнату, с этажа на этаж, вверх и вниз по бесконечным лестницам, заходя и вновь выходя из лифтов для служебного пользования, пока наконец Дженис не нашла скамейку и не села отдохнуть под временно сооруженной крышей.

— Вам надо было бы купить большую широкополую шляпу от солнца, — посоветовал ей Уитни. — Я совсем не хочу, чтобы вы получили солнечный удар.

— Не волнуйтесь, я постараюсь не заболеть, — холодно произнесла она, уверенная, что он снова думает только о себе.

Наслаждаясь холодным фруктовым напитком, она наблюдала необычную картину, как несколько рабочих опускали высокую пальму в глубокую яму.

— Разве можно пересаживать такое большое дерево? Оно ведь для этого слишком старое и сразу погибнет после пересадки?

— Такое делается уже во многих странах. Это, конечно, особое искусство, но мы не можем позволить себе сажать небольшие кусты и ждать по пятьдесят лет, пока они вырастут.

Она видела, как кран очень осторожно опустил в яму дерево, корни которого были аккуратно обернуты материалом, предохранявшим их от повреждений. Это было начало парка, который предполагалось разбить перед входом в гостиницу. Рабочие продолжали посадку кустов, олеандров, магнолий, а двое из них налаживали небольшой фонтан, включая и выключая воду и, к их взаимному удовольствию, обливая себя водой с ног до головы. Несколько рабочих красили обращенный к морю фасад гостиницы в нежно-розовый цвет. Этот цвет был намного приятнее для глаза, чем чисто-белый.

Когда Дженис похвалила выбранный им цвет, мистер Уитни заметил, что он тоже считает розовый цвет намного удачнее, чем белый. Да и поддерживать стены белоснежными стоило бы намного дороже. Наконец они покончили со своими напитками, и он с удвоенной энергией воскликнул:

— Ну а теперь отправимся на ленч!

Уитни повел ее в небольшой ресторанчик, где они устроились на прохладной тенистой террасе, выходящей прямо на парк. Прекрасное вино и еда быстро восстановили ее силы, и после окончания трапезы Дженис неожиданно сказала, что готова принять его предложение и купить себе широкополую шляпу.

Она никак не могла и предположить, что мистер Уитни захочет сопровождать ее по магазинам, но тут же сообразила, что он знает местные лавочки, чего она не могла сказать о себе, да и говорит свободно по-португальски, хотя многие продавцы говорили по-английски и по-французски.

В первом же магазинчике она примерила несколько шляп, но каждый раз он отрицательно качал головой.

— Нет, нам нужна шляпа с волнистой линией, — произнес Уитни, движением руки показав, что он имел в виду.

«Вероятно, и шляпы он рассматривает как строго архитектурные элементы», — подумала Дженис.

Однако его совет оказался весьма полезным. Дженис тут же принесли целую коллекцию соломенных шляп с широкими волнистыми полями, настолько красивых, что их можно было бы надеть для королевского приема, а в случае нужды использовать от солнца на пляже. Дженис стала примерять их одну за другой, бессознательно ожидая одобрения Уитни. Наконец она остановила свой выбор на одной из них, очень удобной. По краю полей шла окантовка цвета фуксии, а широкую длинную ленту того же цвета можно было завязывать под подбородком или сзади под ее темными волосами.

— Вот эта действительно очень вам к лицу, — согласился Уитни, ожидая пока она оплатит покупку.

Дженис была рада, что широкие поля шляпы закрывали ее лицо, так как она быстро краснела даже по пустякам, а уж сейчас особенно, когда продавщица с улыбкой посмотрела на Уитни, а потом на Дженис, явно принимая их за любовников.

Прекрасное настроение Уитни сохранилось и после ленча, и Дженис была приятно удивлена его раскрепощенной манерой обращения с ней, когда они устроились на

небольшом тихом пляже, недалеко от рыбацкой деревни.

— Будьте осторожны с солнцем, не старайтесь слишком быстро загореть, — предупредил ее Уитни.

Дженис кивнула и стала втирать в кожу масло для загара. Она легла на полотенце, надев новую шляпу, которая почти полностью прикрывала ее лицо и давала ей возможность тайком рассматривать этого необыкновенного человека, настроение которого так быстро менялось, превращая его то в жесткого бизнесмена, то в спокойно отдыхающего на пляже приятеля. Только теперь она начала осознавать, что Эверард Уитни делал все только так, как считал нужным. Он работал всегда крайне напряженно, с огромной затратой собственных сил, но, когда у него находилось время для отдыха, он расслаблялся так же легко, как котенок.

Невольная улыбка тронула ее губы: сравнить мистера Уитни с игривым котенком — это уж слишком. Солнечные лучи запутались в его каштановых волосах, придавая им рыжеватый оттенок, и серые глаза, казалось, потеплели в жарком португальском климате. Его тяжелый холодный взгляд и бескомпромиссная линия губ уже не действовали на нее парализующе. Теперь она видела лишь твердый, чувственный рот, губы которого могли сложиться в беспощадную линию или приятную улыбку, когда уголки рта слегка приподнимались кверху. Тело его уже приобрело золотистый загар, и ей оставалось лишь догадываться, как он сумел этого добиться во время короткого английского лета. Наверное, он проводил все короткие отпуска в местах, где много солнца.

— Скажите, какова цель вашей жизни? — неожиданно спросил он.

Его вопрос ее поразил, она быстро села и внимательно на него посмотрела. Он повернулся к ней, локоть одной руки утонул в песке, подбородок покоился на ладони. Что-то в его взгляде ее смутило.

— Какова цель? — переспросила она, стараясь выиграть время.

— Да. Что вы собираетесь делать? Есть ли у вас какие-то планы на будущее? — К нему снова вернулся его обычный надменный тон, глаза смотрели на нее холодно и насмешливо.

«Зачем ему знать о моих планах? И вообще, какое ему до меня дело?» — промелькнуло у нее в голове. Но его интерес ей был приятен.

— Мне бы хотелось стать секретарем высшего класса, — проговорила она.

— Как трамплин в будущее? А что потом?

— Если вы опытный секретарь, то перед вами открываются большие возможности.

— Совершенно верно, — улыбнулся он. — Иногда даже появляется шанс работать за границей.

— Да, — улыбнулась она в ответ. — Я очень обрадовалась возможности поехать сюда с вами. В будущем я бы подала документы на получение работы в одной из международных организаций в Женеве или Брюсселе. Я могла бы совершенствовать свой французский.

— Не более того? А замужество не входит в ваши планы? Ведь вам уже двадцать один год.

— Каждая девушка думает об этом, — медленно произнесла она.

— Ну а Диксон? Он входит в ваши планы на будущее?

— О, я об этом не думала. — И она так резко тряхнула волосами, что они рассыпались у нее по плечам и упали на лицо. — Мы с Клайвом просто хорошие друзья, и он единственный англичанин, которого я знаю в Лиссабоне. Это совершенно нормально, что мы иногда встречаемся, но он прекрасно знает, что я не собираюсь заманивать его в ловушку.

«Интересно, — подумала она, — понравилось бы мистеру Уитни, если бы я стала расспрашивать его о планах на будущее? Например, собирается ли он жениться на Сельме Карвалью? Уверена, что он бы сразу замкнулся».

Она быстро надела шляпу, чтобы скрыться от его пронизательного взгляда. Некоторое время она смотрела на море, голубая вода которого была того же цвета, что и ее купальник. Потом она решила пойти под навес, чтобы одеться.

Когда она вернулась, Уитни на месте не было, и, повернувшись к морю, она увидела, что он плывет далеко за буйками. Вскоре он вернулся и тоже быстро оделся под навесом.

— Не хотите ли выпить чаю? — спросил Уитни.

— Я предпочла бы чашку португальского кофе.

— Еще один шаг к тому, чтобы считаться настоящей европейской леди, — одобрительно кивнул Уитни.

Она не знала, как отнестись к этой небольшой колкости, но потом решила промолчать. Надо было воспользоваться хорошим настроением босса. Они зашли в расположенную на самом берегу гостиницу и уселись на большой террасе, выходящей к морю. Дженис не отказала себе в удовольствии попробовать пирожные и насладиться кофе. Яхты самых ярких цветов с красиво выгнутыми парусами легко скользили по поверхности залитой солнцем воды.

Смуглые рыбаки чинили свои сети, не обращая никакого внимания на толпы отдыхающих. Дженис на мгновение поверила, что и она отдыхает в этом идиллическом месте, а вовсе не находится здесь по роду своей службы с энергичным своевольным боссом.

Эта иллюзия быстро улетучилась, как только они направились в Лиссабон.

— У вас сегодня вечером нет свидания? — спросил мистер Уитни.

Эта его манера задавать вопросы в отрицательной форме означала, что если даже у нее были какие-то планы, то их придется отменить.

— Нет. Вы бы хотели, чтобы я вечером поработала? — спросила Дженис.

— Час, другой, не больше. Потом я сам закончу работу, только мне понадобится пишущая машинка.

Дженис постаралась не показать ему своего удивления. Печатать он умел только двумя пальцами.

— Если вы после работы собираетесь уйти из гостиницы, то дайте мне знать. Я не вмешиваюсь в ваши дела, но чувствую себя в некотором роде ответственным за вас в чужом городе.

— Я намеревалась сходить в парикмахерскую гостиницы, — ответила она с насмешкой в голосе.

Дженис подумала, что, наверное, следует быть благодарной за его заботу о ней, однако ее раздражало его стремление следить за каждым ее движением. Недалеко от гостиницы на соседней улице было много расположенных прямо на тротуаре небольших кафе. Что может с ней случиться, если она немного посидит в одном из них, наблюдая за чужой жизнью?

Из парикмахерской она вернулась с вымытыми блестящими и уложенными в красивую прическу волосами. Она вышла на балкон, но тут же отпрянула внутрь комнаты. В нескольких метрах от нее в шезлонгах расположились Уитни и Сельма Карвалью. Их разговор был хорошо слышен.

— Зачем вы привезли с собой эту девицу? — спрашивала в этот момент Сельма.

— Мне нужна была секретарша, — ответил Уитни.

— Она только лишь секретарша?

— Конечно.

— Было бы лучше держать ее не в соседней комнате, а в соседнем отеле.

— Не в соседней, а через комнату, — поправил он ее.

— Я думаю, вы привезли ее сюда, чтобы досадить мне. Думаете, что тем самым можно вызвать мою ревность? — И смех Сельмы поплыл в теплом вечернем воздухе.

Что ответил Уитни, расслышать не удалось. Дженис тихо закрыла свои окна и опустила шторы. Уитни попросил ее остаться в гостинице, но ему и в голову не могло прийти, что она заинтересуется его разговором с сеньоритой Сельмой.

Однако ситуация ее крайне заинтриговала. Она давно уже пришла к заключению, что он прилетел в Лиссабон не только по делам фирмы, но и из-за прекрасной Сельмы.

Жениться и стать членом семьи могущественной империи Карвалью, скорее всего, и было целью мистера Уитни.

Очевидно, Сельме удалось в очередной раз пленить его, так как на следующее утро он объявил, что проведет выходные дни на вилле Карвалью, на берегу моря в Гуинчо.

— Перепечатайте текст с диктофона и разложите по порядку эти бумаги. — С этими словами он протянул ей пачку скрепленных документов. — После этого вы свободны. Если вам захочется осмотреть город, то администратор гостиницы поможет вам.

Дженис была крайне удивлена. Только прошлым вечером он убеждал ее не ходить по городу одной. Теперь же он оставлял ее одну на целых два дня, совершенно не думая о том, что может с ней здесь случиться.

— Если вам захочется выйти вечером, то я бы предпочел, чтобы вас кто-то сопровождал, — продолжил Уитни, холодно ей улыбнувшись. — Не сомневаюсь, что Диксон будет рад это сделать.

— У него могут быть свои планы, — ответила Дженис с напряжением в голосе. Ей было непонятно, почему Уитни то отговаривает ее от встречи с Клайвом, то старается толкнуть в его объятия.

— Вполне возможно.

Как только ее босс покинул гостиницу, Дженис принялась за оставленную ей работу, чтобы закончить ее как можно быстрее. Она колебалась, стоит ли позвонить Клайву и сказать, что в выходные дни она свободна, и в то же время ей не хотелось навязывать ему свое общество.

Утром, когда зазвонил телефон, она с нетерпением подняла трубку. Конечно же это Клайв. Без сомнения, он уже узнал, что мистер Уитни уехал.

Но из трубки раздался голос Мануэла. Молодой человек предложил ей или побродить по городу, или поехать к морю.

— Для меня это будет огромным удовольствием. Даже ваш начальник признает, что вы оказались в надежных руках.

Она невольно улыбнулась. Вначале она попыталась отказаться, говоря, что ей оставили много работы и она не знает, сколько уйдет на это времени, но в конце концов все-таки согласилась встретиться с Мануэлом во время ленча.

Закончив с перепечаткой записи пленки, Дженис занялась документацией. Она содержала отчеты о строительстве отелей и предварительные детали предстоящего строительства новой гостиницы на южном берегу реки Тежу. Затем она увидела копию отчета о деятельности сотрудника фирмы, имя которого не называлось. Дженис прочла как

раз то место в отчете, где перечислялись недочеты, и тут ее щеки запылали от возмущения. Так вот почему Уитни понадобилась машинка прошлой ночью! Это был отчет о работе Клайва Диксона!

«У этого человека нет чувства ответственности, — читала она. — Он совершенно беспомощен в вопросах координации самых простых заданий... месяцы потеряны для строительства, потому что он полностью пренебрегал своими обязанностями... и финансовая сторона его деятельности тоже под вопросом. Совершенно очевидно, что он брал взятки за то, что ему поставлялись некондиционные материалы. Возможно, работая в другом месте, он бы приносил пользу, но для нас он не подходит, и я рекомендую уволить его как можно быстрее, даже если это повлечет за собой оплату по прерванному контракту. В любом случае это обойдется для компании много дешевле...»

Это был весьма исчерпывающий отчет, и каждая его фраза звучала обвинением против Клайва. Конечно, в этой копии его имя не упоминалось, Уитни об этом позаботился и, видимо, назвал его лишь в посланном в Лондон оригинале.

Дженис села на диван. Вчера в Эсториале мистер Уитни мог позволить себе быть с ней обаятельным, обращаясь с ней как равной себе по статусу, помогая ей выбрать шляпку к лицу. Он решил не диктовать ей этот отчет, щадя ее чувства, и тем более не оставлять его записанным на пленку, и теперь он уехал на выходные, и два дня они не увидятся.

У нее сразу мелькнула мысль немедленно позвонить Клайву и предупредить о разверзшейся перед ним пропасти. Практически он потерял работу в компании благодаря трусоватому и высокомерному начальнику, посланному из Англии следить за ним. Дженис уже попросила телефонистку соединить ее с лиссабонским офисом, но, вспомнив, что, как личный секретарь Уитни, она была его доверенным лицом и не имела права выдавать известную ей информацию, немедленно отменила свой телефонный звонок.

Сейчас она уже жалела, что согласилась пойти на ленч с Мануэлом. Ей было необходимо обдумать создавшуюся ситуацию, решить, каким образом предупредить Клайва и в то же время не предать своего босса. Ей нужно было найти предлог, почему она звонит в офис, но, когда она все-таки туда дозвонилась, ей ответили, что сеньор Диксон сегодня весь день отсутствовал. Она помнила название маленькой гостиницы, где он жил, но и оттуда ей сообщили, что сеньора Диксона нет и он вернется только в воскресенье вечером. Он уехал! Может быть, до него уже дошли какие-то слухи? Сейчас она ничем не могла ему помочь. Дженис положила отчет в папку «Секретно: личные дела», а папку — в пустой чемодан и защелкнула замок.

Зазвонил телефон, и ей сообщили, что внизу ее уже ждет сеньор Карвалью. Она попросила передать ему, что спустится через пять минут.

Подправив слегка косметику на лице, она направилась к лифту, осознавая, что совершенно потеряла аппетит и желание выслушивать местные сплетни от Мануэла.

Мануэл решил показать ей самые красивые места в Лиссабоне и при этом не слишком ее утомить на полуденной жаре. Она видела, как он старался ей угодить, и, так как она не могла ни поделиться с ним своими проблемами, ни связаться с Клайвом, ей оставалось только наслаждаться красотой дня, ленчем в ресторане роскошного отеля «Авенида», прогулкой на лодке по реке Тежу, медленным восхождением к замку святого Георгия. Мануэл прекрасно все организовал.

— Отсюда открывается прекрасная панорама города и реки, — сказал Мануэл, когда они добрались до зубчатых башен старого замка.

Дженис не могла не согласиться с ним, глядя на теснящиеся внизу крыши домов, широко разлившуюся Тежу и небольшие селения, раскинувшиеся на ее противоположном берегу. Они прошли через засаженный цветами парк, в котором разгуливали павлины, не перестававшие кричать голосами старых ссорящихся женщин. Мануэл рассказывал ей занимательные истории из прошлого старой крепости, ее осадах и сражениях вокруг нее. Ведь тот, у кого в руках была крепость, получал возможность управлять в Лиссабоне.

Сейчас здесь ничто не напоминало о прошедших сражениях, бледно-желтые камни спали спокойно под лучами палящего солнца. Мануэл предложил ей отдохнуть полчаса под тенью огромного каштана, а затем спуститься вниз и посетить самое интересное место в Лиссабоне — старый мавританский квартал Алфаму. Когда они покидали территорию замка, Дженис увидела маленькую деревенскую площадь, расположенную у подножия холма.

— Кажется, что мы так далеко от города, — сказала Дженис, — где-то уже в его окрестностях.

Когда они спустились, в одном из уголков площади она увидела продавца мороженого, окруженного детьми, старавшимися изо всех сил убедить его продать им мороженое за полцены. Даже ее ничтожные познания в португальском позволили ей это легко понять, и, прежде чем Мануэл успел предупредить ее о последствиях, она шагнула в их сторону и предложила продавцу заплатить за мороженое для всех детей, кто хотел купить. Тот недоуменно пожал плечами, подумав, что это просто одна из обычных ненормальных туристок, и начал раздавать мороженое в вафельных рожках всем босоногим ребятишкам, которые уже бежали на площадь со всех прилегающих к ней улиц.

— Господи, что же теперь будет! — воскликнул Мануэл, ужаснувшись этим проявлением ее щедрости. — Теперь они будут подходить по два и даже три раза, а потом тут же сообщат всем своим друзьям в Бенфике.

Он сначала поговорил с детьми, потом передал несколько банкнотов продавцу, схватил Дженис за руку и быстро увлек ее по направлению к одной из прилегавших к площади улиц.

— Простите меня, Мануэл, я просто хотела доставить детям небольшое удовольствие. Они выглядят такими бедными. — Ей стало очень неловко оттого, что в результате платить пришлось ему.

— Они совсем не такие уж бедные, как вам кажется, — ответил он с небольшим раздражением в голосе. — Они бегают босиком, потому что в этом климате обувь нужна только зимой, а одежда их грязна, потому что они лазают по склонам холма и дерутся друг с другом.

Дженис поняла, что невольно обидела его своим предположением об их бедности, будто бы город наполнен беспризорными детьми.

— Да, теперь я понимаю, что они вполне довольны жизнью и совсем не голодны, — произнесла она тихо, стараясь оправдаться.

Они стали спускаться вниз по очень крутой и очень узкой улице, подобных она раньше никогда не видела. Вверх и вниз убегали лестницы, сквозь арки были видны выложенные камнями внутренние дворики. Вокруг на красивых и элегантно изогнутых кронштейнах висели светильники, тут же были протянуты веревки с сохнувшим бельем, на подоконниках стояли ящики с цветами и даже стены домов были покрыты вьющимися цветущими растениями. Дженис ощутила, что находится не в цивилизованной столице, а в ее предместье, среди экзотических бывших особняков и маленьких таверн, рынков и висящих балконов.

Мануэл вел ее по переплетающимся улочкам, которые представляли собой кошмар для городских планировщиков, пока они наконец не вышли к широкой террасе Санта-Люции, покрытой красивой глазурованной плиткой. Мраморные колонны поддерживали цветные решетки, увитые цветущей бугенвиллией и другими вьющимися растениями. Дженис была рада возможности наконец сесть и отдохнуть в тени на одной из мраморных скамеек, глядя вниз, на красно-белое море домов Алфамы и извивающуюся голубовато-зеленую Тежу.

— Если смотреть отсюда сверху, то не получаешь представления о расположении улиц там, внизу, — сказала Дженис. — Конечно, одна бы я сразу заблудилась.

— Совсем нет. Все, что надо сделать, — это подниматься вверх в любом направлении, пока не увидишь реку, — засмеялся Мануэл.

Вечером на пароме они переплыли к Касилхасу, маленькому городку на другом берегу Тежу.

— Отсюда открывается прекрасная панорама вечернего Лиссабона. Город переливается огнями, будто над ним летает миллион свечечков, — заметил Мануэл.

— Сегодня я увидела больше, чем за все время пребывания в Лиссабоне, — с благодарностью ответила Дженис.

— Значит я не такой уж плохой гид?

— Просто замечательный.

И только во время обеда в ресторане «Флореста» она вспомнила о безжалостном отчете и о том, что Клайву грозят большие неприятности.

— Что вы делаете завтра? — поинтересовался Мануэл, когда они закончили обед. — Ваш босс, к счастью, не стоит у нас на пути.

Дженис совсем не хотелось показаться кокетливой, да у нее и не было настроения провести весь следующий день с Мануэлом. Но, видимо, у нее не было и ни малейшего шанса встретиться с Клайвом.

— Я еще как-то не думала о своих планах, — сказала она, — но мне не хочется, чтобы вы тратили на меня ваше свободное время. Могу посмотреть достопримечательности города, у меня есть карта и путеводитель.

— Путеводители и карты не могут вам заменить коренного жителя Лиссабона, который только и желает, чтобы вы заняли его свободное время, — улыбаясь, сказал Мануэл.

— Я думала, вы захотите провести завтрашний день с вашей семьей.

— О нет. В нашем городском доме делать нечего, а вот на вилле Гуинчо я как раз буду не к месту. Сельма уж придумает, как удержать Эверарда около себя все время, а Леона

будет разрываться между вашим английским другом Клайвом и другими молодыми людьми, которых она, вероятно, тоже пригласила.

— Разве Клайв у вас на вилле? — глухо спросила Дженис.

— Да. Леона находит его очень симпатичным, хотя неизвестно, как долго продлится ее увлечение. Она совершенно непредсказуема. В данное время она хочет доказать своим родителям и моим, что она никогда не выйдет за меня замуж.

Несколько минут Дженис молчала. Так вот куда уехал Клайв на выходные. Хотя в начале недели он обещал провести один выходной с ней, если она будет свободна. Может быть, он получил приглашение от Леоны неожиданно?

Тут ей пришло в голову, что на вилле Карвалью мистер Уитни встретится лицом к лицу с человеком, на которого он написал столь гневный отчет. Конечно, у мистера Уитни достаточно такта, чтобы не сказать Клайву о том, что должно с ним произойти в ближайшем будущем.

— Когда Клайв познакомился с вашей кухней? — спросила она Мануэла.

— Всего пару месяцев назад, когда она вернулась из Англии. Школа ей там очень не понравилась, и она дралась, как молодая амазонка, чтобы противостоять своему отцу, желавшему отправить ее обратно. Она заявила, что ненавидит эту школу. Мне же она сказала, что предпочтет лучше выйти за меня замуж, так что ей, видимо, там приходится несладко.

Интересно, подумала Дженис, что произойдет, если Клайва отзовут в Лондон. Тут Леона может внезапно согласиться вернуться в школу.

Дженис с благодарностью приняла предложение Мануэла поехать завтра в горы Арабиды, расположенные к югу от Тежу.

Не было никакого смысла сидеть в одиночестве в гостинице. Не раз говорила она себе, что не может быть единственной, за кем ухаживает Клайв. И в то же время ее обидело то, что он не удосужился дать ей знать о приглашении.

Дженис сделала над собой усилие и решила насладиться поездкой с Мануэлом. Она была приятно поражена, осознав, что об Уитни вспомнила, только когда они с Мануэлом сидели на пляже, где море напоминало гладкую голубую туго натянутую ткань, а мысли о Клайве пришли лишь в конце дня, когда они уже ели восхитительное блюдо из морепродуктов, с которым ее впервые познакомил Клайв. Несмотря на все волнения, ее позабавило, что она вспомнила о нем только в связи с едой.

На следующее утро все встало на свои места. Уитни вернулся с виллы в одиннадцать и немедленно приступил к работе. Дженис казалось, что она с трудом может находиться с ним в одной комнате, но он попросил ее помочь проверить документацию по поступающим на стройку материалам, и выбора у нее не было.

— Вы хорошо провели время с Мануэлом? — спросил ее босс, когда они решили сделать небольшую передышку в работе и вышли на балкон глотнуть свежего воздуха и выпить по чашке кофе.

— Да, хорошо. Полагаю, у Карвалью совершенная система передачи информации.

Эверард от души рассмеялся:

— Все, что происходит в этой семье, никогда не проходит незамеченным и тут же становится известно всем. Мануэл неплохой парень, и он будет с удовольствием от всей души развлекать всех. Но в конце концов ему придется жениться на своей кухне Леоне, чтобы еще более укрепить фамильные узы.

— Это что, предупреждение, чтобы я не слишком увлекалась им? Мне кажется, мы не настолько долго знакомы, чтобы у меня появилась хоть малейшая к нему привязанность, — улыбнулась Дженис, искоса посмотрев на Уитни.

Он повернулся к ней, и на его лице можно было прочесть явное удивление.

— Мне кажется, — сказал он, — что пребывание в Лиссабоне явно оказало на вас благотворное влияние. Вы стали более уверенны в себе и независимы.

«Какая уж тут уверенность в себе, — подумала она, — если при любом комплименте ты сразу краснеешь. Когда у него хорошее настроение, мистер Уитни может даже нравиться, но тут же его следующая фраза может перечеркнуть сложившееся впечатление».

— Полагаю, вы не встречались с Диксоном в выходные дни?

— Нет. Насколько я знаю, он тоже был в гостях у Карвалью. — Ее ответ прозвучал слегка натянуто. Она старалась угадать, что за этим последует.

— Да, Леона пригласила его. Он часто бывает в их доме в Лиссабоне, но меня несколько удивило, когда я неожиданно встретил его в Гуинчо.

«Да уж, наверняка для вас это был неприятный шок», — злорадно подумала Дженис.

— А вы об этом знали? — поинтересовался он.

— Нет, пока мне не сказал Мануэл, — ответила Дженис.

Уитни не сказал больше ни слова, и весь оставшийся день они много работали, если не считать небольшого послеполуденного отдыха. Потом Уитни ушел. Дженис принимала душ, когда в ее спальне раздался телефонный звонок.

— Дорогая! — услышала она голос Клайва. — Его превосходительство там?

— Нет. Он ушел, и я не знаю, куда и насколько.

— Послушай, может быть, мы встретимся и где-нибудь поужинаем?

— Конечно. Где же?

Она просто изнемогала, так ей хотелось его видеть. Но ее пугало, как он воспринял ужасные новости о своем увольнении, ведь наверняка ему уже стало известно о безжалостном решении мистера Уитни. Она не могла ничего ему рассказать и была бессильна ему помочь.

— Иди к площади Черная Лошадь, там садись на паром в Касилхас, ты знаешь эту набережную?

— Да. Во сколько?

— Как только ты сможешь. У меня есть новости. Не могу больше говорить. Пока, дорогая.

Дженис была заинтригована. Какими бы ни были новости, он был явно в хорошем настроении. Но почему он не захотел прийти в гостиницу или встретить ее в фойе ресторана?

Она была рада, что к тому моменту, как ей уходить из гостиницы, мистер Уитни еще не вернулся. Она взяла такси, чтобы доехать до площади Черная Лошадь. Паромы были заполнены возвращавшимися с работы людьми. Она не знала, где Клайв собирается ее встретить, на этом берегу или на противоположном. Дженис быстро прошла сквозь толпу на паром и встала у борта, чтобы видеть, когда он появится на набережной. Клайв возник перед ней как из-под земли.

— Что за чудеса! Я давно слышала, что Лиссабон — город тайн, но...

— Пошли, — прервал ее он, взяв за руку. — Хорошие новости должны обсуждаться за бутылкой вина.

Он повел ее через площадь, вверх по крутой улочке к кафе. Узкая лестница вела к террасе, на которой расположились несколько столиков под раскрытыми от солнца зонтами. Как только Клайв заказал бутылку вина, он облокотился на столик и сказал Дженис:

— Я говорил тебе, что здесь, в Лиссабоне, полно возможностей, и я был прав. Мне предложили новую работу, думаю, это уже точно. — Его глаза сияли, на лице появилась широкая улыбка.

Мгновенно страх Дженис возродился.

— Новую работу?

В этот момент официант принес бутылку вина и налил его в бокалы.

— Будем здоровы! За удачу. Я буду работать у Карвалью!

На мгновение она потеряла дар речи, слишком много противоречивых мыслей пронеслось у нее в голове.

— Ну что, ты ничего не хочешь сказать? Не собираешься пожелать мне успехов?

— Конечно, — подняла она свой бокал. — За тебя!

— Для меня это шанс! — торопливо заговорил Клайв. — Я просто убивал время на работе в этой лондонской компании. Сейчас у меня появилась возможность изучить португальский язык. Не для того, чтобы свободно болтать, а чтобы разбираться в ситуации. Я видел методы, которыми они здесь пользуются при работе, и у меня тоже накоплен определенный опыт. Мне предложили работу в их компании по перевозке винной продукции. Это меня очень устраивает, предстоит много поездок, и жизнь не будет такой монотонной.

— Звучит крайне интересно, — пробормотала Дженис, и на ее лице появилась вымученная улыбка, которая должна была скрыть истинные чувства.

— Но есть одна загвоздка, — продолжал Клайв. — У меня ведь двусторонний контракт с нашей компанией в Лондоне, и я не уверен, отпустят ли они меня так скоро, как мне это надо. Ты не могла бы замолвить за меня словечко?

Теперь ей стало совершенно очевидно, что он ничего не знал о посланном Уитни отчете и о том, что его контракт может быть прерван.

— Я не думаю, что у тебя будут с этим какие-то сложности, — произнесла она осторожно.

— Уитни стремился от меня избавиться с тех пор, как приехал в Лиссабон. Я никогда не ждал от него никаких привилегий. Он мог уже послать на меня донос в Лондон.

— Ну, тогда плохой отчет о твоей работе не должен явиться для тебя большим ударом.

Клайв внимательно на нее посмотрел:

— Ты хочешь сказать, что он уже сделал это? Ну и прекрасно! Тем легче мне будет уйти.

— Но, Клайв, я совсем не это хотела сказать, я просто подумала, что ты уже независим, если у тебя есть другие возможности.

Она старалась изо всех сил сохранить свою нейтральную позицию, но Клайв не слышал ее, он продолжал рассказывать, что бы значила для него эта работа с точки зрения статуса и, конечно, зарплаты.

— У меня будет своя машина, я буду жить в хорошей квартире вместо теперешней гостиницы на задворках. Что же касается Уитни, то произошла смена декораций. — На красивом лице Клайва появилась злобная гримаса триумфа. — В прошлом ему удавалось унижать меня, но в будущем ему придется быть более осторожным. Я бы многое отдал,

чтобы увидеть его лицо, когда он узнает, что я перешел в фирму, которая принадлежит его боссам в Лиссабоне, — расхохотался Клайв.

Дженис стало как-то не по себе оттого, с какой скоростью Клайв уже перенесся в будущее. Он еще не покинул одну компанию, а уже начал работать в другой. Хотя пока лишь мысленно.

— Означает ли это, что ты останешься жить в Португалии? — Она заставила себя задать прямой вопрос, а не ходить вокруг да около.

— Не знаю. Может быть, я поработаю здесь год или два, потом перееду в другое место. Я просто рад, что практически нахожусь здесь в ссылке. А ведь могло произойти так, что я бы навсегда застрял в Лондоне до тех пор, пока не пришло бы время выходить на пенсию. Теперь же я смогу повидать мир, а не ограничиваться двухнедельным отдыхом на Майорке или в Тунисе.

— Ты принадлежишь к типу людей «перекати-поле», — спокойно заметила Дженис.

— Может быть, я ведь еще не так стар, как Уитни, а ведь он тоже пока не готов осесть на одном месте. Веселенькая же это будет шутка, если Сельме удастся завязать на его шее петлю! — рассмеялся Клайв. — И он станет одним из членов семьи Карвалью. Может быть, ему даже придется сменить свою фамилию.

Вдруг Клайв увидел на улице кого-то из своих знакомых и стал призывно размахивать рукой. Дженис начала гадать, кто бы это мог быть, когда на верхней ступеньке лестницы появилась Леона Карвалью, и он поднялся, чтобы приветствовать ее.

— Дженис, я думаю, ты знаешь Леону. Это мисс Дженис Боуэн, из Англии.

— Мы встречались официально, — холодно произнесла Леона, надменно кивнув. — Я много слышала о вас из совершенно разных источников.

— В самом деле? Надеюсь, ничего плохого? — Дженис удивленно подняла брови.

— Это действительно нечто необычное, когда англичанка хочет, чтобы ее считали порочной, что совершенно невероятно для большинства из них, — хихикнула Леона, расслабившись.

Клайв заказал еще бутылку вина, и Леона села с ним рядом, не обращая никакого внимания на Дженис. Она была одета в элегантный костюм цвета клубники, по краю воротника которого шла небольшая полоска темного меха. Она прекрасно загорела. Волосы ее были темного цвета, но не иссиня-черными. Она буквально пожирала Клайва своими красивым карими глазами и что-то быстро рассказывала приятным низким голосом.

— Я как раз рассказывал Дженис о моем будущем, — произнес Клайв, стараясь вновь вовлечь Дженис в общий разговор.

— Но это должно было держаться в секрете! — воскликнула Леона. — Ты сам мне сказал, что никто не должен об этом знать!

— Да, но с Дженис все иначе. Она имеет самое непосредственное отношение ко всему происходящему.

Леона бросила быстрый оценивающий взгляд в сторону Дженис:

— Естественно, она ведь работает с Эверардом и знает все его тайны. Все равно ты должен быть очень осторожен и не выдавать преждевременно информацию, которой могут воспользоваться твои враги.

— О, Леона! Ты рассуждаешь как шпионка из плохого детектива. Что ты думаешь о Дженис? Что она двойной агент? — Клайв громко расхохотался, откинувшись на стуле.

Неосторожно брошенные слова поразили Дженис как удар кинжала. Двойной агент?

Она начинала теперь понимать, что у нее очень опасная позиция, и слова, которые тут же произнес Клайв, еще более запутали ситуацию.

— На самом деле Дженис мне очень помогла. Благодаря ей я теперь могу определиться намного раньше, чем сам того ожидал.

— Но ведь я ничего не сделала, — запротестовала Дженис, стараясь дать понять, что от нее вообще не исходило никакой информации.

— Ладно, скоро все закончится, а сейчас давайте наполним бокалы вином и закажем что-нибудь поесть. Дженис, что бы ты хотела?

— Целиком полагаюсь на твой вкус, — пожалала она плечами.

— О! Разве мы здесь собираемся обедать? — воскликнула Леона. — Клайв обещал повести меня во «Флоресту».

— Я приглашаю вас обеих во «Флоресту», — уверенно произнес Клайв, и Дженис была ему благодарна за этот благородный жест, которым он включал ее в свое общество, когда Леона так старалась вытолкнуть ее.

Однако, как и можно было ожидать, обед проходил далеко не весело. У Дженис исчез аппетит, а Леона без умолку болтала с Клайвом о людях, которых Дженис не знала, и о событиях, которые произошли без нее. Они оба даже не замечали, что она все время молчала.

— Когда вы возвращаетесь в Англию? — неожиданно повернулась к ней Леона.

— Еще ничего не решено, — ответила Дженис. — Мистер Уитни скажет, когда мы полностью закончим здесь все дела.

— Конечно, очень соблазнительно остаться в Лиссабоне, — произнесла Леона и, отводя руку в сторону в широком жесте, чуть не сбила бутылку вина со стола. — У нас такой прекрасный климат, а ваш — просто отвратительный.

— Похоже, вы не любите Англию? — заметила Дженис, не желая дать возможность отместить себя как нечто не имеющее значения этой испорченной дочери богатых родителей.

— Да нет, — пожалала плечами Леона, — конечно, там есть свои преимущества. В Лондоне много красивых зданий и есть где развлечься, но там холодно или идет дождь.

— В английских школах полагают, что такой климат весьма полезен для морального облика учащихся, — ввернула Дженис.

Но Леоне разговор уже наскучил, и она вновь перенесла свое внимание на Клайва.

Леона оставила свою машину на площадке около набережной и теперь нехотя предложила подвезти Дженис в Лиссабон. Вела она машину слишком быстро, но уверенно и умело. Она немного сбросила скорость, только подъезжая к мосту через Тежу, который был открыт всего несколько недель тому назад.

Клайв сидел впереди с Леонкой; Дженис на заднем сиденье молча любовалась раскинувшейся перед ней панорамой сверкающих огней Лиссабона, темным изгибом реки. Она все еще думала, зачем Клайв предложил ей встретиться в Касилхасе, рассказал о своей новой работе, а затем столкнулся с Леонкой Карвалью. Появление Леоны не было случайным, ведь она точно знала, где найти Клайва.

Сейчас ей пришло в голову, что он, возможно, позвонил Леоне и попросил приехать в Касилхас, в это незаметное кафе, и не предупредил ее, что Дженис тоже там будет. Что он задумал? Если он собирался войти в бизнес семьи Карвалью благодаря Леоне, то зачем ему демонстрировать, что у него есть и другие интересы вне фирмы? И что одним из них была Дженис? С другой стороны, может быть, он хотел показать уже ей, насколько близкие у него

отношения с Леоной Карвалью и как это важно для его будущей карьеры. Дженис почти убедила себя именно в этом. Она чувствовала себя подавленно.

Леона довезла ее до гостиницы. Клайв, попрощавшись, сел снова в машину, произнес с улыбкой лишь «Доброй ночи», и Леона тут же, не задерживаясь ни секунды, тронула машину. Без всякого сомнения, они отправились в ночной клуб или в кафе, где можно спокойно побыть вдвоем, без сдерживающего присутствия Дженис.

Когда Дженис уже была готова лечь спать, она подумала, что если бы Клайва отозвали из командировки обратно в Лондон, то вскоре и она сама должна была туда вернуться с мистером Уитни. А что она выигрывала от увольнения Клайва? Абсолютно ничего. Ведь в Лондоне у него было так много знакомых девушек!

Еще несколько дней она очень нервничала, не вовлечет ли ее Клайв в свои дела. Но ничего не произошло, а последний день августа поднял ее настроение. Мистер Уитни протянул ей чек с суммой ее зарплаты, которая намного превышала предыдущую. Для нее это была огромная сумма. В Лондоне зарплата у нее была средней, может, чуть выше, чем у других секретарей ее возраста, но эта сумма превышала ее почти вдвое.

— Вы очень щедры, благодарю вас, — сказала она Уитни.

Он приветливо улыбнулся:

— Вы очень много работали не считаясь со временем. Возможно, скоро работы будет еще больше.

— Я в вашем распоряжении, — сказала Дженис. В этот момент она была готова работать для него круглые сутки, только бы сделать ему приятное.

— Оплата гостиницы и другие ваши расходы фирма берет на себя. Часть денег вы получите в Лондоне. Я открыл для вас счет в Лондонском банке, их офис расположен недалеко от нашего, они будут проводить все денежные операции, так что можете быть спокойны.

— О, большое спасибо! Я вам так обязана, — проговорила Дженис. Она повернула к нему смущенное лицо и посмотрела прямо в глаза.

Он улыбнулся, и взгляд его серых глаз был снисходительным и очень добрым.

— Я уже немного вас изучил и решил, что вы предпочтете быть независимой и тратить деньги по своему усмотрению, а не просить у меня каждый день по несколько эскудо.

— Вы совершенно правы, — согласилась Дженис.

Весь остаток дня она была в прекрасном настроении, и ей так хотелось кому-нибудь рассказать, что она неожиданно получила целое состояние, но поделиться этим она могла только с Клайвом, которого не видела со дня их встречи в Касилхасе. Она даже не знала, работает ли он еще в их лиссабонском филиале или уже ушел из него. Даже Мануэл не звонил, хотя обещал после последней прогулки.

Несколько раз она сопровождала мистера Уитни в гостиницу «Кастелло», которую сейчас перестраивали, и работала с ним вместе над чертежами и отчетами.

И только позже она поняла, что это короткое затишье предшествовало надвигающейся буре.

Дженис заканчивала длинный отчет, который мистер Уитни записал на пленку. Вдруг он стремительно вошел в гостиную. Она подняла на него взгляд, и сердце у нее упало: глаза метали молнии, губы твердо сжаты. Все утро он провел в доках на разгрузке электрооборудования для гостиниц, и она не могла представить, что же за катастрофа могла там случиться, чтобы привести его в столь раздраженное состояние.

— Мисс Боуэн! — крикнул он, хотя находился рядом с ней. — Где секретная папка личных дел?

— В специальном чемодане, — ответила Дженис, и кровь отхлынула от ее щек.

— Тогда принесите ее мне! — рявкнул он.

Она открыла чемодан, вынула папку и протянула ему.

— Это тот самый отчет, над которым вы работали на прошлой неделе?

Она кивнула.

— Прочтите мне его вслух, хотя, наверное, вы его настолько изучили, что знаете наизусть.

Она вынула лист, но строчки плыли у нее перед глазами.

— Вы видите имя человека, о котором в нем идет речь?

— Нет.

— К кому, по вашему мнению, он относится?

— Я не имею представления, — промямлила Дженис.

— Это ложь! Вы были уверены, что знаете, и сделали свой собственный вывод, что человек этот — Диксон, не так ли?

— Да, это так.

— Точно. Пожалуйста, посмотрите на шифр документа. Итак?

Она увидела — 1593Л.

— Если бы вы внимательнее относились к папкам личных дел персонала лиссабонского филиала, то вы бы знали, что этот номер относится к Алфонсо Колумбано, главному клерку в нашем офисе.

Дженис сразу вспомнила, как быстро Клайв подхватил сказанную ею полужразу в кафе в Касилхасе.

Эверард Уитни стал быстро расхаживать по комнате.

— Диксон не выходит у вас из головы, и вы на все готовы, чтобы поддержать его. Вы позвонили ему сразу же, как только я уехал в Гуинчо?

— Нет. — Но она припомнила, что действительно намеревалась это сделать немедленно, но не смогла ему дозвониться, так как он уже уехал на виллу к Карвалью.

— Тогда, должно быть, вы где-то с ним встречались. — Он бросал в нее слова со злостью.

— Нет. Я ничего ему не говорила!

Его гнев только укрепил ее сопротивление. Она понимала, что ни в коем случае нельзя согнуться перед этим безжалостным человеком, который отметал в сторону все оправдания, будто и не слыша их.

— Почему же Диксон пришел ко мне со словами, что он сам разрывает с нами контракт, потому что я уже послал в Лондон отчет о его смещении?

Теперь Дженис осознала, какую она совершила ошибку. У нее с языка сорвались лишь несколько фраз, чтобы немного поддержать Клайва, а тот совершенно неправильно их истолковал, и они стали ловушкой для него самого.

Сейчас было совершенно бесполезно снова все объяснять. Она оказалась в ужасно неловком положении.

— Диксон был послан сюда из Лондона специально, чтобы контролировать деятельность таких людей, как Колумбано, и наблюдать, чтобы остальные добросовестно выполняли свою работу. Но Диксон оказался так же плох, как и все остальные, и все было

пущено на самотек. Теперь-то я буду рад избавиться от них обоих, но не уверен, который из них должен быть уволен первым. Если бы Колумбано был профессионалом, я мог бы уволить первым Диксона. Честно говоря, его вообще не нужно было сюда присылать, но я не могу отослать их обоих одновременно, пока мне не пришлют замену.

Он снова стал метаться между балконом и дверью гостиной.

— Из-за вас создалась такая неразбериха, мисс Боуэн, — накинулся он на нее. — Теперь мне придется остаться в Лиссабоне намного дольше, чем я собирался.

Дженис оставалась спокойной, не произнося ни слова. Он подошел и склонился над ней:

— Вас, без сомнения, это устраивает, и вы должны радоваться возможности постоянно видеть Диксона, но это нарушает мои планы.

— Простите, если я подвела вас, мистер Уитни, — только и смогла произнести Дженис.

— Вы что, не понимаете? Я вам доверяю. Работа должна вестись в обстановке совершенной секретности. Я с самого начала вас предупреждал, чтобы вы не ввязывались во всякие интриги. А вместо этого вы позволили Диксону управлять собой, и он решил, что может получать от вас любую информацию.

— Нет, мистер Уитни, Клайв никогда не просил меня ни о какой информации, — запротестовала она.

Эверард горько усмехнулся:

— И совершенно напрасно! Диксону стоило просто направить разговор с вами в нужном направлении, и вы бы рассказали все, что ему было необходимо знать.

По спине у нее покатались капли холодного пота. Она не могла поверить, что Клайв проделал это с ней намеренно. В комнате наступила тишина, но воздух был наполнен обидными упреками и обвинениями. Наконец Уитни произнес:

— Мисс Боуэн, я предоставляю вам выбор. Вы можете отправиться домой в Лондон на первом же самолете, а я справлюсь с делами один, пока не найду вам замену, или, — он сделал паузу, — можете продолжить работать здесь до конца моей командировки, но я хочу получить от вас подтверждение вашей полной честности и неподкупности. Моя работа слишком важна, чтобы зависеть от вашей безрассудной влюбленности, особенно если дело касается человека, подобного Диксону. Это важно особенно теперь, когда он собирается связаться с бизнесом Карвалью.

Каждое его слово больно ее ранило. Как она сможет и дальше продолжать работать с этим тираном, который не может понять и простить человеческих слабостей, который верит только в то, что устраивает его самого, точно так же, как Клайв?

— Мисс Боуэн, до обеда вы свободны. Обдумайте все спокойно. Сегодня вечером мы с вами здесь пообедаем, если, конечно, у вас не намечено свидание с Диксоном, и вы мне объявите о своем решении. Я соглашусь на любой вариант.

Его резкий тон разбудил у Дженис внутреннее негодование, и она была готова встретить его вызов. Она поднялась с кресла и спокойным, слегка напряженным голосом произнесла:

— Мне не нужно время, чтобы решить этот вопрос, мистер Уитни. Я могу ответить сейчас. Я остаюсь.

На мгновение их взгляды встретились, как бы оценивая способности другого выстоять. Холодные серые глаза Эверарда Уитни сразу смягчились. Ей показалось даже, что на его губах промелькнуло подобие улыбки. Улыбка победителя? Или просто удовлетворение от ее

поражения?

Приказ, поступивший от Эверарда Уитни, — его вряд ли можно было рассматривать как приглашение пообедать с ним вечером в их номере, — так и не был осуществлен. В любом случае она могла бы только притвориться, что ест. Его гнев совершенно улетучился, когда он вернулся в гостиницу около шести часов и спокойно стал обсуждать с Дженис предстоящую работу.

После душа она надела красивое желтое платье с контрастным поясом в вертикальную полосу. Гостиная была пуста, и Уитни позвал ее с балкона:

— Идите сюда!

Он протянул ей мартины, смешал для себя виски и сел, погрузившись в чтение лиссабонских вечерних газет. Далеко внизу был слышен шум проезжающих машин, появился прохладный ветерок над долинами Лиссабона, разгонявший жару до самого рассвета. Только между Дженис и ее боссом все еще ощущалась натянутая атмосфера. Тишину внезапно нарушило чье-то восклицание из гостиной:

— Так вот где вы, Эверард! А я думала, что никого нет дома!

Сельма Карвалью стояла на пороге балкона, Эверард поднялся ей навстречу.

— Какая неожиданность! — воскликнул он.

— О, я подумала, что это как раз удобное время, чтобы вытащить вас из заточения. — Сельма бросила презрительный взгляд на Дженис. — А вы всегда говорите, что работаете вечерами и очень заняты.

— Вы уже встречали моего секретаря, — холодно произнес Эверард.

— Разве? — Сельма пожала своими красивыми плечами.

На ней было великолепное вечернее платье цвета морской волны с низким вырезом и двумя прозрачными полосками на плечах, верхняя часть платья до корсажа была расшита стеклянными бусинами и сверкала и переливалась, как кусочки льда. Ее бледно-золотистые волосы были зачесаны в высокую прическу, которую поддерживала украшенная драгоценностями широкая лента. Дженис решила не напоминать Сельме об их предыдущей встрече в доме Карвалью.

— Добрый вечер, сеньора Карвалью, — вежливо произнесла она.

Сельма только холодно ей улыбнулась и тут же отвернулась к Эверарду, который уже вынес на балкон третье кресло.

— Что бы вы хотели выпить? — спросила Дженис.

— Эверард знает, что я люблю, — произнесла Сельма, протягивая одну руку к затылку. — Он просто ленится.

— Бенедиктин и бренди, половина на половину, — прошептал он Дженис. — И немного «Ангостура».

Дженис поспешила в комнату, чтобы приготовить любимый напиток мисс Карвалью.

— А у вас милая прислуга, не так ли?

Дженис слышала, каким саркастическим тоном произнесла это Сельма, но не расслышала ответа Эверарда. Внезапно она прекратила смешивать напиток и уставилась на золотистую жидкость в высоком стакане: мистер Уитни впервые назвал ее просто по имени — Дженис. До сих пор он никогда не называл ее так, даже в тот день, когда они были в Эсториале, вместе плавали и сидели на пляже. Дженис тряхнула головой и вернулась на

балкон с напитком для Сельмы. В дверях она задержалась, колеблясь, остаться ли ей в гостиной или уйти. Одно было теперь совершенно ясно, что обеда на троих сегодня вечером не будет. Сельма не для того пришла к ним в таком красивом платье, чтобы сидеть весь вечер в отеле с Эверардом и его секретаршей.

— Эверард, идите оденьтесь, — приказала Сельма, попробовав свой напиток и состроив при этом недовольную гримасу.

Уитни был одет в темные брюки и белую рубашку.

— Позже, — ответил он, — если, конечно, вы не приглашены на бал в посольство?

— Вы отвезете меня в Эсторил-Сол, — лениво протянула она, бросив на него вызывающий взгляд.

— Да? Я вас отвезу? Кто еще будет на этой вечеринке?

— Только вы и я, — ответила Сельма.

— А вам не пришло в голову, что у меня могут быть дела? — Он посмотрел на Сельму сверху вниз и улыбнулся.

— Это тоже очень важное дело. Там будет некто, с кем я хочу вас познакомить.

Она была неотразима и прекрасно знала это. Эверард Уитни только пожал плечами, молча подчиняясь ее желанию.

Дженис сразу вышла в гостиную, чтобы им не мешать. Когда в комнате появился Уитни, она быстро произнесла:

— Если вы не возражаете, я пойду пройду перед обедом.

— Да, конечно. Видите, мне приходится уйти, — кивнул он. На его лице уже не было улыбки, когда он направился в свою спальню.

Дженис пошла прогуляться в парк, радуясь тому, что ей не пришлось обедать вместе с шефом. Пусть развлекает прекрасную Сельму. Может быть, вечер, который он проведет с ней, немного его успокоит и завтра он не будет таким придирчивым. Однако она почувствовала легкое презрение к нему: такой властный человек, как Эверард, мгновенно капитулировал перед красивой женщиной. Тут Дженис вспомнила, что та была из семьи Карвалью, и даже если бы была уродиной, состояние семьи мгновенно сделало бы ее красавицей в глазах любого мужчины.

Дженис вначале решила перекусить в небольшом кафе в парке и понаблюдать немного за гуляющими. Но потом решила вернуться обратно в гостиницу, пообедать в ресторане и пораньше лечь спать. Она вышла из ресторана и пересекла холл по направлению к лифту, вдруг кто-то осторожно взял ее за локоть. Она резко повернулась.

— Клайв! — воскликнула Дженис. — Откуда ты здесь появился?

— Я ждал, пока ты закончишь обедать.

— А ты сам уже поел?

— Нет, я пообедаю позже. Давай зайдем в бар.

Они сели за угловой столик, и он заказал бренди.

На этот раз Дженис была осторожной и ждала, когда он начнет серьезный разговор после светской болтовни.

— Как сегодня себя вел наш старичок? — спросил Клайв после небольшой паузы.

— Ты имеешь в виду мистера Уитни? — внимательно посмотрела на него Дженис. — Он весь кипел от гнева и негодования и излил всю ярость на меня. И все из-за тебя, Клайв, ты меня подставил.

— Каким образом?

— Все из-за твоего контракта. Мистер Уитни считает, что это я рассказала тебе об этом отчете.

Клайв нахмурился:

— Ну, тебя я даже не упоминал. Все, что я сказал Уитни, — это если он собирается посылать в Лондон порочащий меня отчет, то мне будет легче прервать контракт. Я до сих пор не знаю, послал он его или нет.

— Но ты пришел к заключению, что он его послал! — воскликнула Дженис, уверенная, что вновь попадает в ту же западню.

Клайв с укоризной посмотрел на нее, потом отвернулся и стал разглядывать свой бокал с коньяком.

— Джен, ты должна признать, что только после разговора с тобой у меня сложилось подобное впечатление.

— Ничего такого я тебе не говорила, — запротестовала она. — Ты ухватился за одну мою фразу, потому что она тебя устраивала и совпадала с твоими новыми планами. Мистер Уитни был так зол на меня, что предложил уехать из Лиссабона немедленно!

— Нет, Дженис, ты не можешь этого сделать! — вскрикнул он с отчаянием.

Дженис удивленно посмотрела на него.

— А какая тебе разница, уеду ли я завтра в Англию? — спросила она, ожидая услышать, что он не хочет с ней расставаться.

— Понимаешь, э-э-э, дело в том, что ты потеряла из-за меня работу и просто не сможешь побыть еще в этом прекрасном климате.

Дженис хотела спросить его: «И больше ничего?»

И тут Клайв наклонился к ней:

— Кроме того, мне скоро может понадобиться твоя помощь.

— Какая? — Она тут же почувствовала приближающуюся опасность.

— Пока еще не знаю, — небрежно сказал Клайв. — Трудно предположить, что может произойти, но я был бы рад, если бы ты всегда была под рукой.

— Спасибо, — напряженно проговорила Дженис. — Ты рассуждаешь так, как будто я какой-то инструмент на твоём рабочем столе.

Клайв довольно рассмеялся:

— Дорогая, не надо возмущаться. Ты не какой-то инструмент, а необъезженный пони.

— Мне не стало приятнее оттого, что ты сравнил меня с лошастью. Я слишком устала и хочу пораньше лечь спать. Доброй ночи, Клайв.

— Не уходи, пожалуйста. — Он вскочил на ноги. — Давай пойдем куда-нибудь. Хочешь послушать народные песни? Я знаю несколько вполне уважаемых мест, где их исполняют.

Дженис разрывалась между своей гордыней и желанием остаться с Клайвом.

— Ты и Леону берешь с собой? — не удержавшись, спросила она.

Его лицо выразило неподдельное удивление.

— Разве ты не знаешь, я не могу пригласить ее одну никуда, даже в пятизвездочную гостиницу. Девушкам из португальских семей не разрешается выходить без сопровождения.

— Ну а Сельма? Для нее все иначе? — Дженис не хотела говорить ему, что Сельма заставила ее босса пойти с ней в Эсторил.

— И ей запрещено. Так случилось, что я знаю о ее визите сюда, чтобы увезти на вечер Уитни, но она наверняка сказала ему, что на вечеринке будут и другие пары. Иначе он бы ни

за что не согласился, боясь обидеть ее родителей. Сельма прекрасно знает, что за стол она может пригласить только знакомого мужчину, поболтать с ним пару минут, а потом Уитни будет привязан к ней до конца вечера. Но она не может допустить, чтобы кто-то их увидел в ресторане вдвоем здесь, в Лиссабоне. Это считается плохим тоном.

— Именно по этой причине Леона приехала в Касилхас, чтобы тебя увидеть? Ты сказал ей, что я тоже там буду?

— Конечно.

— Но ты меня не предупредил, — возразила она.

— Какой был бы в этом смысл? На самом деле Леона рисковала, даже находясь в маленьком кафе на другой стороне реки.

После нескольких минут молчания Дженис сказала:

— Мне этот обычай совсем не нравится.

— Не прикидывайся дурочкой. Мы же англичане, и никто не посмотрит в нашу сторону. Поедем послушаем народную музыку.

В большой комнате стояли простые стулья и столы. На низкой площадке сидели двое мужчин, один с испанской гитарой, другой с обычной шестиструнной. На одном инструменте играют мелодию, а на другом аккомпанируют. Одетая в черное платье женщина, с черной шалью на плечах, вышла на площадку и положила руку на плечо одного из гитаристов, воплощая собой вселенскую печаль. Она начала петь, ее голос нес скорбь всего мира, и песня была понятна всем, и совсем было не обязательно знать португальский.

После того как она исполнила три песни, ее наградили аплодисментами. Она ушла отдохнуть и поговорить с музыкантами и друзьями, потом исполнила еще несколько песен, более печальных, чем первые.

«В них ничего нет от веселья и драматизма испанских фламенко», — подумала Дженис. Сейчас они больше соответствовали печальному настроению самой Дженис. Около полуночи она решила вернуться домой, так как завтра ей нужно было вставать очень рано в отличие от Клайва, который приходил в свой офис в любое удобное для него время.

— Я не знаю, сколько мне придется работать в лиссабонском филиале, и никто не знает, — сказал Клайв, легко сжимая ее ладонь. — Ты бы могла сделать для меня кое-что, когда Уитни будет пребывать в хорошем настроении...

— Клайв, я слишком устала, чтобы снова начинать этот разговор, — тихо заметила она.

Похоже, он так и не осознал, какую ярость обрушил на нее босс. Слава Богу, Клайв замолчал. А когда они сели в такси, он обнял ее и нежно поцеловал.

— Ты слишком переживаешь по поводу служебных неурядиц. Не принимай все так близко к сердцу и не будь столь серьезной, иначе состаришься раньше времени.

— Думаешь, это так просто? — сказала Дженис со слезами на глазах. — Тебе не пришлось...

— Послушай меня! — перебил ее Клайв. — Через год или два ты выйдешь замуж и оставишь работу машинистки и все свои дела в офисе. Я же должен продолжать зарабатывать себе на жизнь, и как все сложится, неизвестно.

— Возможно, ты и прав, — вздохнула она, стараясь мягко высвободиться из его объятий.

— Дженис, если мы будем свободны в выходные, давай поедем вместе в Каскаис, или Сесимбру, или куда-нибудь еще. Можно устроить маленький пикник, поплавать, позагорать,

просто приятно провести время. Что скажешь?

— Пока не знаю, — ответила Дженис, не желая его обнадеживать.

— Не глупи! Не лишай себя удовольствия из-за Уитни, ты не его рабыня. Надо получить максимум удовольствия в стране, где такой прекрасный климат.

Перед тем как выйти из такси, она повернулась к нему:

— Я надеюсь, ты еще не пригласил Леону и мне не придется выступать в роли сопровождающей?

— Джен, ты такая очаровательная, но ужасно ревнивая. Хорошо, обещаю, что не скажу Леоне ни слова. Это будет наш маленький секрет. Доброй ночи, дорогая. — Клайв опять притянул ее к себе и крепко поцеловал.

В своем номере она приняла душ и наконец улеглась в постель с чувством огромного облегчения. Она очень устала за этот день, устала эмоционально и физически, и теперь, когда она снова осталась одна, ее подавленное настроение вновь к ней вернулось. Она была так счастлива, когда ей значительно увеличили зарплату, больше того, для нее это означало, что мистер Уитни был доволен ее работой. Сейчас она снова осознала, что предала его, хотя Клайв совершил то же самое в отношении ее.

Клайв был для нее загадкой. Лежа в постели и раздумывая над состоявшимся между ними разговором, Дженис вспомнила быстро меняющееся выражение его красивого лица, отсвет нежности и теплоты в его глазах и задала себе вопрос, какое место в его жизни занимает каждая девушка в данный конкретный период его карьеры. Он выбирает их так, чтобы они были ему полезны. Та же Леона способствовала его привлечению в семейное дело Карвалью. Сама Дженис была ему полезна только до тех пор, пока работала с Уитни и могла узнавать о его намерениях. Хотя ее собственная догадка об увольнении Клайва оказалась катастрофической.

Хороший долгий сон, солнечное утро и удовольствие позавтракать на балконе полностью освежили Дженис. Она вдыхала прохладный утренний воздух и радовалась, что мистер Уитни выбрал столь потрясающую страну для своей командировки. Дождливый лондонский день мог навеять только депрессию.

Даже мистер Уитни оказался в хорошем расположении духа, но, вероятно, это было результатом проведенного с Сельмой вечера. Они начали работать, но через несколько часов он встал, взъерошил свои густые каштановые волосы и направился к открытой двери на балкон.

— Как вы себя чувствуете сегодня утром, Дженис?

Она взглянула на него и подумала, почему он задал этот вопрос.

— Спасибо, нормально.

— Извините, что я вчера так с вами обошелся. Должен признать, что разозлился оттого, что все так неожиданно повернулось, но оправдания моей ярости нет. Не только вы в этом виноваты.

Она смотрела на него широко открытыми глазами, с трудом веря, что ее босс действительно извиняется за свою вспышку гнева.

— Вы совершенно правы, переложив часть вины на меня, — сказала Дженис. Если он мог быть великодушным, то и она могла себе это позволить. — Я ошиблась и пришла к еще более неправильному заключению, но я ничего не говорила Клайву.

— Да, я вам верю. Диксон способен перевернуть самую невинную фразу, и всегда в свою пользу.

Он обошел стул, на котором она сидела, и положил руку ей на плечо.

— Еще раз простите за мою грубость. Но обещайте мне в дальнейшем быть очень осторожной и не говорить ничего лишнего в присутствии посторонних.

Дженис ответила ему слабой улыбкой. Она чувствовала, что вся дрожит, и у нее были совершенно ледяные руки, несмотря на теплое солнечное утро.

— Да, теперь я буду очень осторожной, — заставила она себя сказать спокойно. Но она имела в виду не только проблемы бизнеса.

Он снова сел в кресло, стоящее напротив нее, и взял в руки какой-то документ из папки. Потом улыбнулся:

— Даже к лучшему, что вы со мной так и не пообедали вчера. Это могло кончиться тем, что вы бы запустили в меня тарелкой.

Потом он надолго замолчал. И Дженис была благодарна ему за эти минуты отдыха. Она была очень взволнована тем, что сказал ей Эверард.

«Это просто невозможно», — сказала она сама себе, в голове у нее был сумбур. Влюбиться в своего собственного начальника! Такая банальная ситуация, от которой всегда предостерегают всех девиц. Как правило, такое случается из-за ежедневных встреч в офисе и общих интересов, связанных с работой.

Увлечение Клайвом абсолютно не пугало ее. Ей с ним было хорошо, и она всегда с радостью ждала свиданий. Но это новое странное чувство по отношению к Эверарду Уитни охватило ее с такой силой, что Дженис стало страшно. Она гнала мысль о том, что скоро ей придется расстаться с Эверардом. Любовь подкралась незаметно и неожиданно, и Дженис стала жертвой односторонней любви.

Слезы заливали ей лицо, и пальцы нажимали клавиши машинки почти вслепую. Она делала ошибки, и под предлогом, что ищет ластик, ей удавалось незаметно смахивать слезы, освобождать нос и, по крайней мере, казаться нормальной, деловой секретаршей.

Мистер Уитни был поглощен изучением огромного отчета и время от времени делал на полях заметки.

— И чем же вы занимались прошлым вечером, где были? — совершенно неожиданно задал он вопрос, не отрываясь от работы.

— Обедала в нашем ресторане.

— Виделись с Диксоном? — Теперь он уже посмотрел на нее через стол. И тут ее темно-карие глаза встретились с холодным взглядом его серых глаз.

— Да, я встретила его внизу в гостинице, после обеда, и он пригласил меня в кафе послушать народную музыку, — с некоторым вызовом ответила Дженис.

— Понятно. Надеюсь, он пришел, чтобы извиниться за то, что вовлек вас в подобную ситуацию, — произнес Эверард, сложив вместе кончики пальцев обеих рук.

Дженис не знала, что ответить ему. Если она признается, что они обсуждали деловые вопросы, Эверард снова воспользуется возможностью, чтобы предупредить ее никогда их не обсуждать с Клайвом. Но к тому моменту, когда она приготовила невинный ответ, он снова заговорил сам.

— Я бы предпочел, чтобы вы не встречались с Диксоном сейчас, — сказал Уитни. — Может быть, вам будет трудно совсем не встречаться с ним, но, по крайней мере, было бы крайне нежелательно появляться с ним на людях.

Лицо Дженис густо вспыхнуло.

— Мистер Уитни, я бы так и поступила, если бы вы заранее предупредили меня, что вам

неприятно видеть меня в обществе Клайва. — Слова высказывали прежде, чем она успевала их контролировать. — Вам совсем нет необходимости обращаться со мной как со школьницей, которой родители запрещают видеться с ее дружкой за воротами школы.

— Тот факт, что вы так легко обижаетесь, только подтверждает мою мысль, что ваши чувства в отношении его вам самой не очень ясны. Конечно, вы понимаете, что, если я позволю Диксону перейти к Карвалью, как он этого хочет, и задержу отставку Колумбано, ситуация может осложниться. Я не хочу, чтобы говорили или хотя бы намекали на то, что, мол, секретарша является посредником между мной и Карвалью в надежде получить полезную информацию.

Она подняла к нему удивленное лицо, но не успела произнести ни слова, как он продолжил:

— Я вижу, что вам такая мысль и в голову не приходила. Но опасность существует, могу вас заверить.

Дженис посмотрела на свои руки, сложенные на коленях.

— Хорошо, мистер Уитни, я сделаю все, как вы меня просите. Безусловно, я не хочу быть вовлеченной в интриги.

Он фыркнул от смеха, и она посмотрела на него с неприязнью. Как смел он смеяться над ней, когда она пошла на его унижительные условия?

— На вашем месте я бы не равнял мою просьбу с высшим пилотажем международного шпионажа, — сказал он. — Все, о чем я вас прошу, — это благоразумнее выбирать себе сопровождающих.

На этот раз она даже рта не раскрыла, так как, чтобы она ни сказала, оборачивалось в пользу Уитни. Совершенно ясно, что все мужчины одинаковы, — Клайв, Уитни, да и все остальные привыкли любой ценой достигать своей цели. «Гораздо предпочтительней жизнь одинокой женщины», — подумала Дженис, представляя себя строгой деловой женщиной, целиком посвятившей себя карьере, которой все мужчины были безразличны, за исключением бизнес-партнеров. Это было благородное, хотя и скучное будущее.

Когда она немного успокоилась, то сообразила, что мистер Уитни, очевидно, согласился уволить Клайва вместо этого клерка Колумбано.

После обеда Дженис и Уитни опять сидели на балконе. Он курил сигару и попивал бренди, рассказывая ей о процессе выращивания винограда. Семья Карвалью владела несколькими поместьями в разных концах Португалии, где выращивался исключительно виноград. Они производили разные сорта вина, кроме портвейна.

— Может быть, пока мы здесь, нас пригласят в одно из поместий и вы все увидите собственными глазами, — предположил Уитни.

— Да, это было бы очень интересно, — ответила Дженис. Ему хотелось, видимо, внести какое-то разнообразие в ее жизнь, чтобы отвлечь от Клайва. Разве это имело теперь какое-то значение! Даже сегодня вечером он собирался удерживать ее на балконе гостиницы, как будто она была пленницей. С одной стороны, ей было это даже приятно, но, с другой стороны, это было подтверждением того, что ей не доверяют.

Неожиданно он спросил:

— А вы не хотели бы пойти куда-нибудь сегодня вечером? Ведь я совсем не уделял вам внимания. Давайте побродим по городу, и я покажу вам настоящий Лиссабон.

Он решил стать обходительным и предусмотрительным хозяином, а она, уже в качестве гостыи, ничего не могла с собой поделывать, так хотелось выйти в свет именно с ним.

— Я чувствую себя неловко, занимая ваше свободное время на прогулку со мной, но могу быть готова через пять минут. Это платье подходит для вечера? — застенчиво спросила она.

На ней было бледно-зеленое хлопковое платье, которое очень шло к ее светлым волосам и слегка загоревшей коже. Она задала этот вопрос, потому что ей совсем не хотелось надевать вечернее платье и выглядеть вызывающе.

— Вы выглядите просто очаровательно, — произнес Эверард, рассматривавший ее внимательно в течение нескольких мгновений. Дженис покраснела.

Когда они вышли из гостиницы, он сразу взял такси. Они поехали по широким красивым бульварам, народу на них было мало в отличие от переполненных улиц и парков, расположенных вдоль реки.

— Это что, деловая часть города? — спросила Дженис.

— Да. Наш офис остался позади. Мы его уже проехали. Это красивый старинный дворец с широкой лестницей.

Такси остановилось, Дженис вышла из машины и оказалась перед одноэтажными домиками, которые были весело и разнообразно раскрашены и освещены. Как оказалось, это была ярмарка с боковыми ответвлениями и лавками, но такого Дженис никогда не видела в своей жизни. Громкая музыка, голоса зазывал, предлагающих попытать свое счастье в их павильонах, шипение масла на жаровнях, где жарились сардины и другая рыба, гул голосов тысяч жителей Лиссабона, снующих между павильонами и лотками, — все сливалось в такой шум, что барабанные перепонки просто переставали его воспринимать.

Толстая женщина несла набор из трех алюминиевых кастрюль, полученный ею в качестве приза. Мужчины несли коробки с вином или ящики с разнообразными продуктами, прыгающие кругом дети звали своих родителей к прилавкам, где продавался шоколад в больших пакетах. Дженис буквально слова не могла вымолвить от удивления. Кто бы мог себе представить, что Эверард привезет ее на подобную ярмарку. Он крепко держал ее за локоть.

— Просто боюсь потерять вас в этой толпе, — сказал он с улыбкой. — Хотите попробовать копченых сардин, приготовленных таким образом. — И он указал на лотки, где тысячи сардин жарились на горящих углях.

— Нет, не сейчас, — ответила она, ощущая, что запах был замечательным, не говоря уже о вкусе.

— Надо попытать счастья! — вдруг воскликнул он и направился к игровому стенду с механическими лошадьми, готовыми начать гонку.

Дженис наблюдала, как он выбрал нужную ручку механизма и повернул ее. Было шумно, и она не могла услышать свой голос, подбадривающий его, среди сотен других. После третьей попытки его лошадь пришла второй, и он получил приз — две сигары, которые с сияющим видом положил в карман. Вокруг было множество лавчонок, продававших мебель, радиоприемники, различные хозяйственные товары, дешевую стеклянную посуду, бижутерию и всевозможные сувениры.

Это было похоже на ярмарку и базар, вместе взятые, просто дух захватывало от всего. Наконец они с Эверардом, с трудом пробравшись через толпу, вышли на прилегающую авеню.

У стенда, над которым мигали яркие лампочки, предлагались путешествия по всему миру. Эверард остановился и принял участие в игре с цветными шариками, которые бежали

по воздушным коридорам, чтобы добраться до Лиссабона. Дженис тоже попробовала, но была все еще в районе Ньюфаундленда, когда выиграл кто-то другой.

— Не расстраивайтесь. Попробуем еще раз. У вас еще есть мелочь?

Она дала ему несколько центавос и была довольна, когда он выиграл. Его наградили симпатичной куклой, которую он передал ей.

— Сейчас я вас научу, как надо играть в азартные игры, — говорил Эверард, пока они пробирались сквозь толпу, вдыхая воздух, наполненный запахами жареной рыбы. — Если вы одалживаете кому-то деньги для того, чтобы он сделал ставки, вам тут же изменит удача. Поэтому, если выигрывает кто-то другой, держите ваши деньги в кармане или одолжите их у выигрывающего. Тогда он начнет проигрывать.

И хотя от окружающего грохота у нее начала болеть голова и голос охрип оттого, что надо было перекричать говоривших одновременно вокруг нее, Дженис получала удовольствие от происходящего. Она была в каком-то тумане, проводя этот вечер с Эверардом Уитни, человеком, которого совсем не знала и который совершенно не походил на ее безжалостного тирана-начальника. Сейчас он был больше похож на подростка, возвращающегося со своей девушкой с вечеринки.

Она едва держалась на ногах от усталости, когда они наконец покидали ярмарку. В руках она сжимала куклу и коробку конфет. Эверард держал в руках плетеную корзину, которую ему пришлось купить, чтобы положить в нее четыре бутылки вина и две безвкусные вазы, которые он выиграл. Ничему никогда не удивляющийся водитель такси помог им сесть в машину, поздравив с трофеями.

Застывшее лицо портье только слегка изменило выражение, когда он увидел корзину с их призами. Этот пятизвездочный роскошный отель «Голландия» не признавал подобного, но Эверард проследовал с таким гордым и независимым видом, что портье не посмел сделать им замечание. В правилах этой гостиницы постояльцам запрещалось приносить с собой бутылки с вином. Когда они вошли в свой номер, Эверард поставил корзину со всем содержимым на стол.

— Отдайте завтра все это горничной или кому захотите. И свои призы тоже, если они вас смущают.

— Вот уж нет, — быстро ответила Дженис, несмотря на свою усталость. — Свои я оставлю себе. Куклу, во всяком случае.

Она никогда не признается ему, что кукла в национальном португальском костюме всегда будет для нее больше чем сувенир. Это будет память о веселом и необычном вечере, который она провела с человеком, совершенно не похожим на того, которого она видит каждый день.

Следующим утром, когда Эверард Уитни отправился в одну из своих инспекционных поездок и Дженис осталась одна в номере, зазвонил телефон. Это была Сельма Карвалью.

— Позовите Эверарда, — потребовала она.

— Его нет. Что ему передать?

Сельма помолчала, потом произнесла:

— Пожалуйста, напомните ему, что он должен приехать к нам в Гуинчо на субботу и воскресенье.

— Непременно передам. Я уже записала вашу просьбу.

— И, мисс, я забыла ваше имя...

— Боуэн. Дженис Боуэн.

— Да, конечно. Вы бы не хотели тоже приехать?

Дженис была поражена этим предложением и невнятно пробормотала слова благодарности.

— Эверард может взять вас с собой, — холодно произнесла Сельма. — Мы ждем вас обоих в субботу к ленчу. До свидания.

Дженис терялась в догадках по поводу приглашения. Может, надо было отказаться? Эверард наверняка почувствует себя неловко со своей секретаршей в качестве гостыи в доме Карвалью. Ведь он очень привязан к семье.

Как только он вернулся, Дженис сообщила ему о звонке Сельмы и о том, что Сельма пригласила ее тоже. Но если это его смущает, то она не поедет.

— Почему, черт возьми, это должно меня смущать? — удивился Эверард, бросив на нее хмурый взгляд. — Это очень мило со стороны Сельмы, что она пригласила и вас. Честно говоря, я не собирался ехать к ним в эти выходные, у меня были другие планы, но раз уж она специально позвонила и пригласила нас обоих, мы поедем.

Дженис оставалась спокойной, хотя ее очень интересовало, какие же у него были планы. Она хотела сказать ему, что он не должен ехать в Гуинчо насильно с ней только потому, что пригласили и ее, что она вполне сможет найти для себя развлечение в субботу и лучше пусть он едет один. Но она промолчала. Однако перспектива одновременно и привлекала, и отталкивала. Помимо удовольствия провести несколько дней на прекрасной вилле на берегу моря ее явно заинтриговало, каким из Эверардов Уитни он будет на этот раз. Ее передернуло при воспоминании, какие ласковые, полные любви взгляды бросал Эверард в сторону Сельмы, и она надеялась, что ей не придется снова быть свидетелем капризов Сельмы и дешевого угодничества Эверарда.

И только тут Дженис вспомнила, что Клайв вроде бы обещал пригласить ее в воскресенье в одно из морских курортных мест, а приглашение на виллу звучало почти как приказ. Она надеялась, что Клайв просто забудет об этом разговоре, но ошиблась. Он позвонил буквально через несколько минут.

— Клайв, извини, но выяснилось, что я буду занята, — ответила она, когда он попытался уточнить время их встречи.

Его смех прозвучал очень неприятно.

— Занята? Только не говори мне, что ты как рабыня опять будешь работать в воскресенье так же, как и в будние дни, до полуночи. Что он пытается доказать? Вернее, ты сама чего добиваешься?

— Ничего. Просто я должна отправиться в другое место.

— Звучит очень таинственно! Куда же ты идешь? — требовательно спросил он.

— Клайв! Ведь я не спрашиваю тебя, где ты проводишь выходные дни или другое свободное время. Это меня не касается.

— О Боже! Я получил явное предупреждение. — Его тон сразу стал насмешливым. — Мне разрешается спросить, ты отправляешься в то место одна?

— Нет, не одна. Там будут другие знакомые. — Она всем сердцем желала открыто сказать ему, что она приглашена на виллу Гуинчо, но теперь уже не хотела уступать его настойчивым вопросам.

— Понятно. Значит, ты едешь с ним. С Уитни. Ну-ну! Кто бы мог подумать, моя дорогая Дженис, что ты опустишься до тихого воскресенья с ним? Должен признаться, я удивлен. Я

думал, что ты другая, не такая, как все. Но мы все иногда ошибаемся в людях. Наслаждайся жизнью!

— Клайв, ты меня оскорбляешь, — начала Дженис, но телефонная трубка была уже мертва.

Ее щеки горели. Его вызов был очевиден и совершенно отвратителен. Но она должна была честно себе признаться, что в этом есть и ее вина. Если бы она сразу открыто сказала ему, что едет на виллу Карвалью, Клайв не разговаривал бы в такой отвратительной манере. С другой стороны, если бы она сказала ему правду, то у нее могли бы опять быть неприятности с Эверардом. Особенно в том случае, если бы Клайв добился приглашения через Леону.

Теперь она уже не знала, что хорошо, а что плохо. В любом случае его присутствие или отсутствие могло испортить приятный и интересный отдых. С ее точки зрения, эти дни должны определить, насколько глубоки ее чувства к Эверарду.

Вилла Карвалью, расположенная на берегу моря, была именно такой, как и представляла себе Дженис, — красивое белое здание с зеленой крышей, прохладные комнаты, большое патио, где били фонтаны, и сады, полные цветов и экзотических кустарников, высокие пальмы, дававшие тень и прохладу. Неожиданной была береговая линия. Это был не залив, а открытый океан, набегающие волны напоминали Дженис скорее о Корнуэлле, чем о спокойных морях или защищенных пляжах Тежу.

Приехав на виллу, Дженис чувствовала себя не совсем уверенно. Но если Сельму можно было считать безупречно любезной хозяйкой, то Мануэл сердечно встретил ее и сразу же стал извиняться, что давно не уделял ей внимания. Он объяснил, что был очень занят, так как отец взял его с собой на виноградники, и он там задержался.

Во время ленча Леоны дома не было, и Дженис была благодарна Клайву, что тот сюда не явился. Мануэл предложил всем после ленча поехать к «Пасти ада». Сельма ему возразила, что он, конечно, может поехать туда с мисс Боуэн, но она не видит причины, зачем нужно туда тащиться ей и Эверарду. Дженис не принимала участия в их споре, решив согласиться на то, что ей предложат.

Эверард был одет в светло-голубую спортивную рубашку и светло-серые тереленовые брюки.

— Мы все туда поедem, — сказал Эверард, не обращая внимания на недовольную гримасу Сельмы.

Мануэл вел машину по направлению к Каскаису и остановился высоко на вершине, откуда каменные ступени вели прямо к морю. Дул очень сильный ветер, и, стоя на площадке, которую окружала балюстрада, Дженис наблюдала за огромными волнами, со свистом падающими в расположенную внизу пещеру. Изъеденные волнами скалы имели фантастическую конфигурацию и представляли собой как бы морской оркестр, когда море, не прекращая ни на секунду свое волнение, с ревом и ворчанием разбивалось об острые как бритва скалы и вода с шипением и вздохами уходила в пещеры и галереи. Каждая волна была живым существом, старавшимся разрушить берег и найти для себя выход.

— Я не ожидала увидеть такое впечатляюще зрелище! — воскликнула Дженис.

Мануэл предложил ей спуститься на нижнюю площадку, но Эверард остановил ее.

— Не ходите дальше, Дженис. Это слишком опасно при таком ветре.

Посмотрев вверх, Дженис заметила удивленное выражение лица Сельмы. Еще сегодня утром Эверард сказал:

— Лучше называйте меня просто по имени, а не мистер Уитни. Это звучит слишком официально во время отдыха.

Но Сельма этого не знала, как и не знала того, что фамильярность между ними продлится только два дня.

Дженис послушно отступила назад на площадку. Когда подошел Мануэл, Эверард заметил ему строго, но с улыбкой:

— Мануэл, надо быть более разумным, как можно было вести Дженис туда, где так опасно. Вы думаете, я хочу ее потерять?

Мануэл только пожал плечами.

— Конечно, Эверард, вы должны заботиться о своем секретаре. Будет очень жаль, если с

ней что-то случиться, — игриво заметила Сельма.

На ее красивом лице не было и намека на угрозу, но она опять смогла поставить Дженис на место как секретаршу Эверарда, которую пригласили лишь из вежливости. Затем все четверо пили кофе в красивом новом ресторане недалеко от дороги, но Сельме явно хотелось скорее вернуться к машине.

Как показалось Дженис, обед вечером был каким-то церемонным. Мать Сельмы, сеньора Карвалью, приехала из Лиссабона с Леоной и несколькими родственниками многочисленной семьи Карвалью. Мануэл сел рядом с Дженис, нарушив тем самым устоявшийся порядок размещения за столом. Она была рада слышать его милую болтовню. Эверард сидел в конце стола вместе с Сельмой.

Дженис была рада поближе познакомиться с сеньорой, матерью Леоны и Сельмы. Полноватая блондинка с тонкими чертами лица, она выглядела настоящей англичанкой, и, если бы не ее беглый португальский язык, ее национальность не вызвала бы никаких сомнений ни в одном городе Англии от Бата до Хэррогейта. Когда подали кофе и ликеры на широкой террасе, она подошла к Дженис и стала расспрашивать ее о ее жизни в Англии.

— Конечно, у вас есть своя маленькая квартирка, — рассуждала она. — Это мечта каждой современной девушки, каким бы большим и удобным ни был дом ее родителей. Независимость хороша в молодости. Вам надо будет поддерживать контакт с Леоной в Англии, когда она вернется обратно в школу в Сассекс.

Дженис улыбнулась, понимая, что, если совершится чудо и Леону смогут заставить вернуться обратно в школу, она не будет искать компании Дженис.

Кто-то из гостей предложил поехать поиграть в казино. Дженис ждала знака от Эверарда, но, похоже, он считал само собой разумеющимся, что она едет вместе со всеми. К большому недовольству Сельмы, он даже посадил их в одну машину. Для Мануэла места в этой машине уже не хватило.

Они добрались до казино без всяких приключений. Весь этот вечер был для Дженис как прекрасный сон. Конечно, было большим удовольствием посидеть за игорным столом и потерять несколько эскудо, потом посмотреть шоу. А когда ее пригласил на танец Эверард, она почувствовала себя просто на седьмом небе, не воспринимая ничего вокруг себя, кроме обнимающих ее крепких рук и склонившегося к ней лица. Мануэл тоже приглашал ее, но как она могла объяснить ему, что каким бы приятным партнером он ни был, она предпочитала быть с Эверардом.

— Вам здесь нравится? — спросил ее Эверард, когда, закончив танец, они направились к своему столу.

Чувствуя на себе враждебный взгляд Сельмы, она посмотрела ему прямо в лицо и широко улыбнулась.

— Очень! — весело ответила она. — Будет что вспомнить!

На долю секунды его глаза засияли, согревая ее, и при других обстоятельствах это придало бы ей смелости и дальше кокетничать с ним. Но кругом было слишком много народу, и за ними пристально наблюдала Сельма, так что Дженис скромно потупила взгляд, прежде чем Эверард мог бы заметить в нем ответный огонь. Нельзя, чтобы он допустил мысль, что она пытается с ним флиртовать на глазах у всех в этот прекрасный выходной день.

Мануэл горько жаловался, что ему дали отставку и она все время танцует с Эверардом.

— Эверард видится с вами в гостинице каждый день, — ворчал он. — Так почему же я

не могу хоть сегодня потанцевать с вами? Я приглашаю вас, Дженис, доставьте мне удовольствие.

Она подчинилась, удивляясь в душе его старомодной учтивости, но ведь он был истинным португальцем. Эверард в типично английской манере спокойно заявил, что он позволяет ей один танец с Мануэлом.

— Вам надо чаще к нам приезжать. Эверард должен показать вам наши плантации. У нас несколько загородных поместий.

Она хотела сказать ему, что Эверард давно обещал ей это сделать, но тут же решила, что лучше ей вообще не отвечать.

На следующий день Мануэл не отходил от нее ни на минуту — на пляже, на вилле, когда она сидела в тенистом внутреннем дворике. Это не могло пройти мимо внимания Эверарда, и после обеда он обратился к ней:

— Дженис, похоже вы произвели неизгладимое впечатление на Мануэла.

— Ну, полагаю, он, как хозяин, просто должен уделять мне внимание. Ведь я его гостья, — зардевшись, улыбнулась она.

— Не уверен, — ответил Эверард, при этом губы его искривились, и она никак не могла определить, что это — его обычная ироничная улыбка или просто кривляние. — Я думаю, Мануэл ведет хитрую игру. Он хочет показать Леоне, что будет вполне счастлив и не женившись на ней, хотя вся семья хочет именно этого. Она же слишком прямолинейна и придерживается только своей точки зрения.

Дженис опешила. Было похоже, что Эверард готов на все, чтобы испортить ей настроение и лишить возможности получить хоть малейшее удовольствие от общения с этим прекрасно воспитанным привлекательным молодым человеком. И действительно, он тут же стал ей объяснять, что она не должна принимать за чистую монету все, что нашептывает этот симпатичный юноша.

Дженис рассмеялась прямо ему в лицо, но тут же взяла себя в руки.

— Я совсем не так уж восприимчива, как вам кажется, — холодно ответила она, совершенно не думая, понравится это Эверарду или нет.

Когда она взглянула на него, то увидела нахмуренное лицо, а в глазах холодную враждебность.

Тут она заметила, что к ним направляется Сельма, а за ней идет Леона. Вдруг Леона бросилась в объятия Эверарда со словами:

— Мне пришла в голову блестящая идея. — Она сделала шаг назад, но продолжала держать его за запястья. — Завтра я повезу Дженис осматривать достопримечательности Лиссабона. Я уверена, что вы не дали ей ни одной свободной минуты, чтобы насладиться нашим красивым городом. Для вас существует только бизнес, бизнес и еще раз бизнес, деньги и заключение сделок по телефону.

Эверард снисходительно рассмеялся:

— Кто-то же и из вашей семьи занимается бизнесом и большими сделками, чтобы вам было на что одеваться и вести веселую жизнь.

— Естественно. Но вы вполне можете обойтись один день без Дженис.

Он повернулся и, слегка приподняв брови, посмотрел на Дженис, стоявшую в нескольких метрах от них и молча наблюдавшую за разговором.

— Я не уверен, что смогу завтра обойтись без нее. У нас уже запланировано несколько встреч именно на завтра, и я не могу их отложить.

— Ну тогда встречайтесь без нее, — ответила Леона, красивым жестом отбрасывая длинные темные волосы за спину. — Я и не собиралась брать вас в нашу компанию. Вы достаточно часто бываете в Португалии, и это ваше упущение, что вы здесь многого не видели, — добавила Леона, пожимая изящными плечиками.

— О, не надоедай Эверарду, — беспардонно вмешалась Сельма. — Я не думаю, что мисс Боуэн захочет тратить свое свободное время на музеи.

— А кто сказал, что мы пойдем по музеям? Хотя это неплохая мысль. Есть оригинальный Музей карет. Вы там были, Дженис?

— Пока еще нет, но собиралась туда пойти. — Дженис пыталась догадаться, почему внезапно Леона стала так дружески к ней настроена.

— Послушай, Леона, — снова заговорил Эверард, — мы очень заняты завтра с Дженис, но — да подожди же, не перебивай меня! — послезавтра, во вторник, я отпущу Дженис на целый день. В любом случае тебе бы следовало знать, что в понедельник большинство музеев обычно закрыты.

Леона больше не стала с ним спорить. Когда Дженис и Эверард вернулись в гостиницу, он объяснил ей, что завтра им предстоит поездка в Арабиду, во время которой они должны подобрать подходящие места для стройки новых гостиниц, и он никак не обойдется без ее помощи. Еще он сказал, что не собирается препятствовать в осмотре достопримечательностей с Леонкой. Дженис была готова забыть все случаи, когда он намеренно мешал ей встретиться с Клайвом. Сейчас она была просто счастлива сопровождать Эверарда в этой интересной поездке. Он предупредил ее, что поездка может быть утомительной и, хотя они поедут, конечно, на машине, там придется много ходить пешком.

На следующий день Дженис надела удобные туфли, темно-синие брюки и лимонного цвета блузку. Она решила, что в этой одежде ей будет гораздо удобнее, чем в платье.

Они переехали через полуостров, потом Эверард вместе с представителем лиссабонского филиала стали измерять местность, сверяясь с планами и документами. Это было то самое место, куда неделю назад привозил ее Мануэл, и она сразу представила себе новые громады домов и орды туристов, которые нарушат тишину и покой в этих изумительных местах. И шелковая поверхность моря уже не будет такой спокойной.

Дженис записывала все цифры и данные, которые ей диктовал Эверард. Она высказала свои мысли Эверарду:

— Когда все гостиницы будут построены, сюда приедет совершенно другая публика. Те, кто любит природу и тишину, переберутся в другие места.

Эверард бросил на нее такой взгляд, как будто с ним говорит неразумное дитя:

— Неужели вы не понимаете, что в страну хлынут потоки живых денег, наличность. Теперь, когда через Тежу построен новый мост, эта часть полуострова, к югу от Лиссабона, готова к своему дальнейшему развитию.

— Совершенно верно. Из-за этого нового моста эта местность теперь открыта для строительства и разрушения природы.

Он тихо рассмеялся:

— Вам пора бы уже знать, ведь вы давно работаете в нашей компании, что развитие района может идти по-разному. Я стараюсь убедить Карвалью, что в этой местности лучше построить несколько маленьких гостиниц на небольшом расстоянии друг от друга, чтобы иметь единое управление, чем строить огромные здания, похожие на перевернутые спичечные коробки.

Дженис на минуту задумалась, затем сказала:

— А что, такое строительство обойдется дороже?

— До определенных пределов, конечно. Но я верю, что вложение капитала себя быстро окупит и принесет больше доходов, притом что отдыхающие будут приезжать сюда круглый год.

— Ну и как же Карвалью отреагировали на ваше предложение?

Эверард повернулся и посмотрел на нее подозрительным взглядом.

— Пока еще ничего определенного не решено, — коротко ответил он. И тут же сменил тему разговора.

Дженис почувствовала, что ей дали щелчок по носу. Кажется, что, как только она начинает проявлять слишком большой интерес к работе Эверарда, к его идеям и амбициозным планам, он захлопывает дверь прямо перед ее лицом. И тут ее как громом поразило: он думает, что она может передать эту информацию Клайву или кому-то еще!

Представитель филиала подошел к машине, в которой сидели Эверард и Дженис. Они заговорили по-португальски, при этом Эверард все время указывал ему какие-то точки на плане и прилагавшихся эскизах.

— Теперь мы отправимся в Сесимбру, — наконец решил Эверард. — Хотя сначала отправимся на ленч, а потом встретимся с представителем фирмы Карвалью.

Сесимбра совсем недавно была простым рыбацким поселком, теперь же стала быстро развивающимся курортом, который уже привлекал туристов. Та часть поселка, что примыкала к рыбацкому причалу, считалась старой. Большие и маленькие лодки с высоко поднятыми носами стояли в гавани рядом с современными белыми яхтами и рыболовецкими суденышками с низко сидящей кормой и раскрашенными яркими полосами трубами. На фоне ярко-голубого неба вырисовывался средневековый замок, а внизу, под ним, скалы были усыпаны белыми точками домов.

Недавно построенные современные дома простирались вдоль побережья с площадями, купальнями и бассейнами. Один из элегантных отелей был построен несколько в стороне, фасадом к морю. Эверард выбрал именно его для ленча. Войдя в прохладный, с приглушенным светом ресторан после яркого солнца Дженис первые несколько секунд ничего не видела. За ней вошли Эверард и представитель фирмы. К ним быстро подошел официант и проводил их к столику, и тут, освоившись с сумраком зала, Дженис увидела, как к ним направляется Клайв. Это было неожиданностью. Клайв? Здесь? Даже Эверард выглядел удивленным.

— Привет, Дженис! — приветствовал ее Клайв. — Приятно тебя увидеть!

— Простите, Диксон, — прервал его сразу Эверард, — но мы здесь по делу.

— Я тоже, — ответил, не смущаясь, Клайв. — Давайте присядем.

Эверард уставился на Клайва, Дженис ждала дальнейшего развития событий. Клайв весь сиял, на лице его играла самодовольная улыбка.

— Вы ничего не понимаете? — насмешливо спросил он. — Вы ехали на встречу со мной. Я теперь новый представитель семьи Карвалью.

На несколько мгновений Эверард потерял дар речи, но быстро пришел в себя.

— Конечно, теперь я понимаю, но почему вы не сказали об этом сразу? — Эверард жестом показал Дженис, что она может садиться, так как официант уже выжидающе отодвинул для нее стул. — Видимо, произошла какая-то неувязка, я ожидал, что на встречу придет Алмейдо. Полагаю, просто из вежливости меня следовало предупредить по

телефону об этой замене.

У Дженис поднялось настроение.

Итак, сначала Клайв набрал несколько очков, применив тактику неожиданности, но Эверард был непростым оппонентом и уже сейчас снова поставил Клайва на место.

Во время ленча трое мужчин говорили исключительно о делах, в основном о том, где в этом районе можно построить новые гостиницы. Когда Клайв попросил показать ему уже имеющиеся планы и предварительные эскизы, Эверард коротко бросил:

— Потом, Диксон. Я предпочитаю спокойно съесть мой ленч, чтобы работа не смешивалась с моими любимыми лобстерами.

Но и позже, когда они, покончив с едой, перешли на террасу под прикрытие зонтов, Эверард не достал из папки документы, о которых говорил Клайв. Похоже, он сразу смирился с тем, что молодой человек, который пару дней назад был его подчиненным в лиссабонском филиале лондонской компании, вдруг занял положение представителя семьи Карвалью, уполномоченного вести переговоры.

Затем Дженис сопровождала уже всех троих на место будущего строительства новой гостиницы Карвалью. Когда Эверард стал обсуждать какой-то вопрос с геодезистом, приехавшим с Клайвом, молодой человек немедленно воспользовался этим и прошептал Дженис:

— Почему ты не сказали мне, куда отправилась на выходные?

— Какое тебе дело? — резко ответила она.

— Но ведь было ясно, что я вскоре об этом сам узнаю? — возразил он.

— Значит, твое любопытство было быстро удовлетворено, — ответила она так холодно, что Клайв был изумлен.

— Дженис, ты стала другой, более жесткой и искушенной. Сказывается влияние Уитни.

В другое время она бы только посмеялась, услышав, что стала жесткой и искушенной, но сейчас она хотела быть именно такой, поддержав идею влияния на нее Уитни.

— Да, возможно я и стала более деловой благодаря влиянию мистера Уитни.

И с этими словами она отошла от него, но он упорно двинулся за ней.

— Если бы ты сказала мне, что собираешься в Гуинчо, я бы тоже туда приехал. Была бы очень забавная ситуация. Уитни пришлось бы со мной учтиво разговаривать как с равноправным гостем этого дома. Послушай, — мягко засмеялся Клайв, — я думаю, он взял тебя туда, чтобы не спускать с тебя глаз и, таким образом, держать подальше от меня.

Дженис уставилась на него не в силах поверить, что это тот же самый человек, который так нравился ей совсем недавно.

— Клайв, не обольщайся. Мистер Уитни не опустится до подобного унижения. Да и зачем ему это?

— Совсем в этом не уверен, — ответил Клайв. — Я бы с ним не вступал в игру.

Дженис решила прекратить этот глупый разговор и присоединилась к остальным. Они продолжали обсуждать земельные вопросы, подходы к пляжам и многое другое. Дженис старательно записывала все в блокнот, иногда слово в слово. Еще несколько раз Клайв просил Эверарда показать ему планы местности, но тот решительно ему отказывал.

— Как я смогу рассказать Жоакиму об окончательном решении, если не увижу, что вы, то есть ваша компания, хочет делать? — требовал Клайв.

— Мы не будем принимать никакого окончательного решения, пока сам сеньор Карвалью не получит все отчеты, касающиеся структуры почвы, цен на эту землю, и Жоаким

не скажет, стоит ли вообще рассматривать этот проект, — спокойно отвечал ему Эверард. — Вот тогда мы и покажем наш проект, все планы местности и расчеты. Если к тому времени вы еще будете представлять интересы семейства Карвалью в качестве их полномочного представителя, — тут он сделал многозначительную паузу, — то, без сомнения, вы ознакомитесь со всеми необходимыми документами.

— Черт возьми, это же нечестно! — взорвался Клайв. — Вы вонзаете нож мне в спину, но вы об этом еще пожалеете, Уитни. Я уже принят в организацию Карвалью, а вы еще нет. Не советую особенно надеяться на протекцию Сельмы Скоро именно я буду решать, принимать или отвергать проекты вашей компании.

Эверард только смерил Клайва долгим изучающим взглядом. Потом он вынул из кармана сигару и медленно, с видом знатока прикурил ее.

— Рад, что вы напомнили себе, Диксон, что больше не работаете в моей компании. Правда, сожалею, что за то время, что вы были с нами, вы мало чему научились. Дженис, пойдемте, на сегодня мы уже покончили со всеми делами.

Она и геодезист пошли за Эверардом к ожидавшей их машине. Дженис оглянулась и увидела, что Клайв продолжает стоять на том же месте, где они его оставили, явно подавленный. Он заслужил эту резкую отповедь от Эверарда. Ему бы следовало поостеречься, а не угрожать такому зубру, как Уитни.

На следующий день Дженис взяла такси, отправляясь на встречу с Леоной в Музей карет. Утром было очень много работы, и всю ее придется делать Эверарду одному. Она хотела отложить посещение музея на другое, более свободное время, но Эверард уговорил ее не делать этого.

— Нет, нет, идите, — сказал он слегка напряженным голосом. — Вы обещали и должны держать свое слово.

В назначенное время Леоны, конечно, не было, и, прождав ее более двадцати минут, Дженис решила пойти в музей одна. Может быть, Леона ждет ее внутри в вестибюле? Но в тот момент, когда Дженис подходила ко входу, завизжали тормоза и подкатила Леона. Высунув голову в окно, она закричала:

— Пожалуйста, подожди меня! Я только припаркую машину!

Она направилась в сторону площади, где было легче найти свободное место, и через несколько минут появилась сама.

— Прости, что опоздала.

— Не имеет значения, — ответила Дженис. Она уже знала, что в этом знаменитом Музее карет хранится коллекция королевских и других редких карет из бывшей школы верховой езды, принадлежавшей одному из королевских дворцов. Они стояли двумя длинными рядами, великолепные экипажи восемнадцатого и начала девятнадцатого века. Позолоченные, расписанные изображениями классических фигур, с огромными скульптурными группами, с роскошной внутренней бархатной обивкой ярких тонов, они представляли собой пышное зрелище, блеск и великолепие прошлых веков.

— Какие же лошади-тяжеловесы требовались, чтобы сдвинуть такую махину с места, — заметила Дженис, стоя перед потрясающим экипажем португальского посла в Риме. — Дороги в те времена были ужасными, и остается только догадываться, что приходилось терпеть пассажирам.

— В те времена людям приходилось мириться с неудобствами. Представляешь! Ни машин, ни самолетов, ни поездов.

— Несмотря на то что сиденья были мягкими, наверное, аристократам было очень утомительно путешествовать в подобных экипажах, — сказала Дженис.

Она остановилась, чтобы рассмотреть экипаж итальянского типа, крыша которого была обтянута бледно-голубой парчой.

— Скажи мне, Дженис, ты влюблена в Клайва? — вдруг спросила Леона.

— Влюблена в Клайва? — с удивлением повернулась к ней Дженис. — Почему ты спрашиваешь?

— Потому что я хочу знать, — заявила Леона. — Ты хочешь выйти за него замуж?

— Ну, пока он не сделал мне предложения.

— Посмотри, какой красивый экипаж. Его использовали при коронации одного из наших королей.

Дженис и сама могла прочесть прикрепленное к карете объяснение, ей не требовались комментарии Леоны.

— А если бы Клайв сделал тебе предложение, каков был бы твой ответ? — продолжала гнуть свою линию Леона.

— Совершенно определенный — НЕТ, — отрезала Дженис.

Дальше девушки обходили экспозицию молча. В одном углу они увидели несколько небольших колясок, для двух пассажиров, с высокими спинками и кожаными капюшонами, предохранявшими от непогоды, что придавало им сходство с огромными зловещими насекомыми.

— Наверное, здорово было кататься в подобной коляске, особенно с любовником, — мечтательно произнесла Леона.

— Любовнику приходилось бы следить, куда несут вас лошади, — возразила Дженис.

— Если ты не влюблена в Клайва, то, наверное, у тебя есть кто-то еще? Там, в Англии? — приставала Леона.

— Вполне возможно, — ответила Дженис, стараясь сохранить спокойствие и ни о чем не проболтаться.

Несколько минут Леона молчала, потом обошла экипаж так, чтобы встать лицом к Дженис, и снова задала вопрос:

— Вероятно, ты скоро выйдешь замуж?

— Почему ты задаешь мне все эти вопросы, Леона? — Дженис решила, что теперь настал ее черед расспросить Леону о ее планах.

Леона вызывающе улыбнулась.

— Ты специально устроила эту встречу, чтобы учинить мне допрос?

— Естественно, — ответила Леона. — Ты же понимаешь, что я не могла поговорить с тобой свободно в выходные. Ты была нашей гостьей. Неудобно говорить на эту тему, когда мы встречаемся в вашей гостинице или в присутствии посторонних.

— Вежливость прежде всего! — язвительно сказала Дженис.

— Совершенно верно. Условности должны соблюдаться. Я кое-чему научилась у вас в Англии. Дженис, ты мне очень нравишься!

— Спасибо.

— Но ты, надеюсь, понимаешь, что усложняешь нам жизнь, — заявила Леона.

— Я? Каким образом? — изумилась Дженис.

Леона пожала плечами, сделав вид, что не желает вдаваться в подробности, но Дженис знала, что они последуют.

— Ну, например, возьмем эти выходные. Эверард привез тебя к нам, чтобы знать, где ты и что ты делаешь, — пояснила Леона.

Дженис хотела ответить, но тут же вспомнила, что только лишь вчера Клайв сказал ей то же самое.

— Он все время держал тебя в поле зрения, — продолжала Леона.

Тут Дженис стало все ясно: Леона виделась с Клайвом в выходные и сообщила ему, что Дженис приехала в Гуинчо. Она употребляла почти те же выражения, что и он.

— Понимаешь, Дженис, если ты приезжаешь в Гуинчо, то я уже не могу пригласить туда Клайва.

— Почему же?

— Ну нет! — сверкнула темными глазами Леона. — После того как Эверард приложил столько усилий, чтобы вы с Клайвом не встречались, смешно было бы приглашать его на виллу.

— Я не совсем улавливаю, что ты имеешь в виду. Можно мне задать вопрос? Ты влюблена в Клайва? Ты хочешь выйти за него замуж?

Милое лицо Леоны вначале потеряло обычное оживленное выражение, затем на нем появилась озорная усмешка.

— Конечно нет! Клайв красивый парень и очень мил, с ним приятно проводить время, но я в него не влюблена, и он меня не любит.

— Тогда почему ты так озабочена нашими с ним отношениями, ведь я не твоя соперница?

— Все очень просто. Если я хочу избежать обручения с Мануэлом, даже ради поддержания семейного бизнеса, то понятно, что я должна быть в кого-то безумно влюблена. По крайней мере, в настоящее время. Если этот человек португалец, то могут возникнуть всякие нежелательные осложнения, а Клайв англичанин. Многие члены нашего клана женаты на англичанках или замужем за англичанами. Но Клайв должен сделать вид, хотя бы на время, что я для него — целый мир и он не может дождаться нашей свадьбы. Если же его привлекает другая, например ты, то мои позиции не так устойчивы.

— Звучит очень интригующе, — улыбнулась Дженис.

— Кроме того, они собираются послать меня обратно в эту школу на юге Англии. Должна тебе сказать, что для меня это совсем не курорт. Там так холодно зимой, а летом без конца льют дожди! Только когда я возвращаюсь на каникулы домой, я отогреваюсь на солнце.

— Отчасти ты права, хотя и в Англии бывает хорошая погода.

— Только не в моей школе, — категорично заявила Леона. — Я прекрасно знаю английский язык, наша мама постаралась, чтобы мы с раннего детства говорили и на португальском, и на английском. Так что же мне может дать английская школа?

— Да, ты права, — согласилась Дженис. Хотя она и была слегка раздражена разговорами Леоны на слишком уж личные темы, некоторые черты ее характера Дженис нравились. Девушка была молода и импульсивна, но в то же время, если надо, могла держать себя в руках, у нее было чувство такта — взять хотя бы пример с сегодняшним посещением музея.

Они вышли из музея и направились к машине.

— Теперь мы поедem к Белемской башне, это тут недалеко, — заявила Леона.

— И ты снова будешь задавать мне вопросы, как только туда приедem? — спросила

Дженис с улыбкой.

Леона, забыв о движении машин, повернулась к ней и рассмеялась:

— Нет, не буду. Пока.

Возможно, в этой фразе содержалась некоторая угроза, но Дженис не обратила на нее никакого внимания. Ей самой хотелось спросить о многом. Хватит ли у нее храбрости спросить у Леоны, собирается ли ее сестра Сельма выйти замуж за Эверарда?

Башня Белем, напоминающая свадебный торт, была построена при впадении реки Тежу в море. Внутри башни было много комнат с балконами, обставленных мебелью в стиле старой Англии. А балконы были как в обычном доме с видом на реку. Пока девушки переходили из комнаты в комнату, Дженис набралась смелости и задала с невинным видом важный для нее вопрос:

— Прости, пожалуйста, мое любопытство, Леона, но скажи мне, твоя сестра, Сельма, собирается выйти замуж за мистера Уитни?

В башне почти не было посетителей. Леона стояла на балконе и смотрела вниз на медленно текущие воды реки.

— Сельма? Ну, я не знаю, — тихо произнесла она. — Ты же знаешь, что она такая красивая и выглядит совсем как настоящая англичанка. Она отличается от обычной португальской девушки. Ей делают десятки предложений. Конечно, Эверард умирал от любви к ней с того момента, как впервые ее встретил. Именно поэтому он и приезжает в Португалию так часто, как только может.

— Но Сельма, кажется, его не любит? — как можно беспечнее спросила Дженис.

— Думаю, год назад она тоже была в него влюблена. Потом он ей надоел, и когда Эверард возвратился в Англию, она его забыла. Вокруг нее всегда кружится много поклонников. Мой отец настолько важный человек, что иногда трудно решить, они любят нас или наш семейный бизнес, — закончила Леона на грустной ноте.

Дженис от души рассмеялась:

— Подобные сомнения никогда меня не беспокоили. За мной не стоит богатая семья со связями.

После осмотра башни Леона предложила пойти в кафе и выпить чаю. Но вместо того чтобы выбрать одно из многочисленных кафе, расположенных на тротуарах под широкими зонтиками, она нашла маленькое кафе на одной из боковых улиц. Два столика перед ним на улице были пусты, они сели за один из них, и хозяин сразу прибежал, чтобы принять заказ.

— Чай? Кофе? — спросила Леона Дженис.

— Кофе, пожалуйста. Мне нравится кофе по-португальски, а чай я могу выпить и в Англии.

Сама Леона, как ни странно, заказала именно чай. Несколько мгновений она молчала, откусывая маленькие кусочки от пирожного, которое полагалось к чаю и кофе. Дженис заметила, что она слишком часто поглядывает на идущую вверх улицу.

— Я пока еще не спешу, — сказала Дженис, посмотрев на часы, — но я обещала Эверарду вернуться в гостиницу к обеду и закончить один документ. Поэтому я скоро уйду.

— Еще полно времени, я доведу тебя до гостиницы минут за пятнадцать, — махнула рукой Леона.

Прошло еще полчаса, и Дженис поняла, что Леона не случайно привела ее именно в это кафе, она кого-то здесь ждала, вполне возможно, Клайва. Однако никто не появлялся. Дженис догадалась, что это должен быть мужчина, в противном случае Леона давно бы уже

упомянула имя женщины. Так что же, она опять выступает в роли сопровождающей при встрече Клайва с Леоной?

— Я возьму такси и вернусь в гостиницу, — предложила Дженис. — Тебе совсем не обязательно отвозить меня.

Леона позвала официанта, попросила счет, и они собрались уходить. Затем девушка подошла к администратору и попросила передать что-то ее другу, когда он появится или позвонит. Что именно, Дженис не разобрала, она услышала лишь «сеньор» и «не могу больше ждать».

Леона повезла ее через парк Монсанта, чтобы избежать пробок на дорогах. Когда они подъехали к гостинице, Дженис увидела на галерее Эверарда, разговаривающего с двумя незнакомыми мужчинами. Леона тоже его заметила, быстро вышла из машины и направилась к нему. Эверард извинился перед своими компаньонами и приветствовал девушек:

— Привет, Леона! Спасибо, что доставила Дженис целой и невредимой. Хотите чего-нибудь выпить?

— Конечно, — оживилась Леона.

— Я, пожалуй, поднимусь наверх и начну работать, — сказала Дженис.

— Нет. Нам надо отметить ваше счастливое возвращение с таким водителем, как Леона. Пойдемте в бар.

Леона заказала напиток «Сангрия», состоящий из красного вина, бренди, минеральной воды, льда и лимона. Это означало, что она останется здесь дольше, чем того требовали приличия, так как «Сангрия» подавался в высоком кувшине с длинной деревянной ложкой для перемешивания и доливался время от времени в бокалы.

Но Дженис не обращала внимания на капризы Леоны, болтая с Эверардом и рассказывая ему о своих впечатлениях.

— Мы не только осматривали музей, а еще и обменивались мнениями о знакомых мужчинах, — доверительно сказала Дженис.

— Ну конечно, — сухо произнес Эверард.

— А вы знаете, что у Дженис в Англии есть молодой человек, который ей очень нравится? — вдруг спросила Леона.

Дженис покраснела, ее лицо и шею залил густой румянец.

— Я такого не говорила, — начала Дженис оправдываться.

— Леона, как ты можешь предавать приятельницу и рассказывать секреты, которые она поведала тебе солнечным утром, — пошутил Эверард.

— Я не предаю! Я просто хотела сказать, что...

— Не важно, что ты хотела сказать. Нас с Дженис ждет много работы. — Он разговаривал с ней, как с маленьким ребенком.

Леона быстро вскочила:

— Мне тоже надо идти! Никогда не могла понять, почему вы так быстро обижаетесь, Эверард. У Сельмы просто ангельский характер, что она все это терпит.

Она схватила свою сумку и натянула перчатки.

— Пока, Дженис, надеюсь, тебя не обидела.

— Конечно нет. До свидания и спасибо за этот прекрасный день.

Пока Эверард провожал Леону к машине, Дженис быстро поднялась наверх в свою комнату и к тому времени, как он вернулся, уже сидела и стучала на пишущей машинке.

Эверард ходил по комнате, время от времени давая ей кое-какие советы по работе, спрашивая, разбирает ли она его почерк и исправления. Дженис хотелось, чтобы скорее он ушел к себе и дал ей возможность спокойно поплакать. У нее сжимало горло от усилий сдерживать слезы. Наконец он подошел к ней и встал рядом. Ее всегда раздражало, когда кто-то стоял за спиной и наблюдал за ее работой, она тут же начинала путаться и делать ошибки.

— Дженис, почему вы мне не сказали об этом молодом человеке, вашем друге, что ждет вас дома?

Его близость не давала ей возможности дышать, она начала задыхаться. Дженис нашла ластик и стала стирать им слово, чтобы исправить ошибку.

— А мне следовало это сделать? — пробормотала она, не глядя на Эверарда.

— Когда мы сюда ехали, мне казалось, что вы ни с кем не связаны. Потом я понял, что вы в слишком дружеских отношениях с Диксоном. Теперь оказывается, что вы оставили кого-то в Англии, кто страдает и ждет вас. Кроме этого, Мануэл Карвалью готов окончательно завоевать вас своим латиноамериканским очарованием. Я и представить себе не мог, приглашая вас в поездку, что привожу с собой такой магнит. Почему вы все так усложняете? — Он отошел от нее, потом повернулся в ее сторону.

— Я и не знала, что создаю вам сложности, — ответила Дженис. — Я больше не допущу, чтобы мои развлечения мешали нашей с вами работе. Я готова отработать упущенное на экскурсиях время. Дома, в Англии, вы бы не знали или не интересовались бы моей личной жизнью.

— Вы совершенно правы, я не имею права спрашивать, как вы проводите свое свободное время. Но поймите, что я чувствую за вас ответственность. — Он опять встал за ее спиной и неожиданно рассмеялся. — Посмотрите, что вы сделали с этой страницей!

Дженис увидела, что протерла дырку, стирая слово ластиком. Она тут же выдернула из машинки лист бумаги, и ей очень захотелось бросить бумагу ему в лицо.

На мгновение он положил руки ей на плечи, и тут же ее будто пронзило током.

— Успокойтесь, Дженис, — мягко произнес он. — Прошу у вас прощения за то, что вмешиваюсь в вашу личную жизнь.

Ей хотелось броситься в его объятия и сказать, что все, что привлекало ее в Клайве, было просто ошибкой и давно прошло, что Мануэл просто приятный знакомый и что никто ее не ждет в Лондоне. И вообще, нигде, ни в одной точке мира, никто ее не ждет. Ей хотелось вывести его из себя своим буйным поведением, и пусть бы он отослал ее домой с позором. Тогда она была бы свободна, ее бы никто не терзал, она бы не страдала день и ночь о человеке, который рассматривал ее только как свою «ответственность» в чужом городе.

Будет лучше ничего не отрицать, и пусть он верит, что она готова флиртовать с дюжиной мужчин. Она ничем не дает ему понять, что любое, самое легкое его прикосновение бросает ее в дрожь и зажигает кровь, натягивает ее нервы до предела. Будет лучше оставаться для него всего лишь временной «ответственностью».

— Дженис, у вас остались в этом году отпускные дни? Вы использовали весь отпуск? — вдруг спросил Эверард, когда Дженис проверяла длинную колонку цифр.

— Нет, у меня осталась еще одна неделя, — ответила она.

— Как вы планируете ее провести?

— Я еще об этом не думала.

В течение последней недели между Дженис и Эверардом установились вежливые, спокойные отношения, которые позволяли лишь иногда теплую нотку в голосе. Он больше не задавал ей вопросов по поводу ее друзей и совершенно намеренно завел разговор об ее отпуске.

— Скажите, не хотели бы вы провести неделю или несколько дней на одной из плантаций, посмотреть, как из винограда выжимают вино и вообще весь процесс его изготовления?

— Да, мне бы очень хотелось посмотреть, — ответила Дженис, но не отважилась его спросить, будет ли и он там.

— Хорошо, я это для вас устрою.

— Спасибо. — Она не могла понять, можно ли это было рассматривать в качестве предложения мира, или это была просто часть плана, в котором она должна была принять участие.

Клайва она не видела ни разу с того момента, как произошла стычка между ним и Эверардом, который только однажды вспомнил об этом эпизоде.

— Диксон думал, что сможет меня унижить, но ему нужно было больше узнать о бизнесе семьи Карвалью. Когда я рассказал о том, что произошло между нами, сеньору Жоакиму, отцу Сельмы, он только рассмеялся, сказав, что никогда не наделял Диксона правом принимать решения. Сеньор Жоахим даже не знал, что тот собирается со мной встретиться. Полагаю, Диксон наплел Алмейдо какую-то легенду, чтобы убрать того со своего пути.

Дженис помнила, какие старания прикладывал Клайв, чтобы увидеть планы и эскизы. Если у него не было на то никаких полномочий от Карвалью, тогда что же было на самом деле у него на уме?

Дженис несколько раз была вместе с Эверардом в лиссабонском филиале их фирмы и видела, как тому было трудно разобраться в отчетах и контрактах, которыми занимался Диксон. Все находилось в полном хаосе. Главный клерк офиса, Колумбано, изо всех сил старался помочь Эверарду. Это о нем был послан в Лондон критический отчет, который Дженис по ошибке посчитала написанным о Клайве. Ей было интересно, сделали ли Колумбано последнее предупреждение, что его сместят, если он не улучшит свою работу.

Теперь Эверард звонил в Лондон только из своего гостиничного номера, а не из офиса. Он объяснил Дженис, что не может быть уверенным на все сто процентов, что в гостинице нет спрятанных подслушивающих устройств, но, по крайней мере, здесь нет людей, заинтересованных подслушать его разговоры. А в офисе слишком многие могут снять трубку параллельного аппарата и подслушать разговор.

Клайв явно добавил свою долю в атмосферу подозрительности в офисе.

Некоторое время работа была особенно напряженной для Дженис и Эверарда. Бесконечные сметы и калькуляции, отчеты о разных стройках, документация и

корреспонденция заполняли все время Дженис. Они даже еду заказывали в номер, чтобы не тратить драгоценное время. Но при этом Дженис никогда раньше не испытывала такого удовлетворения от работы с Эверардом. Он оставался таким же нетерпеливым и требовательным, но даже инструкции, которые она от него получала, не казались теперь такими отрывочными и строгими. Эверард проявлял к ней гораздо больше внимания, настаивал, чтобы она делала небольшие перерывы в работе, предлагал ей отдыхать минут по двадцать в кресле на балконе, а потом снова браться за документы, пока ее не подкосит усталость.

— Таким образом работают на фабриках, — заметила как-то Дженис, отдыхая на балконе и потягивая приятный холодный напиток. — Администрация уверена, что так у рабочих будет меньше брака, а значит, повысится производительность труда. Эверард с удивлением на нее посмотрел, и она растаяла под этим взглядом.

— Такое понятие к вам не имеет никакого отношения, хотя совершенно естественно, если вы сломаетесь от работы, я тоже пострадаю, — серьезно произнес он, но при этом его глаза смеялись.

— Ну, только ради вас постараюсь сохранить свою работоспособность, — заметила Дженис спокойным голосом и без всякого выражения в ее красивых глазах.

В конце концов они закончили работу с бумагами, и у них появился свободный день. Но Эверарду надо было ехать на важное мероприятие — собрание в совете по международному туризму, на котором ему предстояло представить резюме всех настоящих и будущих проектов, планируемых компанией.

— Скажите Дженис, вы не могли бы поехать сегодня в Эсторил? Двое из членов нашего совета из Швеции остановились в гостинице «Эсторил-Сол». Уверен, что они предпочли бы заранее изучить эти отчеты о нашей работе. Мне бы хотелось, чтобы вы лично доставили и эти документы. Иначе они будут лежать у регистратора гостиницы несколько суток.

Дженис была очень рада, что ей неожиданно представился случай снова побывать в Эсториле одной, без сопровождающих.

— Потом вы можете использовать оставшееся время по своему усмотрению. Сходите на пляж, в общем отдыхайте так, как вашей душе угодно. Но вы должны вернуться в гостиницу к шести часам. В это время нам должны звонить из Лондона и передать дополнительную информацию и данные для сметы. Я у них это запрашивал. Запишите все, напечатайте в двух экземплярах и привезите мне одну копию.

— Можете быть уверены, я все исполню, — пообещала она.

Дженис решила ехать в Эсторил поездом. После того как она доставила пакет с документами шведам, пришло решение, как следует отдохнуть. Она прошла пешком до Каскаиса, бродила по маленьким улочкам, погуляла в небольшом тенистом саду и затем вышла на одну из основных магистралей города, которая оказалась такой широкой, что Дженис тут же подумала, сколько же прекрасных старинных домов было снесено для того, чтобы здесь могли нестись машины в несколько рядов.

Она купила себе на ленч несколько ароматных пирогов, фрукты, добавила к этому бутылочку вина и направилась к небольшой бухте, которую она давно заприметила с дороги, ведущей в Гуинчо. Она так распланировала свой день: искупаться один раз перед ленчем, потом позагорать на горячих камнях, ведь сейчас, в сентябре, уже было не так жарко в середине дня, потом искупаться еще раз и отправиться в обратную дорогу в Лиссабон. Приятная, почти идиллическая программа, день отдыха после напряженных будней.

Но всему этому не суждено было сбыться. Вдали показалась бледно-зеленая машина, приблизилась и остановилась на большой скорости со скрежетом тормозов. Конечно, это была Леона. Кто же еще мог ездить на такой скорости, невзирая на пассажиров, шины и саму себя. Из окна выглянул Клайв.

— Дженис! — воскликнул он. — Что ты здесь делаешь? Так проводишь свое рабочее время?

— Я могу задать тебе тот же вопрос, — ответила ему Дженис.

— А я теперь свободный человек и сам распоряжаюсь своим временем. Я больше не во власти Уитни, — добавил Клайв с мстительным самодовольством.

— У меня оказалось свободное время, и я решила здесь отдохнуть и позагорать на пляже. — Дженис сделала при этом несколько шагов, собираясь от них уйти.

— Прекрасная мысль! Не возражаешь, если мы составим тебе компанию? — с энтузиазмом воскликнул Клайв.

Леона молча, без улыбки откинулась на спинку переднего сиденья, но в глазах ее прыгали чертики.

— Но у вас свои планы, — запротестовала Дженис, чувствуя, как рушатся ее идиллические мечты. — Кроме того, я купила себе кое-что на ленч...

— Ну что ж, мы с удовольствием насладимся ленчем с тобой вместе. Давай садись в машину, — с энтузиазмом произнесла Леона. — Мы тоже купим сейчас себе что-нибудь на ленч.

— Отлично, — согласился с ней Клайв, — это много приятнее, чем есть в душном ресторане.

Дженис все еще не могла решиться, но Клайв проворно вышел из машины и открыл перед ней дверь. Ей ничего не оставалось, как залезть внутрь, и тут же она сама удивилась своему вялому и нерешительному поведению. Надо было просто уйти от них и предоставить их самим себе.

Леона быстро довезла их до центра Каскаиса, припарковала машину возле торгового центра и накупила разнообразной еды и вина. Дженис позабавило, как хозяева лавчонок бросались к Леоне, забыв о покупателях, которых в данный момент обслуживали. Почему? Потому, что все знали, из какой она семьи? Или она магически привлекала к себе внимание?

Когда все коробки, пакеты и бутылки были наконец сложены в машину, Леона проехала по узенькой улочке и свернула на дорогу к Гуинчо.

— Я знаю бухту получше этой, немного дальше, зато вдалеке от всех, и там очень тихо.

Дженис согласно кивнула, хотя скептически относилась к любому выбору, который делала Леона, но на этот раз она оказалась права. Здесь почти не было народу, только одна семья с маленькими детьми и две или три пары и группа молодых людей, которые плавали в совершенно прозрачной воде и загорали у лабиринта небольших скал.

Складывалось впечатление, что у Леоны в машине всегда под рукой купальники, полотенца и плавки.

— Полезно держать это в машине на всякий случай, — заметил Клайв. — Никогда ведь не знаешь, когда захочется остановиться и искупаться.

Он пошел переодеваться за скалу, чтобы девушки могли использовать машину. Красно-белый в горошек купальник Леоны был ей к лицу, контрастируя с ее гладкой загорелой кожей. Дженис видела, что ее собственный загар не шел ни в какое сравнение. Ведь у нее никогда не было возможностей Леоны загорать у собственного бассейна, не говоря уже о

всех пляжах побережья.

Когда Леона разложила все привезенные ими продукты, а их могло хватить на небольшой пляжный буфет, Дженис опять почувствовала себя неловко, но решила есть только то, что привезла сама, а вином угостила своих спутников.

После ленча все трое растянулись на мягком горячем песке. Дженис прикрыла лицо своей шляпой с широкими полями. И тут Клайв поразил ее, сказав, что сегодня он узнал ее именно по этой шляпе, похожей на большое колесо.

— Ты что, помнишь шляпы всех своих подружек? — резко спросила Леона.

— Да нет, я помню только эту, — усмехнулся Клайв.

Дженис решила притвориться, что задремала, но вскоре Леона объявила, что они не могут надолго здесь задерживаться, так как ей надо ехать домой переодеваться.

Сняв шляпу и приподнявшись на локте, Дженис поинтересовалась, куда же Леона собирается вечером.

— Мы приглашены на прием в посольство, — пояснил Клайв.

— Рада за вас, — пробормотала Дженис.

— Но ты тоже должна там быть. Разве Уитни не приглашен? — Клайв в удивлении поднял брови.

— Мне ничего об этом не известно, — ответила Дженис и тут же заметила торжествующий блеск глаз Леоны.

— По-видимому, он решил тебе об этом не говорить, — продолжал дразнить ее Клайв. — Интересно, кого же он берет с собой? Может быть, Сельму? — И он бросил быстрый взгляд на Леону.

— Вокруг Сельмы достаточно мужчин, готовых пригласить ее на любую вечеринку, — поспешно ответила Леона с явным удовлетворением.

Наступила короткая пауза, затем Клайв спросил, не сегодня ли начинается конференция.

— Думаю, ты знаешь об этом столько же, сколько и я, — осторожно ответила Дженис.

— Ну тогда я тебя там увижу, ведь ты, как всегда, будешь висеть на руке у Уитни.

Леона растянулась на песке и закрыла глаза, тем самым показывая, что разговор ее не интересует. Дженис отгородилась от Леоны и Клайва тем, что закрыла лицо шляпой. Она так хотела, чтобы они поскорее уехали, и тогда она проведет остаток свободного дня в тишине и покое. Ведь они просто навязались к ней и помешали насладиться природой и отдыхом. А Леона приставала со своими бесконечными вопросами, делала замечания по каждому поводу и не давала ни минуты покоя. Дженис поняла, что не сможет задремать, и села на песке.

— Ты собираешься еще поплавать? — спросила Леона.

— Возможно. Клайв, сколько сейчас времени? — поинтересовалась Дженис.

— Только половина третьего, — лениво ответил тот.

— Но у тебя ведь были часы. — Леона взяла Дженис за руку и показала на светлую полоску кожи от ремешка часов.

— Они в сумке. Я все время забываю их снимать перед купанием. Идешь в воду?

— Чуть позже. Я еще не готова.

Дженис вошла в воду и поплыла в открытое море, потом перевернулась на спину, чтобы немного отдохнуть, насладиться видом голубого неба и почувствовать мягкое объятие воды на своем теле. Ну почему эти двое настояли на том, чтобы провести день вместе с ней?

Чтобы рассказать ей о предстоящем приеме в посольстве и намекнуть, что Эверард там тоже будет?

Она лежала и представляла парк посольства с гуляющими там Эверардом под руку с Сельмой. Может быть, поэтому он отослал Дженис отвезти документы шведам в Эсторил и предложил отдохнуть одной до конца дня? Чтобы она ему не мешала? Конечно, кому приятно тащить за собой вечно висящую на твоей руке секретаршу и быть вынужденным ее всем представлять.

Прошло еще несколько минут, и она повернула к берегу, ища глазами Леону и Клайва, но, как ни странно, их нигде не было. Она поплыла обратно и прошлась по берегу к тому месту, где они сидели все вместе. Только ее полотенце, шляпа и белая сумка валялись у темной скалы. Леона и Клайв исчезли. Не было и следа их присутствия. Она стала их громко звать, но безуспешно, никто не откликнулся, лишь несколько незнакомых людей на пляже повернули головы на ее крик.

Разве Леона могла уехать, не сказав ей ни слова? А Клайв? Она подобрала свои вещи и поднялась по каменистой тропинке к дороге, где должна была находиться машина. Но машины Леоны там не было. Лишь грязный черный и пустой седан был припаркован у дороги. И только теперь до нее дошел весь ужас происшедшего. Вся ее одежда осталась в машине! На ней было только белое бикини и в руках большое пляжное полотенце. В этом она никак не могла появиться в поезде. Ничего не оставалось, как купить дешевенькое платье в лавке в Каскаисе. Еще хорошо, что на ней остались ее сандалии, а то бы пришлось идти босиком.

Дженис присела у дороги, открыла сумочку, чтобы посчитать деньги и посмотреть на часы, ведь Эверард просил ее вернуться в гостиницу и дожидаться важного звонка из Лондона.

И тут ее охватила паника: кошелек не было. Она высыпала содержимое сумки на полотенце, но коричневого кожаного кошелька с деньгами там не было. Все ее деньги, обратный билет на поезд до Лиссабона, золотые часы — все исчезло.

Завернувшись в полотенце, она бросилась обратно на пляж и снова обыскала то место, где они сидели вместе. Леона собрала все свои многочисленные коробочки и бутылочки, оставив только бутылку вина, которое принесла Дженис, и пустую коробку. Оглянувшись вокруг, она увидела, что почти все ушли с пляжа, кроме одной влюбленной парочки. Она подошла к ним и на плохом португальском спросила, сколько времени, но мужчина только пожал плечами и указал на руку, показывая, что у него нет часов. Она попыталась ему объяснить, что у нее украли кошелек, но он ничего не понял. Дженис заговорила на французском, и женщина ответила ей, что никого подозрительного они здесь не видели. Поблагодарив их, Дженис снова вернулась на место их пикника, но все было напрасно, ее надежда, что, может быть, кошелек просто выпал из сумки и попал между камнями, оказалась напрасной.

Что же ей теперь оставалось делать? Как добираться до Лиссабона без денег и билета? В любой другой день это не имело бы значения, когда она вернется в гостиницу. Но случилось это именно сегодня, после того как Эверард несколько раз ее предупредил не опаздывать. Его слова эхом отдавались у нее в ушах: «Вы должны быть в гостинице до шести вечера». Просто беда, если она не сможет выполнить своего обещания.

Дженис вышла на дорогу и спросила по-португальски первого встречного, сколько времени. Когда тот показал ей циферблат, она растерялась: было уже без четверти пять!

Она поспешила к гавани Каскаиса, потом остановилась, пытаясь решить, что же ей теперь делать. Заявить о пропаже в полицию? Может быть, они одолжат ей денег, чтобы добраться до Лиссабона? Ведь легко можно проверить, что она действительно остановилась в отеле «Голландия».

Она объяснила все, что с ней случилось, первому же встретившемуся ей полицейскому, но тот вежливо направил ее в местное полицейское отделение, и она тут же сообразила, что это займет слишком много времени, тем более что полицейские наверняка не говорили по-английски, а она по-португальски.

Дженис поблагодарила полицейского и пешком направилась в Эсторил, надеясь, что ей попадется такси и она уговорит водителя довезти ее до Лиссабона. Но, как назло, все проезжающие мимо такси либо были заняты, либо ехали в другом направлении.

Вдруг ее осенило: если у нее осталась какая-то мелочь, то она могла бы позвонить на виллу Карвалью в Гуинчо и спросить Леону, что за шутку та решила с ней сыграть, оставив без одежды. Она могла бы потребовать от нее немедленно приехать в Эсторил на машине и отвезти ее в Лиссабон. Или позвать к телефону Мануэла и попросить ей помочь.

Ей все больше и больше становилось неловко, что она идет в одном купальнике по шоссе, хотя это не было так уж необычно для девушек прогуливаться по дороге, идущей вдоль пляжа, завернувшись в пляжное полотенце. И тут снова в ней поднялась волна гнева против Леоны и Клайва. Как они могли сыграть с ней подобную злую и грязную шутку! Или все случившееся было лишь случайностью? Просто из-за легкомыслия Леоны?

Дженис терялась в догадках. Очевидным было то, что она без денег и опаздывает в гостиницу к назначенному часу. И тут ей повезло, она остановила наконец такси и на французском языке объяснила шоферу, что у нее украли деньги, и если он довезет ее до Лиссабона, то там она ему заплатит немедленно по прибытии в гостиницу «Голландия». Ехали они ужасно медленно. Дважды им пришлось останавливаться на переезде. Она еще раз пожалела, что не оставила хоть немного денег в своей сумочке или обратный билет, ведь поезда ходили часто и по расписанию.

На окраине Лиссабона водитель попытался проехать более коротким путем, но и здесь не повезло — их задержало столкновение грузовика с легковой машиной. Все улицы Лиссабона были забиты машинами, и они с большим опозданием остановились наконец у входа в гостиницу. Дженис выскочила из машины, бросилась к администратору и попросила его заплатить водителю и дать большие чаевые. Тот был неприятно удивлен ее видом, что сквозило в его взгляде. Дженис не могла ждать больше ни секунды.

— Были какие-нибудь телефонные звонки? — спросила она. — Мистер Уитни ждал очень важный звонок из Лондона. Срочный.

— Да, был звонок, но в номере никого не было, — ответил администратор. Было уже половина седьмого.

— Они не сказали, что могут перезвонить? — тревожно спросила Дженис.

— Не знаю. Тогда меня еще не было на дежурстве.

Двое служащих приблизились к ней и попытались незаметно и быстро затолкнуть ее в лифт, пока ее не увидело слишком много постояльцев.

Она выскочила из лифта на своем этаже и быстро добежала до номера. Дженис одевалась, оставив дверь из своей комнаты в гостиную открытой, чтобы слышать телефонный звонок. Какое-то время она сидела около телефона и гипнотизировала его взглядом. Когда неожиданно телефонный звонок разбил тишину, она быстро схватила

трубку, но это звонили из ресторана узнать, будут ли они с мистером Уитни обедать в номере, или оставить им столик в ресторане.

Она стала ходить взад и вперед по комнате, выходила на балкон, пытаясь сообразить, что же ей теперь делать? Не было никакого смысла ехать к Эверарду, пока она не получит необходимые ему данные. Она решила взять быка за рога и сама позвонить ему, признав свою вину.

Дженис уже было протянула руку к телефонной трубке, как телефон зазвонил и в трубке прозвучал голос Эверарда.

— Ну наконец-то! — сердито произнес он. — Где, черт побери, вас носило? Я звонил вам три или четыре раза за последний час.

И прежде чем Дженис смогла сформулировать свой ответ, он спросил:

— Вы получили требуемые данные? Если вы не успели их напечатать, то просто продиктуйте мне их сейчас по телефону, я их запишу.

Дженис набрала полную грудь воздуха.

— У меня нет этих данных, — заикаясь, сказала она.

— Что вы имеете в виду? Вам не звонили из Лондона?

— Думаю, звонили, но меня еще здесь не было, — призналась она, покраснев от стыда, хотя он не мог ее видеть.

— Что?! О, Дженис! — Ее имя прозвучало как проклятие. — Как вы могли! Почему же вы не вернулись вовремя? Черт побери, я дал вам возможность отдохнуть и делать все, что вам было угодно, практически целый день! Неужели нельзя было выполнить эту просьбу, зная, как это для меня важно!

— Извините, мистер Уитни, — произнесла Дженис, проглатывая возникший в горле комок, — у меня случилось несчастье в Каскаисе Я потеряла часы и мой...

— В следующий раз останавливайтесь там, где часы будут у вас на виду, — взорвался он. — Я сейчас на конференции, и мне совершенно необходимы точные данные, которые мне обещали. Без них я беспомощен. Оставайтесь в номере, может быть, из Лондона позвонят еще раз. Если в последующие десять минут они этого не сделают, то позвоните им сами, хотя вряд ли кто-то будет ждать вашего звонка в Лондоне. Надо было сразу сообразить и перезвонить им.

— Да, мистер Уитни, — пробормотала Дженис. При сложившихся обстоятельствах называть его Эверардом казалось просто неприличным.

Он с раздражением бросил трубку, оставив Дженис с ощущением, что она полная дура и у нее отсутствует здравый смысл. Она понимала, каково ей будет после всего случившегося вновь встретиться с ним лицом к лицу, и он будет совершенно прав, ругая ее за такую работу.

Она села и стала размышлять, как и когда мог быть украден ее кошелек. В последний раз она посмотрела на часы, когда снимала их, прежде чем войти в море. Это было как раз перед ленчем. Пока они все плавали, за их вещами никто не следил. Конечно, кто-то мог этим воспользоваться. Жаль, что она спросила Клайва о времени, вместо того чтобы самой посмотреть на часы. Тогда бы она сразу увидела, что кошелек пропал. Она могла одолжить у Клайва или Леоны немного денег и тогда бы приехала в гостиницу вовремя.

Тут к ней в душу закралось подозрение, тоненькое, как струйка дыма. Клайв и Леона, должно быть, уезжали с пляжа в большой спешке, и, очевидно, у них не было и секунды, чтобы оставить ее вещи, лежавшие в машине, там, где она могла бы их сразу обнаружить.

Однако она тут же выбросила эти мысли из головы. Ей не хотелось верить в то, что сегодняшняя потеря нечто большее, чем простая случайность.

Когда опять зазвонил телефон, она с облегчением сняла трубку. На сей раз это, конечно, должен быть Лондон, но звонили от портье: пришел сеньор Диксон и просит сеньориту его принять.

— Передайте ему, что я занята, пусть зайдет в другое время, — ответила Дженис. В эту минуту она была не в состоянии бороться с Клайвом.

— Хорошо, сеньорита.

А может быть, Клайв пришел, чтобы извиниться за происшедшее? Она позвонила вниз и попросила пропустить мистера Диксона.

— Почему ты решила изменить свое решение? — спросил Клайв, входя в гостиную. — Тебе повезло, что я еще слонялся внизу в холле.

— Тебе лучше было бы послоняться минуточку-другую сегодня там, на пляже, — сердито начала она, — вместо того чтобы оставить меня там в безвыходном положении. Ты хоть сообразил, что вся моя одежда находилась в вашей машине? Что заставило вас обоих сорваться с места, не предупредив меня?

— Твоя одежда? Господи, я не имел ни малейшего представления. Прошу меня простить, Дженис. Леона захотела немедленно вернуться домой, и тут я понял, что я неправильно сказал тебе время. Было уже половина четвертого, а не половина третьего. Перед отъездом мы кричали тебе, но ты была в море и, очевидно, не услышала. Как тебе удалось выкрутиться из этой ситуации? Я имею в виду, без одежды?

— Исчезла не только моя одежда, — холодно ответила она. — Пропали мои часы и деньги. Даже обратный билет на поезд в Лиссабон исчез.

— Это просто тебе ужасно не повезло, — с видимым сочувствием произнес Клайв. — Я и понятия не имел, что твое платье было в машине Леоны.

— Но она-то вряд ли этого не заметила, — возразила Дженис.

— Конечно, я скажу ей, и она немедленно вернет тебе твои вещи.

— Можешь не беспокоиться. У меня есть другие платья. Было довольно неприятно идти без платья, в одном купальнике, по улицам Каскаиса и Эсторила, но я была рада, что Леона оставила мне пляжное полотенце. Мне оно пригодилось, но мои деньги пригодились бы еще больше. Я могла бы купить себе одежду.

— У тебя пропало много денег? Я могу одолжить, — предложил Клайв.

— Нет, спасибо, — махнула рукой Дженис, как будто деньги ничего для нее не значили. — Вот часы мне очень жаль. Я сняла их с руки перед тем, как идти плавать, и оставила внутри кошелька, чтобы их не занесло песком. Для воров это был подарок.

— Это были ценные часы? Ты их застраховала?

— Да, они застрахованы, но у меня не было времени заявить об этом в полицию. Для меня было более важно приехать вовремя обратно в гостиницу. — Она сердито посмотрела на него. — Ты не очень-то помог мне, сказав неправильное время, убавив час.

— Прости, Дженис, за это недоразумение. — И с этими словами Клайв устроился на шезлонге. — Я просто небрежно посмотрел на циферблат. А почему ты так спешила?

— Мне надо было выполнить кое-какую работу для мистера Уитни, — беспомощно сказала она и поразилась недоверию, которое появилось на его лице.

Она подошла к машинке и сняла с нее чехол, но, прежде чем она успела сесть и начать работать, он быстро встал и подошел к ней.

— Ведь это неправда, ты спешила не по этой причине, — произнес он, кладя руку ей на плечо. — Твое опоздание не дало тебе возможности привести себя в порядок и отправиться вместе с Уитни на конференцию во дворец Авенида.

— Ничего подобного. Вопрос так даже не стоял!

Он приподнял ее подбородок и повернул лицом к себе:

— Разве ты не должна была туда направиться после звонка из Лондона?

— Понятия не имею, что ты имеешь в виду. Из Лондона никто не звонил.

— О нет. Звонили. Просто тебя здесь еще не было, и ты не могла ответить на звонок.

Она молча встала и посмотрела прямо ему в лицо. Ужасное подозрение пронзило ее. Неужели Клайв сумел каким-то образом проникнуть в их номер, поговорить с Лондоном и получить от них ту информацию, которая так нужна Уитни? Зачем бы еще ему было крутиться вокруг гостиницы?

— А ты оказался здесь, в нужном месте, в нужную минуту? Похоже, ты рано покинул прием в саду посольства. Или все это было ложью?

— Дженис, ты просто не понимаешь, что говоришь. Ты слишком расстроена сегодняшними событиями.

— Клайв, будь хоть раз честен со мной! Вы ведь специально на время взяли мои часы и кошелек, чтобы я опоздала?

— Дженис! — Он сделал шаг назад, потрясенный ее подозрением. — Неужели ты в самом деле думаешь, что я мог так низко пасть? Я украл кошелек у своей знакомой девушки?!

Он повернулся и вышел на балкон.

Переждав несколько минут, Дженис вышла вслед за ним.

— Извини, Клайв. Я не хотела тебя обижать, — сказала Дженис. — Прошу прощения за то, что заподозрила тебя. Но мне кажется очень странным, что ты и Леона потратили время, чтобы провести со мной часть дня на пляже, вместо того чтобы сразу отправиться на этот прием в посольстве.

— А почему бы и нет? — резко повернулся он к ней. — В следующий раз буду меньше болтать.

— Я тоже. Пройдет еще много времени, прежде чем я снова решусь принять любые приглашения от тебя и Леоны.

— Поступай как знаешь! Ты думаешь...

В этот момент зазвонил телефон, и Дженис бросилась к нему. Но Клайв успел первым и мгновенно снял трубку с рычага.

— Клайв! Это мне звонят! Дай трубку! — крикнула она.

— Мне это так же интересно, как и тебе, — улыбаясь, ответил он.

— Нет! Нет!

Двумя руками она схватилась за верх трубки, но услышала в ней только шум голосов, прежде чем Клайв отнял ее и снова положил на рычаг. Она уставилась на него не в силах поверить в происходящее.

— Да как ты смеешь так поступать здесь! Это мог быть важный звонок!

— Так поздно? Ты же не ждешь повторного звонка из Лондона в такое время? — Он улыбнулся ей. — Не паникуй, Джен. Это звонил дежурный, хотел узнать, где ты собираешься обедать.

— Я тебе просто не верю.

А если это действительно снова звонили из Лондона и она опять пропустила звонок? Но как бы она ни подозревала Клайва, последние несколько минут доказали ей, что он тоже не получил ожидаемую им информацию, которая так нужна Эверарду.

Клайв с восхищением смотрел на нее.

— Я просто глаз не могу от тебя отвести, когда ты в таком возбуждении, особенно когда дело касается вопросов бизнеса. Забудь об этом якобы важном поручении Уитни, давай лучше пойдем пообедаем вдвоем в ресторане. Я знаю одно прелестное местечко в Лиссабоне, а потом мы потанцуем. Я же должен вознаградить тебя за все, что тебе пришлось перенести сегодня.

— Нет уж, спасибо, мне не нужны больше твои приглашения, — сказала она ледяным тоном.

— Упрямая девчонка! — вздохнул он. — Что мне надо сделать, чтобы тебя уговорить?

— Ничего! — оборвала она его.

Клайв обошел ее и быстро поцеловал сзади в шею. Разгневанная, она резко повернулась, чтобы дать ему пощечину, но он схватил ее за руки и прижал их у нее за спиной.

— Какая кошка пробежала между нами? — прошептал он. — Я же тебе нравился, не так ли?

— Это было раньше, когда я еще не знала тебя как следует, — ответила она сердито. — Немедленно отпусти меня!

— В свое время, — пробормотал он, еще крепче прижал ее к себе, так что она не могла больше пошевелиться, и стал ее страстно целовать.

Внезапно Клайв ослабил свою хватку, и она покачнулась назад, невольно закрыв ладонью губы, покрытые синяками. И только тут она увидела стоящего в середине комнаты Эверарда Уитни, лицо которого было подобно темной туче.

— Что, черт возьми, здесь происходит? — произнес он, переводя взгляд с Клайва на Дженис.

Клайв уселся на ручку кресла как ни в чем не бывало:

— Совершенно нормальная ситуация. Надеюсь, я не должен спрашивать вашего позволения, если мне хочется поцеловать Дженис?

— Убирайтесь отсюда вон! — произнес угрожающим голосом Эверард.

— Вы теперь не имеете права мне приказывать, Уитни! Я не ваш подчиненный, — огрызнулся Клайв.

— Я здесь живу, и я приказываю вам немедленно убираться, прежде чем я сам вышвырну вас отсюда!

— Мы просто не ожидали, что вы так скоро вернетесь с конференции. Что-то прошло там не по плану? — спокойно спросил Клайв.

Дженис стояла, парализованная от стыда и унижения, глядя на Клайва. Он нарочно так вел разговор, будто она сама пригласила его к себе, воспользовавшись отсутствием Эверарда.

— Так ты уберешься отсюда немедленно или я должен дать тебе пинка?

— Клайв, уходи, пожалуйста, — могла лишь прошептать Дженис.

Клайв поднялся и начал расправлять брюки.

— Хорошо. Так как меня сюда пригласила Дженис, то я уйду только по ее просьбе. До свидания, Уитни. Извините, если я прервал вам заключение большой сделки, но и вы прервали мой тет-а-тет с Дженис, не так ли?

Когда дверь наконец за ним закрылась, в комнате воцарилась тишина и показалось, что

густой туман сомнений и замешательства опустился на них.

Дженис заговорила первой:

— Если вы мне позволите, то я пойду в свою комнату. — Она знала, что выглядит растерзанной, но самое главное — растерзанной была ее душа.

— Вы никуда не уйдете, пока не объясните мне, что происходит, — жестко произнес Эверард, останавливая ее, когда она уже взялась за ручку двери в свою комнату.

— Простите за то, что случилось, — медленно произнесла она, — но я не приглашала Клайва в номер.

— Нет? — недоверчиво спросил он. — Сомневаюсь, что он попал сюда с улицы через балкон. Или вы хотите меня убедить, что он заставил вас пропустить его сюда?

— Нет, я не это имела в виду. Когда снизу позвонил портье и сказал, что он ждет в холле, я разрешила ему подняться. Я думала, что он поможет мне разобраться с кражей моих часов. Может быть, он видел кого-то подозрительного там, на пляже.

Эверард смотрел на нее в упор, и в глазах его она видела только презрение.

— Вы хотите сказать, что провели с ним всю первую половину дня? Хотя ведь я сам отпустил вас и должен был предположить, что вы так и поступите.

— Да нет, все было совсем не так, — торопливо заговорила Дженис. — Клайв и Леона приехали на машине в Каскаис, встретили меня, на пляже мы организовали ленч. Они уехали с пляжа раньше меня, так как спешили на прием в посольство.

— Прием в посольстве? — переспросил он. — О да, припоминаю, что-то там происходило в венесуэльском посольстве. Но я все-таки не понимаю, почему вы вернулись сюда так поздно. У вас полностью отсутствует чувство времени!

И тут она рассказала ему, что произошло с ее деньгами и обратным билетом на поезд, умолчав о пропавшем платье. Он лишь глубоко вздохнул, сдерживая себя из последних сил. Наконец на его лице появилась циничная улыбка.

— Ну и угораздило же меня выбрать такую тупицу! — спокойно сказал он. — Из-за вас компания, видимо, потеряла крайне выгодный контракт, но вы не сумели присмотреть даже за собственными деньгами.

Дженис подняла голову, ей хотелось разрыдаться, но она знала, что слезы не наладят отношений с Эверардом Уитни. Он всегда отбрасывал в сторону, не дослушав до конца, любые объяснения и извинения, как будто это просто комки грязи.

— Я заслужила все слова, которыми вы меня называли, — спокойно произнесла она. — Я была беззаботна и инфантильна. В мои-то годы должно быть больше ума. Но больше всего я каюсь за то, что упустила разговор с Лондоном.

— Хм-м-м... Ну и как же вы все-таки добрались до гостиницы? — спросил Уитни, облокачиваясь на балконную балюстраду. — Вы же не могли прийти пешком до Лиссабона?

— Я приехала на такси. Попросила водителя подождать, пока ему не заплатят.

— И вам не пришло в голову добраться до нашего нового отеля в Эсториле? Оттуда вы могли позвонить в нашу гостиницу, и телефонный звонок из Лондона перевели бы туда.

— Мне такое и в голову не пришло, — призналась она. — Но у меня не было и одного эскудо, даже на простой телефонный звонок.

Она не могла ему признаться, что думала о таком варианте, но представить себя поднимающейся по лестнице в бикини, под взглядами целой толпы мужчин — служащих гостиницы, было невозможно.

— Вам не деньги нужны Дженис, а просто здравый смысл. Так что же мне теперь с

вами делать?

— Отошлите меня обратно в Англию при первой же возможности.

Он быстро взглянул на нее:

— И оставить здесь Диксона? Вы же знаете, что он еще пробудет здесь некоторое время, пока Карвалью смогут его терпеть.

— Меня совершенно не волнует, останется ли он здесь или отправится в Лондон.

Эверард сложил пальцы обеих рук вместе и задумался. На нем был слегка помятый пиджак, галстук переехал в сторону и волосы разлохматились, как от ветра. Дженис так хотелось встать перед ним на колени и умолять о прощении за то, что она его так подвела.

— Так что же, это было такое страстное прощание, которое я прервал?

— Ничего подобного! — горячо сказала она. — Я требовала, чтобы он уходил немедленно!

— После того как вы сами пригласили его наверх? — Эверард не верил ей. — Вы знаете настоящую причину его визита?

— Перехватить нужные вам данные?

— Он явно на это рассчитывал. Хотел сам схватить трубку и ответить на звонок или заставить вас показать данные.

— Я бы никогда этого не сделала! — запротестовала она.

Он пристально посмотрел на нее, потом поднялся, поправил галстук, пригладил волосы.

— Мне придется идти на банкет в отель «Авенида», а вам лучше остаться здесь, на случай если вновь позвонят из Лондона. Обед вам пришлют в номер, и вы сможете спокойно упаковать свои вещи, пока меня здесь не будет.

Итак, он с позором ее выгоняет!

— Позвоните в компанию и закажите билет на любой рейс, отправляющийся в Лондон после полудня.

Ей не оставляли времени подумать о совершенных ошибках. Надо было собирать чемоданы с документами и папками, согласно его приказанию.

— Завтра я их завезу Карвалью по пути в аэропорт.

— По пути в аэропорт? — прозвучала она эхом, уверенная, что просто неправильно его поняла.

— Да. Я улетаю завтра в Лондон. Будет лучше, если я поработаю с этими данными прямо на месте.

— А мне ждать вас здесь, пока вы не вернетесь?

Его серые глаза были холодны и смотрели на нее почти с угрозой, хотя где-то в глубине можно было увидеть бесовские искорки.

— Вы поедете в поместье. Я же обещал вам неделю отдыха, вот и воспользуйтесь этим шансом. Я хотел отправить вас после окончания конференции, но можете ехать прямо завтра.

— Но семье Карвалью может не понравиться, что я приеду неожиданно, без предупреждения.

— Неожиданной вы не будете. Мануэл будет счастлив сопровождать вас повсюду.

— Теперь понятно. Мы освобождаем этот номер с завтрашнего дня? — поинтересовалась она.

— Именно так. Я вам позвоню в поместье, как только я вернусь обратно в Лиссабон.

— Спасибо за отпуск. — Ее голос дрожал от подавляемых чувств. Она понимала, что

совсем не заслужила этот отдых, если только у Эверарда не было веских причин задержать ее в Лиссабоне.

— Все, я отправляюсь в «Авениду». — Он взглянул на часы. — Вам надо заявить о пропаже часов, денег и всего остального в британское посольство, иначе вам не выплатят страховку.

Она смотрела ему вслед, когда он направился к двери, в последний момент он обернулся и улыбнулся ей:

— Получайте удовольствие, Дженис. И вполне возможно, что вы там встретитесь с Диксоном. Прощайте!

Дженис, не двигаясь, продолжала стоять в середине комнаты не в силах осознать всего, что случилось с ней за этот день. Она не видела закрывшуюся за Эверардом дверь, а только его насмешливую улыбку, когда он говорил о Клайве.

Она не могла понять линию поведения Эверарда — его явно внезапное решение летать в Англию, то, что он дал ей отпуск и послал в одно из поместий. Но она чувствовала, что между ней и этим непредсказуемым человеком воздвигнут барьер. Она вспомнила, как в одну из своих прогулок по Лиссабону она увидела Дом острых камней, фасад которого был выложен из камней в форме пирамид. Именно такой колючий занавес появился всего за один день между ней и Эверардом.

Когда на следующее утро Мануэл приехал за ней в гостиницу, Дженис попросила его заехать в британское посольство.

— Конечно заедем. Какие-то неприятности с вашими документами?

Она рассказала ему о пропаже часов и денег и о том, что Эверард посоветовал ей как можно быстрее заявить о пропаже, иначе страховая компания может не признать факта кражи часов. Пока они ехали по городу, Дженис удивилась, что Мануэл был необычно молчалив.

— Вон там маленький парк, в котором я еще не была. Наверное, это Эстрела-Гарденс? — попыталась разговорить его Дженис.

Мануэл только кивнул. Дженис подумала, что, может быть, из-за ее неожиданного приезда ему пришлось отложить собственные важные дела. Другое объяснение просто не приходило ей в голову.

— Я надеюсь, что мой визит не принесет вам неудобств. У меня действительно не было выбора, когда Эверард предложил...

— О, даже не думайте об этом, — быстро произнес Мануэл. — Я очень рад, что везу вас в самое красивое из наших поместий-виноградников. Я просто огорчен, что теперь вы подумаете, что все португальцы нечестные люди и готовы украсть при каждом удобном случае.

— Да что вы! Я совсем так не думаю, — успокоила она его. — Я могла легко все потерять и на пляже в Англии. Я сама во всем виновата, надо быть более внимательной.

Мануэл с благодарностью ей улыбнулся, и она поняла, что настроение у него улучшилось.

Визит в посольство не занял много времени. Но когда Дженис заполнила все длинные формы и анкеты, а потом ей печатали декларацию, у нее было время посмотреть в окно на посольский сад. Он был действительно красив, и, безусловно, устраиваемые в нем приемы так же хороши, как и в венесуэльском посольстве. И Леона, и Сельма появлялись на них в окружении своих обожателей — Эверарда и других мужчин. Внезапно она почувствовала укол ревности при мысли, что Сельма и Эверард пойдут по этой красивой зеленой лужайке, и еще один англичанин войдет в семейство Карвалью.

Когда они вновь выехали на дорогу, Дженис заметила, что он ведет машину на север, в глубь страны, а не к побережью.

— Где же ваше поместье? Я думала, что оно расположено недалеко от виллы Гуинчо.

— Оно в Коларес, где производятся очень хорошие вина. Основное наше поместье находится недалеко от Дуро.

— Дуро? Но это ведь очень далеко на север?

Мануэл только улыбнулся и передал ей карту.

— Господи! Это же почти на другом конце страны!

— Вы забыли, что Португалия совсем небольшая страна. Я надеюсь, что мы прибудем туда еще до того, как стемнеет. Я должен успеть, иначе семья не получит наших сигналов.

Что он имел в виду под «сигналами», она не поняла, но было очевидно, что они слишком много времени потратили на посещение посольства.

Он остановился у гостиницы «Сантарем», чтобы перекусить, и извинился, что не может

показать ей город.

— В следующий раз мы остановимся здесь на полдня, и я покажу вам этот интересный город.

По мере продвижения на север местность становилась все более гористой. И далеко впереди с правой стороны от дороги стали видны голые вершины, за ними было Испанское плато. Дорога иногда шла через долины, окаймленные террасами виноградников.

— Другой город, который вам обязательно надо посетить, — это город Порто, но не сегодня, конечно, — сказал Мануэл.

И только когда машина стала подниматься вверх по крутой дороге, Дженис поняла, что имел в виду Мануэл под «сигналами», он не переставая сигналил, хотя на дороге машин не было.

— Сейчас мы повернем, и перед вами раскинется наше поместье, — наконец произнес Мануэл. Он показал ей на долину, в которой у подножия холма Дженис увидела домик, напоминающий кукольный.

— Возьмите бинокль и посмотрите, отвечают они нам или нет.

Дженис стала разглядывать беленький домик далеко внизу и деревья и кусты вокруг него.

— Они нам отвечают?

— Я вижу только белые полотнища в окне. И больше ничего.

— Вы просто не понимаете, — засмеялся он. — Продолжайте наблюдать. Сейчас вы увидите, как из каждого окна они начнут махать полотенцами, простынями и скатертями. Может быть, и рубашками. Это и будет ответ. Они нас ждут, и это означает «Добро пожаловать!».

Мануэл перестал подавать сигналы, их уже, конечно, услышали, и из каждого окна махали белыми полотнищами.

Мануэл спустился на самое дно долины, пересек по узкому мостику небольшую речку и снова стал подниматься по дороге вверх. Вскоре он остановил машину у обочины, где их уже ожидали несколько женщин и крепкого сложения парень.

— Дальше пойдем пешком, даже для меня это слишком крутая дорога, чтобы вести машину. Но придет время, и мы построим здесь новую дорогу, так, чтобы подъезжать к самому порогу нашего дома.

Дженис удивлялась, как здесь могли проезжать телеги. Мануэл вел ее за руку, помогая перескакивать через ямы. За ними шла небольшая процессия слуг, которые несли чемоданы и корзины на головах, прекрасно балансируя, как будто это были просто короны.

— Португальские женщины носят на головах такие тяжести без всяких усилий, — сказала Дженис. — Однажды в гостинице я попробовала сделать подобное с небольшой сумкой, но сразу чуть не уронила ее через балконную балюстраду на мостовую.

— Но вам не положено делать подобные вещи. Для этого у нас есть люди, они всегда делают это для нас.

Она только вздохнула, принимая образ жизни семьи Карвалью, когда их богатство давало им возможность использовать людей почти на феодальном уровне. Казавшийся сверху кукольным, ближе дом оказался длинным белым зданием с большими крытыми тенистыми террасами, с западной стороны лестница вела к центральному входу. Внутри их ждало оживление, объятия и бесконечные приветствия многочисленных членов семьи Карвалью, которых Дженис до сих пор пока не встречала. Кругом сновали служанки,

приготавливая комнаты, перенося багаж и раздавая освежающие напитки. По комнатам бегали маленькие дети и собаки. Дженис с удовольствием вошла в отведенную ей комнату. Она замерла у окна, очарованная простиравшимся перед ней пейзажем. Холмы, проходящие через долину, стали красного цвета в лучах заходящего солнца и тянулись, как пурпурные размытые пятна, до самого горизонта, пока сумерки не поглощали и горы, и небо.

Даже здесь был слышан шум разговоров на кухне и что-то похожее на звуки, издаваемые индейками и утками.

Это и была «музыка Дуро», как предупреждал ее Эверард.

И снова ее мысли вернулись к нему: как он долетел до Англии, все ли прошло спокойно и когда он сможет вернуться в Португалию. Ну а что потом? Этот предоставленный им отпуск, означал ли он конец ее деловой поездки, которая прошла со столь значительными для нее неприятностями? Может быть, теперь он привезет с собой из Англии новую секретаршу, чтобы заменить ее? Кого-то, кто не будет вести себя настолько глупо, чтобы влюбиться в своего босса?

Было бесполезно сейчас размышлять над всем этим, лучше уж насладиться гостеприимством этой богатой семьи и этим небольшим отпуском.

Во время обеда оказалось, что Мануэл единственный знакомый ей член семьи Карвалью, хотя кругом было несколько десятков родственников, и ее представили столь многим, что это привело ее в полное замешательство. Запомнить и отличить их можно было только по одежде. Похоже, сюда для сбора винограда и приготовления вина собралась вся родня.

— Завтра, — пообещал ей Мануэл, — я отвезу вас к огромному навесу, где мы начинаем давить виноград. Многие из виноградарей отвозят свой урожай на механизированные предприятия, но мы продолжаем делать вино по старинке, режем, давим по старой традиции ногами.

— И сколько времени это занимает? — спросила Дженис.

— Намного дольше, чем вы предполагаете. Виноград холодный, твердый, его ягоды на ощупь похожи на маленькие камешки. Они выскользывают из-под ног, не желая отдавать свой сок.

— И вы тоже этим занимались?

— Конечно, когда был мальчишкой. Дети старались помогать взрослым, но быстро поняли, что это работа для мужчин.

На следующий день Мануэл привез ее к тому месту, где под навесом был расположен огромный серый гранитный чан, в котором пятеро мужчин, держась за руки, босыми ногами ритмично двигались по морю винограда, уходя в него по колено. Старик играл старинные мелодии на своей концертине, а несколько стоящих рядом любопытных громко ему подпевали, но те, кто «резал», то есть давил, ягоды, делали это молча, сохраняя дыхание и энергию. В перерывах бригадир давал им выпить крепкого бренди, чтобы поддержать энергию.

Воздух был тяжелым, наполненным парами бренди и запахом начавшего бродить винограда, и Дженис поняла, что можно легко опьянеть просто от запаха вина, которое медленно начинало наполнять чан.

— Их бригадир должен выбрать точный момент, когда нужно остановить процесс ферментации. В этом чане мы делаем портвейн, поэтому большое количество бренди нужно доливать, чтобы получилось хорошее вино, — объяснял Мануэл.

Потом он отвел Дженис к другому навесу, где весь виноград был уже раздавлен и виноградный сок начал бродить и покрываться пузырями. Мануэл стал ей рассказывать, чем портвейн отличается от других вин. В других светлых видах столовых вин сахар ферментирует процесс немедленно, а в таком вине, как портвейн, этот процесс останавливается, так как добавляется бренди. Позже он повел Дженис на террасы, к виноградникам. Женщины собирали виноград на огромные деревянные подносы, которые они переносили на головах в амбары около фермы.

— Весной и ранним летом все долины покрыты цветущей мимозой, это похоже на море взбитой горчицы. Нам не нужны цветы, но мы используем их стебли для подвязывания лоз, так, чтобы тяжелые грозди винограда не касались земли, — объяснял Мануэл.

— Наверное, весной здесь просто настоящий рай. — Дженис сразу представила себе поля цветущей мимозы, цветущие лимонные и апельсиновые деревья в ясном, чистом весеннем воздухе на фоне ярко-голубого неба.

— Но может быть, вы все это увидите сами. Каковы дальнейшие планы Эверарда? Он хочет остаться в Португалии на всю зиму и следить за строительством гостиниц?

— Не имею ни малейшего понятия, но очень сомневаюсь, что он задержится здесь надолго.

— Эверард — типичный англичанин, раб своего дела. Он полностью выдохнется от такого ритма работы уже к сорока пяти годам и так ничего и не увидит, кроме салонов самолетов, комнат в гостиницах каждой столицы мира и вечных залов заседаний. Он совершенно не умеет расслабляться, а ведь это так необходимо делать время от времени.

Дженис только пожала плечами, ничего ему не ответив. Она помнила те редкие случаи, когда Эверард действительно казался расслабленным: тот день на пляже в Каскаисе, когда она впервые надела шляпу с полями, которую он заставил ее купить; вечер на ярмарке, когда он так радовался выигранным призам. Конечно, он умел расслабляться, отбрасывая в сторону маску делового человека.

Когда она с Мануэлом вернулась домой после полудня, Леона уже приехала, и сразу атмосфера в доме изменилась. Дженис почувствовала это немедленно. Ее присутствие вызывало у всех легкое раздражение, создавало напряжение и интенсивный огонь жизненной энергии, грозивший поглотить все, что попадет на его пути. По крайней мере, именно такой эффект она производила на Дженис, которая теперь с удовольствием проводила весь день в компании Мануэла. Его легкий характер, ничего не требовавший взамен, мягкие, уважительные манеры успокаивали ее после всех потрясений и эмоциональных взрывов последних дней в Лиссабоне. Она была несказанно рада, что Клайв не приехал в поместье. Но вскоре Леона положила конец этим надеждам и подтвердила, что он обязательно приедет до того, как Дженис вернется в Лиссабон.

Но сначала девушкам надо было выяснить отношения.

Леона неожиданно пришла в комнату Дженис под предлогом, что ей, как хозяйке, нужно удостовериться в том, что гостя всем довольна.

— Я зашла, чтобы вернуть твои вещи, которые остались в моей машине, после того как мы уехали с пляжа. Извини, Дженис, я не поняла сразу...

— Чего ты не поняла? Когда ты стала одеваться в машине, то должна была увидеть, что там лежат мои вещи.

— Да нет, — пожала плечами Леона, — в том-то и дело, что я не одевалась в машине. Я просто накинула на плечи полотенце и так и вела машину до дома.

Дженис промолчала. Конечно, при темпераменте этой девчонки, да еще в жаре, она вполне могла так поступить.

— Прости меня, пожалуйста, я совсем не хотела тебя обидеть, — сладким голоском проворковала Леона.

И только простодушная Дженис собралась улыбнуться ей в ответ, как раздался серебристый смех Леоны.

— Наверное, это было настоящее приключение — шествовать в бикини вдоль дороги. — И она снова захихикала.

— Совсем не смешно, — рассердилась Дженис. — Если бы то же самое случилось с тобой в Англии, тебе не было бы так уж смешно. Особенно если бы тебя оставили без денег и обратного билета.

— О да, Клайв мне рассказал об этом. Я обыскала всю машину, но там не было твоего кошелька. Скорее всего, ты выронила его на песке. — Говоря это, она упорно избегала взгляда Дженис, чтобы не увидеть в ее глазах прямое обвинение. — Это просто несчастный случай, но ты ведь, конечно, застрахована?

— К счастью, да, — пробормотала Дженис, которую раздражало, что все считали, будто неприятности должны закончиться, если ей будет выплачена страховка.

Они помолчали. Потом Леона сказала, что на следующий день приезжает Клайв.

— В самом деле? — произнесла Дженис безразличным тоном.

— Пожалуйста, оставайся с Мануэлом, он совершенно безопасен для тебя. Просто как брат. — И ее темные глаза заискрились от смеха.

— Что ты имеешь в виду? Хочешь избавиться от его присутствия?

— Совершенно верно, — кивнула Леона. — Здесь, в имении, нам предоставляется гораздо больше свободы, чем в Лиссабоне. Поэтому нам с Клайвом не надо прятаться, и мы можем отправиться на целый день куда захотим. Я покажу ему наши владения. Но, пожалуйста, не устраивай больше компании на четверых.

Дженис только рассмеялась:

— Знаешь, Леона, мне действительно нравится твой прямой подход к любому вопросу. Но иногда мне кажется, что мы никогда не разберемся в наших любовных перипетиях, если будем говорить о них так открыто, как это делаешь ты.

— И каков же твой любовный узел? — спросила Леона.

— В настоящее время его просто нет, — ответила Дженис.

— Значит, все решено? Ты выйдешь замуж за того молодого человека, который ждет тебя в Англии?

— Какой еще молодой человек меня там ждет? — спросила Дженис, совершенно упустив из виду, что Леона уже давно пришла к этому выводу.

— Но ведь ты же сама рассказывала мне, что любишь какого-то парня в Англии. Или ты опять поменяла свое отношение? Ты что, собираешься снова вернуться к Клайву?

— Ты совершенно не должна об этом беспокоиться. Между мной и Клайвом ничего нет. Мы просто давние знакомые. Вот и все.

— Может быть, это даже лучше для тебя — быть подальше от того молодого человека какое-то время, — продолжала настаивать на своем Леона, но Дженис лишь улыбалась ей в ответ.

После того как Леона ушла, Дженис просто отбросила все неприятные мысли о ее поступках и решила простить и больше не вспоминать. Чем реже будет обсуждаться этот

мифический молодой человек — тем лучше. Дженис открыла оставленную Леонией в комнате большую коробку, где находилось ее платье, которое было выстирано и выглажено, рядом с ее старым бельем лежал новый гарнитур: лифчик и трусы, а также новая ночная рубашка приятного бледно-розового цвета, отделанная кружевами. Все было завернуто в красивую бумагу, и под ней лежала записка:

«Тысячу раз прошу прощения. Пожалуйста, прими от меня этот скромный подарок.
Леона».

Конечно, Дженис, не умевшая долго сердиться, была очарована. И решила сразу забыть обо всем происшедшем. Девушка была просто патологически легкомысленна, но не была предумышленно злобной.

Когда на выходные наконец явился Клайв, то оказалось, что планы Леоны полностью захватить его себе было не так уж легко осуществить. Оппозиция, что называется, появилась со всех сторон.

Сеньора Карвалью встретила Клайва очень приветливо и явно считала, что он и Дженис будут рады видеть друг друга, как два земляка в чужой стране.

— Так приятно, что для вас приехал настоящий английский джентльмен, моя дорогая, а то вы бы чувствовали себя чужой среди нас, — прощепетала она.

Да и сам Клайв вел себя не так. При малейшей возможности он уводил Дженис из-под носа у Мануэла и совершенно игнорировал все попытки Леоны утащить его в дальний уголок. Дженис была не только озадачена таким неожиданным поведением, но оно злило ее безмерно, особенно если припомнить их последнюю бурную ссору в гостинице всего два дня назад. Клайву стоило наконец понять, что они могли восстановить, в определенных пределах, только их былую легкую дружбу, которая тоже была окончательно испорчена. Когда ей представился случай сказать ему пару слов, она тут же заявила, что совершенно не желает терпеть его назойливого внимания. Она готова быть лишь вежливой с ним на публике, но они снова станут чужими людьми, как только покинут эти места.

В ответ Клайв как-то лениво улыбнулся и тут же заявил, что находит ее просто прелестной, когда она так сердится. Леона забавна и даже очаровательна, но ей нужно еще многому научиться в отношениях с мужчинами.

— Мне казалось, что ты видел в Леоне прямой путь к женитьбе и вхождению в эту богатую и известную на всю страну семью. Так что твое будущее будет устроено навсегда.

— Кто говорил когда-нибудь о женитьбе? — немедленно возразил он. — Леона не настолько наивна и невинна.

— Значит, ты не намерен на ней жениться? Даже если она не хочет выходить замуж за Мануэла?

— Я вообще не готов к женитьбе, а особенно когда мне ее навязывают. Кроме того, я могу прийти к выводу, что хочу жениться только на тебе. Ты просто должна подождать, пока я сделаю хорошую карьеру.

Дженис с удивлением смотрела на него несколько мгновений, потом вскочила со скамейки, на которой они сидели под эвкалиптовым деревом.

— Не обольщайся, дорогой, я не собираюсь быть рядом с тобой, пока ты будешь встречаться с хороводом красивых девушек. Меня совершенно не интересуется твоя карьера и твое будущее.

Он тут же сделал шаг вперед, схватив ее за запястье:

— Дженис, Леона мне сказала, что у тебя в Англии есть жених. Это кто-то, кого я знаю?

— Не думаю, — ответила Дженис.

Он рывком развернул ее лицом к себе:

— Это твой метод заставить человека ревновать? Ты повторяешь тактику Леоны. Она использовала Мануэла и, возможно, еще нескольких молодых людей тем же методом!

— Как же ты не прав! — раздался голос за спиной Дженис. Мануэл стоял рядом, элегантно одетый в светло-кремовый костюм. — Леона очень увлечена тобой, Клайв. Вот и сейчас она попросила меня пойти и пригласить тебя к ней, она ждет тебя там, на террасе.

Несколько секунд Клайв колебался. На его лице появилась сердитая гримаса, и он со злостью посмотрел на Мануэла.

— Что-то мне не верится, что она знала, где я нахожусь и разговариваю с Дженис, и сама прислала тебя сюда, чтобы нарушить наш разговор.

— Она и не думала об этом, — с насмешкой произнес Мануэл.

Когда Клайв отошел на приличное расстояние, Мануэл мягко рассмеялся.

— Леона действительно прислала вас, чтобы прервать нашу беседу?

— Конечно же нет. Мне просто показалось, что пора вас спасать, и это было лучшее, что мне удалось придумать.

Они оба радостно рассмеялись и сели на ту же скамейку под эвкалиптом.

— Я всегда теряюсь и не знаю, как вести себя с членами вашего семейства. Понадобится сотня лет, чтобы научиться этому.

— Клайву тоже придется потратить много времени, чтобы научиться обращаться с Леонией. При всем его опыте он новичок, когда дело доходит до отношений с моими кузинами. Даже я, который их знает всю свою жизнь, осознаю, что они просто похожи на двух выскальзывающихся из рук угрей.

Дженис от души засмеялась этому сравнению двух элегантных и изысканных сестер Карвалью с угрями.

— Давайте забудем на некоторое время о сестрах и Клайве. — Мануэл внезапно посерьезнел. — Вы не должны тратить свое свободное время на все эти пустые разговоры, а то так ничего и не увидите интересного.

И в течение последующих трех дней Мануэл стал прекрасным гидом для Дженис, свозив ее в Порто, как он и обещал ей в самом начале их знакомства.

— В Англии его называют «Опорто», для нас же здесь оно зовется просто «Порто».

— Англичане часто отрезают слоги в чужой речи или соединяют два слова вместе. Я сама нахожу, что португальское «о», означающее определенный артикль, очень странным и сбивающим с толку. Ты же видишь это каждый день в газетах, например «О спорт» или «О земля». Кажется, что это крик из глубины сердца.

— Английский язык еще хуже, чего стоит только одно правописание, все эти слова, где не произносится сразу четыре буквы, но все пишутся. И все они друг на друга похожи.

— О, благодарю Бога, что рождена англичанкой и выучила правописание еще в детстве.

Как всегда, она чувствовала себя в компании Мануэла счастливой и свободной, и иногда ей так и хотелось спросить его, так же ли ему легко с ней, как и ей после сложностей отношений в многочисленной семье Карвалью. В один день он взял ее на прогулку по изумительно красивой провинции Минхо, ехали они, конечно, на машине. И ее поражало, что во всех деревнях все встречавшиеся на их пути женщины носили яркие национальные

костюмы. На склонах холмов крестьяне собирали созревший урожай маслин, и они из машины могли наблюдать, как группы женщин расстилали широкие полотнища под деревьями, а мужчины залезали на деревья и трясли ветки, сбрасывая маслины вниз, избавляясь от листьев, мелких веточек и прутиков.

— Весной наши долины выглядят совсем по-другому. Здесь часто идут затяжные дожди, точно как в Англии, и все кажется серым или коричневым, ждущим, когда снова появится солнце, — рассказывал Мануэл. — Река Дуро тоже несет совсем не потоки золота, а только потоки грязи с гор. Террасы с виноградниками голые и кажутся мертвыми. Но однажды утром ты видишь, как все оживает, появляются первые бледные листочки на виноградных лозах, в которых отражаются солнечные лучи, небо чистое и такое ярко-голубое, что на него больно смотреть, а глициния, обвивающая целиком потолок над нашей верандой, покрывается цветами, и когда она колышется от порывов ветра, то кажется, что ты находишься на дне моря в голубой пещере. — Мануэл замолчал и смущенно повернулся к Дженис: — Простите меня, я совсем не собирался так долго все это описывать, вам не стало скучно?

— Нет, что вы. Продолжайте, вы так красиво описываете свою страну. Расскажите что-нибудь еще.

И пока они ехали по крутой дороге, проходившей у подножия, он продолжал рассказывать о том, что на берегах реки водятся волки и зимой пастухи разжигают костры, чтобы согреться и отгонять стаи волков. Он рассказывал о том, как любит наблюдать закаты в горах, где краски совершенно непередаваемы по красоте, о распускающихся диких цветах — тюльпанах и маках в горах Сьерры, белом ракичнике, охалках дикой лаванды с лиловыми цветами.

— Мне кажется, что вы только делаете вид, что вы городской житель, — заметила Дженис, когда он замолчал. — Ваше сердце принадлежит этим местам, дикой горной природе. Вы любите наблюдать смену времен года. Почему же вы живете в Лиссабоне?

— Я действительно люблю оба этих мира. Жизнь в столице надо ценить за то, что она дает нам культуру и развлечения, и наша страна достаточно мала, так что мы можем позволить себе приехать на север всего на один день.

— И это все, что вы собираетесь делать в своей жизни? Ездить туда и обратно из Лиссабона в Дуро?

— Кто знает? — криво улыбнулся Мануэл. — Все зависит от того, как будут идти дела в нашем бизнесе. Возможно, все будет зависеть еще в большей степени от моей будущей жены, от того, что она предпочтет.

Выражение его темных глаз заставило Дженис отвернуться. Конечно, это была всего лишь приятная игра, не больше того, но ей совсем не хотелось быть причиной осложнений в этой семье и давать Мануэлу повод для флирта.

Однако Дженис недооценила внутреннюю силу семьи Карвалью, когда ей грозит опасность извне. Мать Леоны, сеньора Жоаким Карвалью, очевидно, решила, что лучше нее никто не сможет разобраться в ситуации. Мать Мануэла, сеньора Эрнесто Карвалью, была португалкой, хотя и очень хорошо говорила по-английски. Сеньора Жоаким Карвалью очень тактично пригласила Дженис в свою личную гостиную сразу, как только они вернулись из поездки домой.

Комната была большой и прохладной. Солнце с трудом пробивалось сквозь узкие жалюзи и обвивавшую стены растительность. Дженис показалось, что она находится под

водой, но сидевшая напротив нее улыбающаяся женщина совсем не напоминала русалку.

— Я надеюсь, вы простите меня, если я спрошу вас прямо, без всяких хитростей, Дженис, — начала сеньора.

— Конечно!

— Можно задать очень личный вопрос?

Дженис только улыбнулась и кивнула.

Сеньора успокоилась.

— Насколько я понимаю, вы были близким другом Клайва Диксона, знали его еще в Англии, когда он работал в той же фирме, что и вы?

— Да. Я была с ним хорошо знакома, но у нас никогда не было «особых отношений», — ответила Дженис.

— А с тех пор как вы снова встретились с ним здесь? — Сеньора крутила красивые кольца на пальцах, стараясь не смотреть на Дженис.

— Сеньора Карвалью, — мягко сказала Дженис, — позвольте мне быть с вами откровенной. Клайв и я никогда не были серьезно увлечены друг другом, поэтому вопроса о нашем обручении и браке просто не существует.

— Понятно. — Помолчав, сеньора продолжала: — Он обладает сильным влиянием на Леону. Конечно, она еще слишком молода, чтобы выражать свое собственное мнение, но она уже объявила, что хочет выйти за него замуж. Конечно, это какой-то абсурд.

— Потому что он англичанин? — наивно спросила Дженис.

— О нет, — улыбнулась сеньора. — Но никто не может позволить дочери выйти замуж за первого же привлекательного англичанина, который встретился ей в жизни. Кроме того, есть Мануэл.

Тут Дженис поняла, что вся эта болтовня о Клайве была лишь прелюдией, чтобы подойти к настоящей причине этой беседы.

— Леона и Мануэл удивительно подходят друг другу. И я буду очень расстроена, если вы меня не так поймете и примете дружбу Мануэла с вами за что-то большее.

— Могу вас успокоить и уверить в том, сеньора, — быстро ответила Дженис, — что я просто получаю удовольствие от дружбы с Мануэлом. Он очаровательный собеседник, он показывает мне вашу красивую страну и так интересно рассказывает. Когда я вернусь в Англию, то буду вспоминать об этом отпуске как о самом счастливом времени.

— Как хорошо, что мы с вами друг друга поняли, — улыбнулась вновь сеньора Карвалью. — Но ведь вас в Англии ждет жених, так сказала мне Леона.

Дженис решила не отрицать наличие жениха, но и не соглашаться. Она и так получила мудро построенное предупреждение, что не должна ни в коем случае разрушать построенные семьей планы двух ветвей Карвалью внутри одной империи. И сейчас всем сердцем она желала ответить, что единственным молодым человеком в Англии, к которому она питает особый интерес, был Эверард. Она бы очень хотела увидеть тот эффект, который подобное заявление произвело бы на сеньору. Ведь она была совершенно готова принять Эверарда в качестве мужа Сельмы в ту же империю Карвалью.

Дженис несколько раз пыталась поговорить в этот вечер с Леоной наедине, но ей это не удавалось. Только поздним вечером она решила зайти к ней в комнату и начать разговор в довольно резком тоне, так как с Леоной можно было вести себя только так.

— Ты сказала матери о своем опасении, что я могу влюбиться в Мануэла?

— Моя мать сама прекрасно все видит и понимает, что происходит перед ее глазами, —

ответила спокойно Леона.

— Ну, в таком случае я только выполняла твое желание. Это ты предложила освободить себя от него, чтобы встречаться с Клайвом.

— Клайв вернулся в Лиссабон еще вчера утром. Он что, с тобой не попрощался?

— Гораздо важнее, попрощался ли он с тобой, не так ли?

Леона промолчала и взяла с туалетного столика коробочку с маникюрным набором.

— Ты моложе меня, — продолжала Дженис, — и я не понимаю, что за игру ты ведешь. Ты вовсе не хочешь выходить замуж за Клайва и прекрасно знаешь, что все равно выйдешь за Мануэла. Зачем тебе создавать все эти трудности для каждого?

— Английские девушки столь наивны, — отвечала Леона. — Здесь нас учат, как дергать за ниточки, сначала за одну, потом за другую. Это одно из удовольствий нашей жизни.

— Может быть, это приятно тебе, но лично я не получила никакой радости от того, что помогала тебе таким образом. Неприятно, что я обидела твою мать, которая, наверное, считает, что как гостя я веду себя некрасиво.

Леона протянула руку и коснулась руки Дженис:

— Нет-нет, ты не должна думать обо мне плохо. Ты мне больше нравишься, когда споришь со мной. Ты становишься интересной личностью. Может быть, ты более опасна для Сельмы, чем для меня.

— Что ты имеешь в виду? — быстро спросила Дженис, прекрасно понимая, что она является одной из сторон треугольника: она, Эверард и Сельма, хотя остальные двое об этом даже не подозревали.

— Да ничего. Мы же друзья, не так ли?

И прежде чем Дженис успела ответить, она вскочила и произнесла:

— Завтра мы уедем на прогулку одни и оставим Мануэла дома. Это убедит мою маму.

— Хорошо, — согласилась Дженис, понимая, что было бы крайне неприлично уезжать еще на одну экскурсию с ним вдвоем.

— Только никому об этом не говори. Мы уедем рано, часов в восемь. Позавтракай в своей комнате, а потом спускайся к воротам, тем, что в конце дороги, где обычно слуги забирают багаж.

— Ладно, я знаю, где это.

— Если тебя кто-то увидит, скажи, что просто совершаешь утреннюю прогулку. Моя машина будет уже наготове.

И только когда Дженис вернулась к себе в комнату, она вспомнила, каким сумасшедшим водителем является Леона. Может быть, она избрала оригинальный способ, чтобы избавиться от такого неприятного препятствия в своей жизни, как Дженис, — перевернуть машину в ближайший овраг?

Но на следующий день Дженис была приятно удивлена, когда Леона осторожно повела машину по узким горным дорогам с постоянными неожиданными поворотами и переходящими дорогу горными козлами. Леона предложила посетить старый Вила-Реал, где, по ее словам, были самые красивые старинные дома во всей Португалии. Дженис соглашалась с каждым ее предложением, полагая, что к концу ее пребывания в поместье Леона решила больше не раздражаться, тем более теперь, когда Клайв уехал.

Они поели на небольшом постоялом дворе, что строились в отдаленных местах, порой даже в горах, где для путешественника было так мало удобств. Позже, высоко в горах, Леона остановила машину в том месте, где ствол упавшей ели ограждал край отвесной скалы,

который спускался на сотни метров вниз прямо к долине реки. Дженис стояла на самом краю обрыва вместе с Леонией.

— Я люблю стоять на такой высоте, — заявила она. Ветер трепал ее длинные темные волосы. — А ты?

— Нет, у меня начинает кружиться голова, — сказала неправду Дженис. Она никогда не боялась высоты, но сейчас не могла доверять Леоне. Смутное недоверие все время присутствовало в их отношениях, а сегодня Леона вела себя слишком уж хорошо, чтобы это могло быть правдой.

Вернувшись в машину, Дженис спросила ее, где они находятся. Леона ответила, что они недалеко от маленького городка Миранделла.

Дженис сразу нашла его на карте и поняла, что Миранделла расположен очень далеко от поместья Карвалью. Уже смеркалось. Неужели Леона собиралась ехать по этим горным дорогам в темноте? К счастью, она поняла, что Миранделла находится на основной дороге, но все равно закрывала глаза, когда видела в свете фар, как близко машина идет к краю неогороженной дороги. Вдали появились огни, но дорога поворачивала и меняла направление так часто, что прошло немало времени, прежде чем они въехали не в городок, а в большую деревню с разбросанными вокруг домами.

— Не имеет значения, — легко произнесла Леона. — Миранделла чуть дальше, но сейчас уже темно, и мы все равно там ничего не увидим.

— Может быть, будет лучше вернуться домой?

Но Леона продолжала медленно вести машину вперед, стараясь найти место, где бы они смогли поехать и отдохнуть. Потом уже, по ее словам, они повернут обратно.

Дженис предпочла бы не обращать внимания на свой голод и вернуться сразу, но Леона настаивала, что где-то тут рядом есть небольшая дорожная гостиница и таверна, где они смогут поесть что-то простое, но вкусное. Через несколько мгновений она остановилась перед плохо освещенным домом. Оставив Дженис в машине, она вышла и быстро вернулась, пригласив Дженис пройти за ней.

— Здесь нас накормят по-крестьянски, но очень вкусно.

Девушек провели в небольшую комнату, из которой, похоже, предварительно попросили уйти других посетителей. Пожилая женщина протерла стол, на котором было пролито вино предыдущими посетителями, потом она положила чистую скатерть, ножи и вилки. Леона поговорила с ней на португальском, произнося все фразы очень быстро и с таким акцентом, что Дженис не смогла понять ни слова.

— Она сказала, что у них есть очень вкусный суп из капусты, потом ветчина и разная холодная мясная закуска. Она принесет нам немного вина.

— Разве твоя мама не будет волноваться, мы отсутствуем целый день?

— Нет. Она прекрасно знает, что, когда я нахожусь здесь в поместье, мне предоставляется гораздо больше свободы, чем в Лиссабоне.

Ответ показался Дженис странным, нелогичным, но было совершенно бесполезно стараться уличить Леону во лжи. Она пила искрящееся розовое вино, наслаждалась прекрасным супом, холодным мясом, после которого подали деликатесные сыры.

— Вкусный сыр? — спросила Леона. — Он называется «серра», его делают дальше на севере в местечке Серра-да-Эстела.

Дженис была очень голодна, но вино и прекрасная пища влили в нее новые силы.

— Мы двинемся в путь через несколько минут, но вначале ты должна попробовать это

особое бренди.

Дженис чуть им не подавилась, настолько оно оказалось крепким, будто чистый спирт.

— Оно такое крепкое!

— Ерунда! — воскликнула Леона. — Оно покажется тебе много приятнее после второго глотка. Попробуй еще.

— Хорошо, что мне не надо вести машину, — пробормотала Дженис, надеясь, что Леона не будет пить.

Внезапно она почувствовала, что стены комнаты начали кружиться все быстрее и быстрее. Дженис попыталась встать, но ноги ее не держали, и она стала оседать обратно.

— Леона! Я думаю... — пробормотала она, и тут же лицо Леоны закружилось перед ее глазами. Она погрузилась в темноту, и сознание Дженис полностью отключилось.

Дженис открыла глаза и посмотрела на темный потолок. Она попыталась оторвать голову от подушки и тут же почувствовала такую боль, как будто ее ударили молотком между глаз. Очень осторожно она села и смогла осмотреться вокруг. Она явно находилась в кухне, у стены стояла большая чугунная плита. Она поняла, что лежала на простой деревянной скамейке, под голову ей подложили небольшую подушку, прикрыв тяжелой шалью. Несколько минут она сидела неподвижно, зажав голову ладонями и стараясь припомнить, что же с ней произошло. Постепенно в голове стало проясняться. Она вспомнила, как они с Леоной зашли в придорожную гостиницу в маленькой деревушке. Очевидно, они здесь переночевали.

— Леона! — громко позвала она, и тут же в комнату вошла женщина.

Она посмотрела недоброжелательно на девушку и покачала головой, быстро заговорив по-португальски, но так быстро, что Дженис смогла разобрать лишь каждое десятое слово.

— Где моя подруга? — спросила она, вставая, но тут же села обратно. Ноги ее не держали. — Что произошло? Я заболела? — спросила она медленно по-португальски.

И тут впервые женщина улыбнулась и показала, как пьют прямо из горлышка.

— Понятно. Я слишком много выпила. А где моя приятельница Леона Карвалью? — И Дженис, сделав над собой усилие, все-таки поднялась со скамейки.

Тут на лице женщины появилось выражение ужаса.

— Карвалью? — как эхо повторила она, потом поднесла ладони ко рту и быстро выскочила из комнаты.

— Ну а теперь что с ней произошло? — пробормотала Дженис, теряя терпение.

Держась одной рукой за стол, а другой за стул, она добралась до двери. «Леона должна быть где-то рядом», — подумала она. Дженис прошла по темному коридору и вышла во двор. Яркое светило солнце, и она невольно прикрыла глаза от резкой боли, тут же перейдя в тень. Ей необходимо было умыться и выпить холодной воды, чтобы смочить пересохшее горло. Во дворе женщина что-то быстро говорила, жестикулируя, высокому темнокожему мужчине. Как только она увидела Дженис, то вскрикнула и исчезла в дверях сарая. Мужчина направился к Дженис с дружеской улыбкой:

— Добрый день, сеньорита!

Он внимательно выслушал ее вопросы, которые она повторила несколько раз подряд, потом медленно постарался ей объяснить, что Леона уехала на машине сразу после ужина, сказав, что ее подруга слишком больна, чтобы везти ее по трудным дорогам, поэтому она проведет ночь у них, а Леона вернется за ней утром.

Дженис медленно переваривала полученную информацию, кивая, давая тем самым ему понять, что ей все ясно.

— Отчего же я заболела?

— Наше бренди оказалось для вас слишком крепким, — с сочувствием произнес мужчина. — Мы к нему привыкли.

Тут-то она припомнила огненный спирт, который, казалось, взорвался в ее голове. Она попросила принести ей стакан минеральной воды, выпив ее и вымыв лицо из стоящей в углу двора кадучки, она пришла в себя. Ее охватил гнев. Итак, Леона опять ее провела! Теперь она находится за много километров от поместья и не имеет ни малейшего представления,

как туда вернуться. К счастью, на этот раз ее вещи не исчезли, она была одета, но где опять ее сумочка и деньги?

Она спросила об этом мужчину, и он тут же принес все из небольшой кладовки.

— Я спрятал это.

По крайней мере, у нее есть деньги, чтобы добраться до поместья.

Она стала припоминать название города, куда стремилась поехать Леона. Миранделла!

— Миранделла? — удивленно спросил хозяин. — Это за много километров отсюда, там, за горами.

— Тогда где же находится поместье Карвалью?

— Всего в трех километрах отсюда, — подумав немного, ответил хозяин.

— Три километра? Но ведь это совсем рядом?

Он вывел ее на улицу и показал на дорогу, которая вела прямо в поместье, предупредив, что она очень неровная.

Дженис протянула ему несколько эскудо, поблагодарила за доброту и отправилась в путь.

— А ваша подруга? — крикнул он ей вслед.

— Все в порядке, — ответила Дженис, ясно теперь понимая, как ее «подруга» будет называть ее, когда она вернется. Она запомнила выражение ужаса в глазах этой пожилой женщины при упоминании имени Карвалью. Она и сейчас наблюдала за Дженис из боковой двери дома.

С трудом шагая по неровным камням дороги, Дженис была так зла, как никогда еще прежде. Значит, Леона только делала вид, что они находятся далеко от дома и должны зайти поесть. Конечно, ее сбило с ног это крепкое вино, возможно, она добавила в него наркотик, потом еще более крепкое бренди. Леона оставила ее там на целую ночь. Возможно, именно поэтому женщина в таверне так испугалась, когда услышала имя Карвалью. Вне всякого сомнения, Леона дала ей взятку, чтобы та не говорила, где расположена эта таверна.

Но какую легенду она рассказала, вернувшись домой одна? Могло так случиться, что никто там так и не заметил, что гостя пропала? Вполне вероятно, что члены этого многочисленного семейства и их друзья приходят и уходят и никто этого не замечает.

Дорога была выложена неровными камнями, как ее и предупреждали, и, пройдя мило, Дженис присела отдохнуть. Этим утром солнце прикрыли облака, и так как у нее не было часов, судя лишь по тому, что воздух был прохладным, она решила, что пока еще довольно рано.

Она снова задумалась, зачем было нужно Леоне проделывать такую глупую шутку. Что ей это давало? Леона хотела быть фантомом для Дженис. Но зачем вести себя так странно во второй раз, после столь болезненного для Дженис опыта, когда она и так пострадала из-за забывчивости и невнимательности Леоны. Хотя, может быть, все было подстроено и в первый раз, точно так же как и сейчас?

Дженис шла вперед еще минут тридцать, пока наконец не увидела впереди белый домик, на боковой стене которого большими буквами было написано: «Поместье Карвалью».

Когда она приблизилась к воротам, то увидела бегущего к ней по дороге Мануэла. Он бросился к ней и буквально схватил в объятия:

— Дженис! Что с вами случилось?

— Ничего особенного, — улыбнулась она.

— Но мы так за вас волновались!

— Полагаю, бесполезно уверять вас, что я лишь отправилась на раннюю утреннюю прогулку?

— Вчера я очень поздно вернулся домой и, естественно, только сегодня утром узнал от служанки, что вы не ночевали дома.

— Что по этому поводу сказала Леона?

— Леона? Она была с вами вчера?

— Конечно. Мы с ней поехали на ее машине, она хотела мне показать красивый городок.

— Ну, это мы еще обсудим позже. Давайте я помогу вам дойти до дома.

Было бы смешно надеяться, что никто не заметит ее возвращения домой, но в данный момент она не нуждалась в помощи Мануэла. Он тут же громко крикнул, и прибежало несколько служанок, чтобы помочь Дженис, хотя теперь она была уже способна сама дойти до своей комнаты.

Несколько родственников Карвалью приветствовали ее довольно сухо, другие с некоторым удивлением, не понимая, почему она появилась так рано и в таком неопрятном виде, с растрепанными волосами. Тут же навстречу ей вышла Сельма Карвалью, на лице ее застыла холодная улыбка.

— Мы уже подумали, что вы покинули наш скромный дом, чтобы вернуться обратно в Лиссабон, — сказала она спокойно, но с кислой ноткой в голосе.

— Где Леона? — спросила Дженис, собираясь на этот раз первой напасть на нее.

— Леона? Она где-то там, в доме. Может быть, она уехала. Я просто не знаю.

— Но она, конечно, вам объяснила, что... — начала Дженис.

— Пожалуйста, простите меня, — очень мягко, но настойчиво ответила Сельма, — я должна срочно кое-что сделать для своей матери, вы позже расскажете мне о своем приключении.

И с этими словами она поспешила выйти в коридор, оставив Дженис стоять у подножия лестницы. Дженис решила, что лучше встретиться позже с членами этой непонятной семьи, после того как она примет душ и переодеется. Она попросила служанку принести ей крепкого черного кофе и через полчаса, теперь уже полностью проснувшись, приведя себя в порядок, наложив на лицо свежую косметику, направилась на встречу с сеньорой Карвалью. Но та была занята в доме, обсуждая с кухаркой меню ужина для вновь прибывающих родственников и гостей. Дженис провели в ее личную гостиную, там было прохладно и красиво. Комната была выдержана в зеленовато-золотых тонах.

— Я пришла к вам, чтобы принести свои глубокие извинения, — начала Дженис, садясь в кресло.

— Почему, Дженис?

Девушка посмотрела ей в глаза и поняла, что та совершенно не взволнована происшедшим. Могло ли такое произойти, что английская дама осталась совершенно равнодушна к случившемуся?

— За то, что вчера не приехала ночевать домой, но вы же понимаете, что это произошло не по моей вине.

— Ну конечно нет, — улыбнулась сеньора.

— Леона, — начала Дженис, стараясь осторожно подбирать слова, — Леона и я вместе уехали из дому на прогулку, мы намеревались вернуться домой к обеду, но уже стемнело, и мы...

— Вы хотите сказать, что Леона была с вами?

— Ну конечно. Она ведь вела машину. Мы приехали в городок под названием Вила-Реал и...

— Боюсь, я чего-то не понимаю. Леона сказала мне, что была вчера весь день дома.

Дженис стало противно. Конечно, Леона первая рассказала ей о том, как провела вчерашний день, сняв с себя всякое подобие вины.

Сеньора Карвалью позвонила в колокольчик и попросила появившуюся служанку немедленно пригласить в комнату Леону. В комнате наступила тишина, пока вернувшаяся служанка сообщила, что сеньориты нет дома.

Сеньора Карвалью поднялась и очень вежливо сказала, что ей надо принять других прибывших гостей, и Дженис должна выбросить из головы вчерашний инцидент. Дженис поняла, что плохо сориентировалась и неправильно выбрала время. Надо было вести разговор только в присутствии Леоны. Но в конце концов даже присутствие Леоны не помогло Дженис. В поместье ленч считался неофициальной процедурой и проходил или в доме, или во внутреннем дворике, в любом месте, где собиралось два-три человека и куда служанки подносили салаты, горячие блюда, большие кувшины с вином, сыры или сладкие пироги, в зависимости от настроения присутствующих. А вот вечерняя еда, обед, был более формальным мероприятием, к которому все переодевались. Это давало возможность Дженис больше не чувствовать себя опозоренной в глазах клана Карвалью, когда она села вместе со всеми за большой овальный стол в огромной столовой, стены которой были обшиты темными панелями.

Леона села между Мануэлом и одним из своих многочисленных дядюшек и выглядела великолепно. Дженис попала между двумя престарелыми тетюшками и чувствовала, что даже Мануэл временно покинул ее.

После окончания торжественного обеда Дженис хотела ускользнуть и остаться наконец одной, но к ней подошла служанка и сказала, что сеньора Карвалью желает ее видеть. На этот раз Леона уже находилась в комнате матери, и Дженис была уверена, что настоящая правда так и не будет произнесена.

— Дженис, мне кажется, ты плохо себя чувствуешь, — сразу обратилась к ней Леона с такой неожиданной фразой.

— Сейчас со мной все в полном порядке, — ответила Дженис.

— Но тогда почему ты сказала моей маме, что вчера мы вместе были в Вила-Реал?

— Потому что это правда. Может быть, это ты страдаешь потерей памяти?

Возможно, что эти импульсивные слова были ошибкой в данной ситуации.

— Вчера я даже не приближалась к Вила-Реал. Может быть, тебя отвез туда кто-то другой, если ты там была.

— Но мы вместе с тобой ели наш ленч в таверне, а потом ты повезла меня по горным дорогам, — повторила Дженис. — Потом быстро стемнело, и мы остановились в деревне и там поужинали... Потом мне стало плохо, я прилегла, заснула, и когда проснулась, то тебя там уже не было.

Леона медленно покачала головой:

— Всем хорошо известно, что во время сбора урожая винограда даже воздух напоен фантазиями. Люди воображают себе события, которые в действительности никогда с ними не случались.

— Но ведь это случилось со мной!

— И когда вы проснулись, тот, кто был с вами в машине, уже уехал? — спросила сеньора.

— Леона привезла меня и уехала одна.

— Но моя машина все еще в Лиссабоне, — запротестовала Леона. — Как я могла тебя в ней вчера возить?

И тут-то до Дженис дошло, что Леона вела не знакомую зеленую машину, а небольшую черную.

— Ты вела не свою машину.

Леона стала нетерпеливо ходить по комнате.

— Это просто глупо! В любом случае Сельма подтвердит, что вчера мы сидели в ее комнате и долго разговаривали.

Сеньора переводила взгляд со своей дочери на Дженис.

— Я одобряю, — произнесла она, — что в наше время английские девушки обладают большой свободой, особенно когда они полностью независимы, как вы, зарабатывают себе на жизнь собственным трудом. Но если вы хотите уехать на целый день или даже на более долгий срок, было бы лучше сказать мне об этом.

Дженис поразил упрек, который прозвучал в холодном тоне сеньоры, хотя она и произнесла весь монолог мягким голосом. Она все еще старалась не верить случившемуся.

— Но Леона хотела, чтобы наша поездка готовилась в полной секретности!

Леона, которая до сих пор сохраняла полностью контроль над своим обычно горячим темпераментом, резко повернулась к Дженис.

— Секретности? — воскликнула она. — Какого рода секретность я должна соблюдать здесь, в моем собственном доме? Дженис просто больна, у нее какая-то мания. Только вчера она обвинила меня в том, что я взяла и спрятала ее сумочку!

— На самом деле я этого не говорила! — закричала Дженис. — Я только обвинила тебя в том, что ты увезла в машине все мои вещи, и я осталась в купальнике!

— Вот! Ты сама видишь! Одно обвинение за другим! — с триумфом в голосе вскричала Леона.

— Леона! Пожалуйста, не кричи здесь как крестьянка, — сказала сеньора.

Дженис не стала ждать окончательного заключения от сеньоры. Она решительно поднялась и, собрав все свое достоинство, спокойно произнесла:

— Простите, сеньора Карвалью. Мне нечего больше сказать. Пожалуйста, забудьте все, что произошло. Если вы хотите, чтобы я немедленно сложила вещи и уехала, я сделаю это сегодня вечером. Если кто-нибудь сможет отвезти меня в Опорто, то оттуда я могу доехать до Лиссабона поездом.

Сеньора улыбнулась своей спокойной улыбкой:

— Моя дорогая Дженис, завтра вечером сюда приезжает Эверард, возможно, у него свои планы.

Дженис вышла из комнаты и направилась в сад, потом решила, что лучше вернуться к себе в комнату. Она села на кровать и стала обдумывать создавшееся положение. Без сомнения, Эверарду представят удобную им версию всего происшедшего. Но какое теперь это для нее имеет значение? Он давно уже считает ее просто кретинкой, глупой, неопытной курицей. Даже теперь, когда он оставил ее на попечение своих друзей, она умудрилась втянуть себя в безрассудную ссору. И все-таки именно сейчас она всем сердцем желала сделать хоть что-то, хоть самую малость, которая поднимет ее в его глазах.

Она была не готова к вечернему визиту Леоны.

— Ты пришла, чтобы извиниться за всю ту ложь, которую наговорила своей матери? Если нет, у меня нет никакого желания с тобой разговаривать.

Некоторое время Леона молча рассматривала ее своими большими темно-кариими глазами. Потом произнесла:

— Было глупо с твоей стороны рассказывать всю эту историю моей матери.

— Почему? Ты уже рассказала ей свой вариант. Почему бы и мне не рассказать ей правду?

Леона неожиданно села на край ее кровати:

— Дженис, ты действительно думаешь, что мне стоит ей рассказать правду? Рассказать, что ты слишком много выпила в тот вечер?

— И чья же это была вина?

— Полностью твоя, — невинно произнесла Леона. — Я тебя предупреждала, что вино очень крепкое.

— Как раз наоборот, ты все время убеждала меня в том, что надо выпить еще немного, потом допить неочищенное бренди, то самое, которое дается виноградарям, когда они давят ягоды, чтобы придать им больше сил. В любом случае почему ты бросила меня в этой таверне? Неужели тебе не пришло в голову, что меня могут ограбить или со мной может случиться что-то более страшное?

— Ничего плохого там бы с тобой не случилось. Я хорошо знаю эту пожилую пару, хозяев этой таверны.

— Ну конечно, поэтому ты и дала им взятку.

— Дженис, ты просто не помнишь, как агрессивно себя вела. Ты кричала: «Я хочу ехать в Миранделлу!»

— И вместо того, чтобы оказаться недалеко от Миранделлы, как ты меня в том старалась убедить, мы находились всего в двух милях от вашего дома. Как я могу верить хоть единому твоему слову?

Леона несколько минут молчала, и Дженис удалось задать ей главный вопрос:

— В чем была настоящая причина всего твоего плана? Я спрашиваю только потому, что хочу понять, почему ты проделывала со мной эти жестокие выходки?

— Если я расскажу тебе, ты никогда мне не поверишь. Ты сама только что мне об этом сказала.

— Вполне возможно, что я тебе и не поверю. Я вижу, что ты на все готова, чтобы дискредитировать меня перед Эверардом, не так ли?

— Может быть, ты и права. Уезжай поскорее отсюда в Англию и выходи замуж за того парня, что тебя там ждет. Мы с Сельмой только этому порадуемся.

— Сельма? Ты действительно веришь, что я могу встать между ней и Эверардом? — Дженис сделала над собой огромное усилие, чтобы Леона ничего не заподозрила.

— Эверард много раз приезжал в Португалию, — медленно произнесла Леона, — но он никогда не привозил с собой секретаршу. Мы сразу подумали, что это очень странно.

Дженис рассмеялась. Нужно было приложить все усилия, чтобы Леона так и не поняла, как она относится к Эверарду.

— Совсем ничего нет в этом странного. Ему нужен помощник, который был бы с ним все время. Может быть, сейчас, когда он возвращается, он привезет с собой новую девушку, которая займет мое место, более опытную и сведущую в бизнесе. — Она немного

подождала, но потом не удержалась и сказала: — Может быть, та окажется настоящей соперницей для твоей сестры.

— Значит, ты скоро возвращаешься домой? — просияла Леона.

— Пока не знаю. Еще ничего не решено. Давай подождем возвращения Эверарда.

Когда Леона наконец ушла, Дженис растянулась на кровати и отдалась прекрасному чувству, предвкушая завтрашний приезд Эверарда. Что бы ни рассказали ему о происшедшем с ней здесь, она завтра снова его увидит.

Эверард приехал на следующий день, где-то после полудня, прямо из Оporto. Дженис едва сдержала себя, чтобы не выбежать ему навстречу. Со своего балкона она видела приближающийся лимузин, шофера, который вышел, чтобы открыть Эверарду дверцу машины. При виде его сердце ее сделало рывок и провалилось, но она тут же заставила себя успокоиться. Скоро всем ее приключениям в чужой для нее Португалии придет конец, и она сможет спустя годы спокойно вспоминать об этом, продолжая свою деловую карьеру.

Широкая терраса была залита светом зажженных фонариков. Когда Дженис спустилась, здесь уже собралось человек двенадцать для аперитива перед обедом. Она внутренне приготовилась к встрече с Эверардом, но, когда он неожиданно подошел к ней, она так смутилась, что не могла выговорить ни слова, кроме обычных фраз:

— Как прошла ваша поездка? Успешно?

Он лишь улыбнулся, глядя на нее поверх бокала с шерри:

— Спасибо, все прошло прекрасно. А как ваш отдых?

— О, я получила огромное удовольствие: сбор маслин, процесс производства вина и многое другое.

— Завтра возвращаемся к работе. — В его глазах она увидела насмешку и слегка угрожающие искорки.

Тут же его увел для делового разговора один из родственников. Бедный Эверард! Всегда бизнес, но, с другой стороны, ведь завтра он возвращался в Лиссабон.

После обеда, когда она собралась присоединиться к кругу гостей, собравшихся вокруг Эверарда, к ней подошел Мануэл и предложил прогуляться по саду.

— Дженис, пожалуйста, пойдете со мной. Я понимаю, что завтра рано утром Эверард увезет вас в Лиссабон и это ваш последний вечер здесь.

Мануэл очень старался, чтобы сделать ее пребывание в стране таким насыщенным и приятным, поэтому, поколебавшись секунду, она позволила ему увести себя из дворика в сад, где не было гостей.

— Что вы собираетесь делать после Лиссабона?

— Я пока еще не представляю. У Эверарда не было возможности сказать мне о его планах.

— Мне бы хотелось, чтобы все было по-другому, — вздохнул в темноте Мануэл.

— В каком смысле?

— Хотелось бы, чтобы вы остались здесь навсегда.

— Но вы же знаете, что это невозможно.

— А если вы выйдете замуж за португальца? Вы знаете, Дженис, я очень к вам привязался.

— Вы мне тоже нравитесь, но как только я уеду, вы тут же меня забудете.

— Нет, я всегда буду вас помнить. Когда я вас встретил впервые, то подумал, что Клайв

мой соперник, но потом я узнал, что это совсем не так.

Он замолчал. Дженис тоже молчала, весь этот разговор вызвал у нее чувство тревоги.

— Мне не надо было думать о Клайве. Был кто-то другой в ваших мыслях.

— Леона доложила вам о женихе, который ждет меня в Англии, — засмеялась Дженис.

— Леона болтает так же свободно, не задумываясь, как летают птички. Иногда мне кажется, что я вас люблю, Дженис. Но потом я вспоминаю об этом мужчине и понимаю, что вы никогда меня не полюбите.

— Я уже говорила вам, что вы мне очень нравитесь, — запротестовала Дженис, — но это не любовь.

— Нет. Вы любите его, но он относится к вам равнодушно, как это кажется со стороны?

— Что вы имеете в виду? Вы же его не знаете.

— Нет, я его знаю. Ваши глаза начинают светиться при его приближении.

Она отвернулась от него, хотя там, где они стояли, в тени эвкалипта и высокой магнолии, было совсем темно.

— Неужели это так очевидно? — прошептала она. Дженис слишком ценила дружбу Мануэла, чтобы делать вид, что не понимает, кого он имеет в виду.

— Возможно, только для меня.

— Тогда пусть это будет нашим секретом. Он слишком сложный человек, чтобы его понять. Я боюсь...

— Дженис, надо набраться храбрости и открыть ему на все глаза. Он сейчас просто слеп.

— Нет, ничего не надо. Но, пожалуйста, обещайте мне, что никогда ему ничего не скажете.

— Конечно, я обещаю, — засмеялся Мануэл. Он взял ее за руку и слегка пожал, тем самым давая понять, что они заключили сделку. — Если он сам себе не может помочь, зачем мне делать это за него?

— Мне кажется, мы с вами виноваты, что считаем себя «парой», не так ли? А что же Леона? Вы женитесь на ней в конце концов?

— Нет, — резко ответил он, и ей показалось, что ее вопрос его обидел. — По крайней мере, вы меня спасли хоть от этого. Когда-нибудь она встретит человека, который ей подойдет, и будет с ним счастлива.

Дженис была совершенно с ним согласна. Леона никогда не будет способна уважать такого мягкого и внимательного человека, как Мануэл, она просто будет издеваться над ним, вить из него веревки.

— Леона сражается с каждым, потому что все еще сражается сама с собой, — продолжал он. — Когда она станет старше, то поймет и станет добрее.

Дженис только рассмеялась.

— Хотелось бы мне встретиться с ней, когда она станет старше. Она совершает столько ненормальных поступков. Что же касается правды... — Он ласково похлопал ее по руке. — В настоящий момент мы должны воспринимать все, что она делает, с долей юмора. Она настолько против своего возвращения в эту английскую школу, что готова на все, чтобы доказать, какому плохому влиянию подвергаются английские девушки.

— Включая и ее поступок, когда она меня напоила и оставила одну в таверне на всю ночь!

— Если бы я узнал об этом раньше, я бы тут же приехал и забрал вас оттуда.

— Ну а каково ваше будущее? — спросила Дженис, помолчав несколько секунд.

Она почувствовала даже в темноте, что он пожал плечами.

— В нашей семье есть несколько племянниц — все красавицы, да и достаточно дочерей из других семей, нужных для нашего бизнеса, связанного с Лиссабоном и Опорто. Такого рода браки, конечно, необходимы, чтобы укреплять и преумножать наследство, но вначале я посвящу больше своего личного времени девушкам здесь, в наших поместьях. И кто знает, возможно, я встречу и приведу в наше семейство привлекательную девушку из крестьянской семьи.

— Может быть, это будет гораздо лучше, чем постоянные перекрестные браки. И мне так бы не хотелось, чтобы заставляли жениться по предварительной договоренности, лишь бы укрепить финансы вашего клана.

Они медленно направились обратно во дворик, на котором уже почти никого не было, только лишь фигура высокого человека отделилась от тени в арке.

— Так вот где вы, Дженис, — холодно произнес Эверард. — Мне уже стало казаться, что я так и не увижу вас сегодня вечером. Боюсь, завтра нам надо уезжать очень рано. Вы будите готовы к девяти часам?

— Конечно. В любое удобное для вас время.

— Хорошо. Тогда, Дженис, я оставляю вас с Мануэлом, у вас интересный разговор, но не ложитесь спать слишком поздно. Доброй ночи.

Он резко повернулся и пошел к дому, и только после этого до нее дошло, что она и Мануэл стояли, взявшись за руки.

— Итак, нас просят разойтись, — засмеялся Мануэл. — Давайте обменяемся прощальными поцелуями и пожелаем друг другу удачи и счастья.

Через несколько минут Дженис вошла в дом, где уже не встретила ни Сельму, ни Леону, ни Эверарда.

«Интересно, — подумала Дженис, — обменялся ли Эверард прощальным поцелуем с Сельмой, чтобы закрепить короткое воссоединение и успокоить ее из-за его раннего отъезда».

Ранним утром следующего дня для Дженис оказалось приятной неожиданностью, что Эверард сам сел за руль и в машине не было других пассажиров. Несколько родственников и гостей были уже у парадной двери, чтобы пожелать им счастливого пути. Пришел Мануэл и протянул ей небольшую коробочку, завернутую в подарочную бумагу. Это был его прощальный подарок. Сельма так и не появилась, а Леона стояла на верхнем балконе, облокотившись на балюстраду и наблюдая за происходящим. Эверард был необычно оживлен, особенно в первые несколько часов их путешествия. Потом он неожиданно задал вопрос:

— Вы не собираетесь открыть подарок Мануэла?

— Если вам так не терпится, то я его открою. — И с этими словами она взяла лежавшую на коленях плоскую коробочку.

— Наверное, вы уже знаете, что там внутри.

— Нет, не знаю.

Она разорвала бумагу и вынула кожаный, светло-коричневый кошелек с красивым тиснением, бумажник и подходящую к ним по рисунку записную книжку.

— Прекрасный подарок. Как это я сам не додумался до этого.

— Полагаю, это просто не пришло вам в голову.

После его возвращения из Англии она чувствовала себя с ним более раскрепощенной. Она могла давать немного дерзкие ответы, не обдумывая предварительно каждое слово.

Уитни слегка сбавил скорость, чтобы проехать мимо повозки, которую тащила пара светлых буйволов. Когда дорога освободилась, он произнес как ни в чем не бывало:

— Мануэл очень достойный парень, прекрасный товарищ и компаньон, но...

— Но я совсем в него не влюблена! — с улыбкой посмотрела она на Эверарда. — Я уже все знаю. Не волнуйтесь. Мануэл меня тоже не любит.

— Рад это слышать, — немного резко ответил он. — Бог знает, какие сложности могут возникнуть, если он решит не жениться на Леоне, потому что встретил кого-то другого.

— Мануэл сказал мне, что не собирается жениться на Леоне в любом случае. Она тоже не хочет этого брака.

— О? — Эверард мгновенно повернул к ней голову. — Так вы положили конец их договоренности?

— Не думаю, что я имею к этому отношение. Мануэл слишком разумный человек, чтобы его могли насильно заставить жениться на своей кузине только ради воссоединения семейных денег.

— Итак, вы все-таки заинтересовались будущим семьи Карвалью? А как же Леона? Она тоже, по-вашему, очень мила? — засмеялся Эверард.

Дженис молчала, и тогда он снова заговорил:

— Я слышал о том, что с вами обеими произошли какие-то странные приключения.

— Интересно, что вы слышали, правду или выдумку?

— Не знаю, вы сами расскажете мне свою версию.

— Нет. Что бы я вам ни рассказала, вы либо поднимете меня на смех, либо начнете кричать.

Несколько миль они проехали молча, и Дженис показалось, что она зашла слишком

далеко в своем резком, так не свойственном ей тоне. Наконец они остановились в придорожной гостинице-кафе, чтобы перекусить, после чего решили немного пройтись по парку, прежде чем снова отправиться в дальний путь. Дженис чувствовала, что на их отношения опускается облако грусти, и за это она винила только себя. Вскоре они вернулись в машину. Дженис устроилась поудобнее на сиденье, и тут Эверард бросил ей на колени маленькую ивовую веточку с несколькими серебряными листиками.

— Ну, Дженис, наш путь не близок, и я бы хотел услышать от вас лично о том, как вы провели свой отдых. Обещаю вам, что не буду смеяться или нападать на вас. Договорились?

Улыбнувшись, она начала свой рассказ день за днем, о путешествиях с Мануэлом и, наконец, с Леоной.

— И она действительно оставила вас одну в этой придорожной таверне?

— Да. К счастью, я узнала, что нахожусь всего в нескольких милях от поместья. Хотя она утверждала, что мы очень от него далеко.

— Леоны очень странное создание. То она ведет себя как испорченный ребенок, то внезапно превращается в старую ведьму. Вы не рассказывали мне, что в тот день в Эсториле, когда вы потеряли кошелек, она оставила вас без всякой одежды.

— Лучше бы она и сейчас ничего об этом не говорила! — быстро произнесла Дженис. — По крайней мере, об этом знала только я, когда вы так разозлились на меня за то, что я вернулась в номер очень поздно.

— Но если бы я знал, то отнесся бы к этому совсем иначе.

— Я думаю, она знала, что делала, и делала это нарочно.

— Там, в таверне, люди, наверное, были поражены, увидев вас выходящей из такси. — В его голосе послышалась лишь легкая насмешка, и когда она посмотрела ему в лицо, то увидела на его губах улыбку.

— Вот видите? Я так и знала, что вы будете надо мной смеяться. Мужчины находят все это ужасно забавным. По крайней мере, на мне была моя широкополая шляпа, — закончила она, рассердившись.

— Я совсем не смеюсь над вами, — запротестовал он, с трудом подавляя смех. — Просто вы такая нескладная.

Эффект этих его слов удивил даже саму Дженис, потому что из ее глаз просто брызнули потоки слез. И это было впервые, что она расплакалась в присутствии Эверарда. Он немедленно остановил машину и удивленно уставился на нее:

— В чем дело? Что я такого сказал?

— Ничего. Просто... вы обращаетесь со мной, как с глупым ребенком!

Он обнял ее за плечи и стал своим носовым платком осторожно промокать слезы.

— Это совсем не так, Дженис. Неправда. Я очень хорошо осознаю, что вы совсем не ребенок. Ну где же ваше чувство юмора?

Она немного успокоилась и положила голову ему на плечо, припомнив, что влюбленная женщина не может видеть смешную сторону происходящего с ее любимым мужчиной.

И даже сейчас он продолжал обращаться с ней, как с ребенком, которого надо успокоить, — отбросил упавшую ей на лицо прядь волос и даже запечатлел легкий поцелуй на ее щеке.

— Дженис, я хочу вам кое-что сказать... — начал он.

Она взглянула ему в лицо и опять увидела в глазах тот же мерцающий свет, тот самый, что она неправильно истолковала в первый раз, его взгляд просил и требовал одновременно.

Он обнял ее и крепко прижал к себе, его лицо было всего в нескольких сантиметрах от ее.

— Давно я хотел... — начал он снова, но тут его прервал ужасный звук тормозов и сигнала. — Черт побери!

Эверард выглянул из окна и увидел, что их хочет обойти грузовик, которому они заблокировали дорогу. Он завел мотор и понесся по дороге, оставив грузовик далеко позади. Дженис молчала, пытаясь догадаться, что же хотел сказать Эверард и не привиделся ли ей мерцающий свет в его глазах. Она взяла в руки упавшую с ее колен веточку, лежавшую между сиденьем и дверцей машины, покрутила в руках несколько секунд, а потом выбросила в открытое окно.

Эверард, похоже, поставил перед собой задачу доехать до Лиссабона в кратчайшее время. Они остановились на ленч в Коимбре. И тут же поехали дальше, не задерживаясь. Он старался не молчать, но говорил больше обо всем и ни о чем в частности, как будто был случайным знакомым, с которым она только что познакомилась и который предложил подвезти ее до Лиссабона. Только один раз он упомянул в разговоре об их работе.

— Кстати, — сказал он как бы невзначай, — помните те данные, которые были мне нужны из Лондона по строящемуся отелю для конференции? В Лондоне я получил их в более полном варианте, что дало нам возможность, рассмотрев их, срезать значительно наши расходы, так что, возможно, это было лишь к лучшему, что вы не успели к тому телефонному звонку.

— Ну что же, я рада, — улыбнулась она. — Итак, мы получили контракт на строительство нового отеля?

— Компания его получит, я в этом не сомневаюсь.

Эта его поправка показалась ей неожиданным холодным душем. Она поняла, что вовсе не должна ассоциировать себя и компанию как «мы». И только тут ей пришло в голову, что, может быть, Эверард собирался сказать ей о том, что они больше не нуждаются в ней, как раз в тот момент, когда их стал обгонять грузовик. Конечно, он собирался сделать это все красиво, обнять ее за плечи, и был готов к тому, что у нее немедленно из глаз полетят слезы при этой печальной новости. «Дорогая Дженис!» Как сладко звучит, но невозможно после этого собраться и работать. Она могла уже представить себе те слова, которые вертелись у него на языке. Теперь ему придется искать снова возможность сказать ей об этом, но зато она будет теперь к этому готова, вооруженная улыбкой, а не слезами.

Когда они подъехали к Лиссабону, Дженис внезапно вспомнила, что она не заказала им места в гостинице, ведь еще в первый день их пребывания в городе Эверард отругал ее за такую невнимательность. Она и теперь этого не сделала, но она и не имела от него никаких указаний.

— Мы возвращаемся в «Голландию»? — спросила она его.

— Нет. Мы остановимся на день или два в одном из домов семьи Карвалью, потом переедем в другое место.

Новость ее крайне удивила, но, слава Богу, Сельмы и Леоны в городе не было. Когда Эверард заехал в покрытый брусчаткой внутренний двор, который был построен еще для карет, запряженных лошадьми, немедленно вышел слуга и вынес из машины чемоданы. И почти тут же из дома раздался такой знакомый голос:

— Эверард! Вы приехали!

Это была Сельма. Она была очень хороша собой и нежна холодной красотой английской

розы, одетая в элегантное шелковое платье цвета голубого сапфира, отороченное белым, тонкие руки были оголены. Теперь Дженис поняла, почему Эверард так спешил поскорее попасть в Лиссабон. Сельма тут же взяла его за руку хозяйским жестом, лишь едва сделав в сторону Дженис легкий кивок и наградив мимолетной улыбкой.

— Дорогой, все готово, — произнесла она.

Идя на несколько шагов позади них, Дженис подумала, что это точное повторение их первой встречи, когда Сельма точно так же увела от нее Эверарда, оставив ее одну в саду. История повторяется, но не совсем так. Теперь Эверард повернулся к Дженис и произнес:

— Мы с Дженис пробудем у вас всего несколько дней. Мы можем и сейчас сразу уехать в гостиницу, но...

Сельма засмеялась своим мягким, музыкальным смехом хорошо воспитанной девушки:

— Но мама настаивает на том, чтобы вы остались у нас.

За обедом снова присутствовало несколько членов семьи, но Дженис не могла припомнить, встречала ли их раньше.

Эверарду был отведен специальный кабинет для работы, где на завтра они с Дженис и начали сортировать целую кучу смет, калькуляций и отчетов, касающихся разного рода строительных работ. После целой недели отдыха Дженис даже была рада сконцентрироваться на этой трудной работе, касающейся будущего строительства гостиницы, ее различных спецификаций и целом ряде документов, написанных от руки разными бюрократами. У нее не оставалось времени задумываться над создавшейся ситуацией и отношениями, сложившимися между Сельмой и Эверардом.

Вскоре после полудня Эверард наконец решил, что дальнейшую работу можно пока отложить, и предложил Дженис подышать воздухом в парке. Это был один из многих парков, принадлежащих этой семье, который она еще не видела.

— Боже, как здесь красиво! — воскликнула Дженис. Двойная арка вела к небольшому овальному бассейну, по сторонам которого росло много цветов: циний, лилий и разных экзотических кустов с незнакомыми названиями. Через небольшие интервалы в бассейн вливались тонкие струи воды, в которых играли потоки света на фоне темной стены разросшихся кустов камелий.

— Это настоящий испанский стиль, — пояснил ей Эверард, довольный произведенным на нее впечатлением. — Это небольшая копия знаменитых садов в Гренаде. Их создал Моорс. Один из членов семьи Карвалью был испанцем, из Андалузии, он и создал большинство садов в Португалии.

— Водяные браслеты, — тихо произнесла Дженис, прислушиваясь к музыке льющейся воды, бегущей по невидимым каналам. Тут и там были расставлены покрытые голубой и белой плиткой скамейки. Плитка была старинная, найденная в разных районах Испании и Португалии. На каждом осколке был разный рисунок — листья, цветы, изображения людей и животных. Дженис остановилась перед одной из скамеек, где был изображен хоровод из собак и куриц, быков и птиц.

— Посмотрите, эта коричневая лисица прыгает через ленивую собаку, — со смехом произнесла Дженис.

— Давайте присядем на минуту, — предложил Эверард.

Несколько мгновений они просидели в тишине, наслаждаясь наступающей в саду темнотой. Но чувствовалось, что Эверард не может полностью расслабиться, как будто он борется с какой-то мучающей его проблемой. Дженис подумала, что он мог бы хоть на

полчаса оставить мысли о делах. Внезапно он произнес:

— Я полагаю, что вам уже известно, что Диксон переезжает в Бразилию через месяц или два?

— Нет. Я этого не знала. Его посылает семья Карвалью?

— Нет. Он перешел работать в другую фирму.

Неужели это сообщение так волновало его все это время? Ей захотелось рассмеяться и сказать ему, что куда денется Клайв, ее совершенно не интересует.

Чтобы ему это доказать, она просто перевела разговор, спросив его, хочет ли он, чтобы она сделала заказ номера для них в «Голландии» или в каком-то другом отеле? Это дало бы ему возможность рассказать ей о своих дальнейших планах: хочет ли он отослать ее обратно в Англию или собирается предпринять что-то еще.

Он бросил на нее взгляд, явно желая что-то сказать, но перед тем взвесить каждое свое слово.

— В гостинице «Кастелло» есть двойной номер. Мы как раз сейчас ее перестраиваем, думаю, он будет готов к завтрашнему дню, но вы можете это проверить заранее.

Они направились к дому, и тут же им навстречу вышла Сельма.

— Эверард? Я везде вас искала. Где же вы были?

— В саду вместе с Дженис, — ответил он, сделав явное ударение на ее имени, как-будто Сельма не могла сама этого понять.

— Мне надо с вами поговорить. Уверена, что Дженис не будет против.

Дженис поднялась к себе в комнату, уверенная в том, что Сельма намеренно все подстроила и у нее не было к нему никакого дела. По ее мнению, их контакты должны были быть строго официальными и деловыми.

Все сидели за обедом, когда внезапно одна из прислуживающих за столом служанок обратилась к Сельме, сказав, что Эверарда просят к телефону. Сельма ответила, что они обедают и звонивший должен оставить сообщение, но Эверард тут же поднялся.

— Не стоит так беспокоиться, Эверард, — нетерпеливо настаивала на своем Сельма, — дело может подождать, пока мы едим.

Однако уже через несколько секунд Эверард вернулся в комнату и громко объявил, что горит гостиница «Кастелло».

— Дженис, накиньте пальто и пойдете со мной.

Она быстро побежала вверх по лестнице, а в спину ей раздавался раздраженный голос Сельмы. Когда Дженис спустилась, Эверард уже ждал ее в машине и рванул с места, как только она захлопнула за собой дверцу. Дженис решила пока не спрашивать Эверарда, знает ли он причину пожара и насколько серьезен ущерб.

Гостиница «Кастелло» стояла на углу двух авеню, поэтому обе они были перекрыты полицией и пожарными кордонами. Из всех окон верхних этажей валил дым, несколько из них были охвачены огнем. В вестибюле стояла толпа людей, которым пришлось покинуть свои номера. Эверард бросился расспрашивать взволнованного администратора и нескольких его подчиненных, пока Дженис спешно записывала их ответы.

— Вы уверены, что все, включая и служащих, покинули верхние этажи? — несколько раз переспросил их Эверард.

— Да, мы в этом абсолютно уверены, — ответил администратор, но Эверард не успокоился до тех пор, пока командир пожарных не подтвердил ему, что там наверху никто не остался.

— Вы проверили подсобные лифты, там никто не застрял?

— Да, проверили все лестницы и лифты.

Ближе к полуночи толпа на улице стала расходиться, из окон уже больше не вырывалось оранжевое пламя. И только дым курился над верхними этажами гостиницы. На прилегающих улицах все еще стояли санитарные и полицейские машины, валялись пожарные шланги. Эверард и Дженис нашли два выброшенных стула и сели передохнуть, кто-то протянул им несколько булочек с ветчиной и сыром, которые они стали запивать холодным вином.

— Дженис, пожалуйста, пойдите посмотрите, нельзя ли раздобыть немного бренди? — попросил ее уставший Эверард, — хотя, наверное, в баре давно кончились все запасы при таком наплыве людей, пытавшихся немного расслабиться после перенесенного ужаса. Попробуйте все-таки, может, повезет.

Дженис протиснулась сквозь толпу стоящих тут же проживающих в гостинице людей, набежавших корреспондентов и фотографов. Когда она вернулась с двумя большими бокалами коньяку, Эверарда на месте уже не было, но через несколько минут он внезапно появился.

— Молодец! Это просто спасет меня.

— Может быть, вам выпить оба бокала? — спросила Дженис, засмеявшись.

— Вам тоже не мешает выпить!

— Я ничего не боюсь. Особенно после того, как Леона пожелала мне «доброго здоровья».

— Это совсем не одно и то же. Тогда они налили вам чистый спирт. — Он взглянул на нее и искренне рассмеялся. — Ой, Дженис, вы выглядите очень комично, на щеке пятно сажи, помада исчезла.

— Вы тоже выглядите не самым лучшим образом. У вас грязное лицо и рубашка, и, похоже, вы потеряли галстук.

Держа бокал с коньяком в одной руке, он стал смеяться, а через секунду и Дженис к нему присоединилась. Она почувствовала, как приятно работать с этим требовательным человеком в минуты, когда происходит что-то неординарное. Когда что-то случалось непредвиденное и даже опасное, он превосходил самого себя в своих деловых качествах, и она была горда и даже тронута, что он выбрал именно ее сопровождать его в этот трудный момент, а не Сельму.

Было уже половина четвертого утра, когда народ разошелся из вестибюля гостиницы и направился в номера, которые были сняты для них в соседних гостиницах.

— Дженис, проверьте, пожалуйста, у регистраторов списки людей, которые они составляли, нам они понадобятся для предъявления страховым компаниям.

В этот момент раздался звук, подобный удару грома, — это отвалился где-то наверху кусок потолка.

— Может быть, мне стоит сейчас заказать для нас номер в другой гостинице? — спросила Дженис.

— Подождем до утра, мы всегда сможем остановиться в «Голландии».

Он привез ее обратно в дом Карвалью, когда уже занимался серый рассвет. Если не думать о самом печальном происшествии, подумала Дженис, то она никогда не получала большего удовольствия от совместного вечера с Эверардом. За исключением, конечно, того вечера в парке развлечений. Он становился совсем другим человеком, когда с него слетала

эта личина бизнесмена, он становился просто молодым мужчиной с душой мальчишки. Наверное, именно так он и вел себя всегда с Сельмой, но сейчас она была настолько усталой, что не хотелось даже думать о ревности, и, быстро скинув одежду, умыв лицо, она забралась под одеяло.

На следующее утро Дженис нашла на подносе с утренним завтраком записку. Она должна приехать в гостиницу «Кастелло» к середине дня. Она тут же поняла, что таким образом Эверард решил дать ей отдохнуть и поспать подольше. Быстро приняв душ, съев пару булочек с кофе, она оделась и спустилась к такси. Дженис была у гостиницы еще до одиннадцати.

— Я захватил с собой пишущую машинку, и, думаю, мы сможем разместиться в офисе менеджера, — сообщил ей Эверард. — Сейчас приедет инспектор из страховой компании, поэтому найдите себе место за любым столом, а я вам дам отчеты о причиненном ущербе, после того как мы с инспектором их составим.

Двое из старших Карвалью в это время совещались с менеджером гостиницы. Дженис тихо вошла в их офис и села в дальнем углу. Ущерб от пожара и от воды был очень значительным, и Дженис могла только представить себе, как неприятно было для Эверарда и Карвалью подсчитывать убытки и видеть, что все сделанное по реконструкции гостиницы было уничтожено. Повсюду проник отвратительный запах пропитанного водой горелого дерева. Ковры были сняты для просушки и чистки. Часть мебели сложили на нижнем этаже для инспекции.

— Половина центральной лестницы сгорела, — рассказал Эверард Дженис, когда она вернулась в офис. — Но что любопытно, похоже, что пожар начался на пятом этаже, в номере 500. Именно его я заказал для нас.

Она быстро взглянула на него:

— Может быть, это всего лишь совпадение? Может быть, замыкание в сети?

— Это, я думаю, просто саботаж. — Он наклонился к ней. — Но пока никому ничего не говорите.

Последующие два дня и ночь они вдвоем трудились над составлением подробного отчета для страховой компании, в котором все должно было быть подтверждено конкретными фактами. Наконец Эверард решил, что им пора немного отдохнуть.

— Завтра у нас будет свободный день, и мы ничего не будем делать.

— Спасибо.

— После этого мы переедем в гостиницу «Голландия», мы уже слишком долго живем в доме Карвалью.

Дженис была готова покинуть этот дом в любую минуту, хотя за последние несколько дней она не сталкивалась ни с кем из них. Они взяли такси, и Эверард в машине решил, что ему стоит заехать во дворец Авенида, там ему надо было кого-то повидать. Такси же довезло Дженис до дома Карвалью. Но как только такси остановилось, Дженис увидела, как служанка открывает кому-то ворота. Мужчина вышел на улицу быстрым шагом, оглянулся вокруг с опаской и быстро устремился по улице. Его фигура показалась Дженис очень знакомой, но она не могла припомнить, где его раньше видела. Он завернул за угол и остановился у кафе, столики которого были выставлены прямо на улице. Когда свет из кафе упал на его лицо, Дженис тут же его узнала — это был Колумбано, главный клерк в лиссабонском филиале их компании, человек, которого Эверард был готов уволить, если Клайв не уберется. Что мог делать Колумбано в доме Карвалью?

Скоро у нее уже был ответ на этот вопрос. Прячась в тени и избегая больших магазинов

и падающего на улицу света кафе, она увидела, как к Колумбано присоединился еще один человек и они сели за столик на улице. Может быть, это была просто обыкновенная встреча двух давно не видевших друг друга друзей, но тут она увидела, как Колумбано была передана прямо в руки толстая пачка банкнотов и он быстро спрятал ее в карман. Официант принес им напитки, оба подняли бокалы и чокнулись, похоже, за успех.

Дженис вернулась к дому Карвалью, идя очень медленно, обдумывая увиденное. Тут ее немедленно приветствовал Мануэл, который вернулся в Лиссабон сразу после того, как услышал эту ужасную новость о пожаре.

— Дженис, вы выглядите очень уставшей, наверное много работали?

— Конечно, было очень много дел, сами понимаете, но самое трудное уже позади и Эверард дал мне на завтра свободный день.

— Прекрасно. Завтра мы будем гулять вместе. Просто по городу или я покажу вам то, что вы сами захотите увидеть.

— Хорошо.

Она решила с ним не спорить. Хотела за оставшееся время насладиться еще немного этим красивым городом. Дженис отблагодарила Мануэла за красивый подарок. Леона тоже вернулась в Лиссабон, но этот факт как-то не особенно обрадовал Дженис.

Она поднялась к себе в комнату и тут же заметила на туалетном столике свой старый кожаный кошелек. Открыв его, она увидела внутри свои золотые часы, португальские деньги и несколько почтовых марок. Перед обедом она встретила Леону и потребовала от нее объяснений. Та, как всегда, ответила в легкой манере, на этот раз даже без вызова в голосе, что кошелек нашел один из водителей в ее машине.

— Но как он мог туда попасть? — настаивала Дженис.

— Наверное, ты выронила его, когда в ней переодевалась. Я же говорила тебе, что кошелек мог выпасть из твоей сумки.

Дженис просто задержала дыхание, чтобы не взорваться, настолько смешны были объяснения Леоны.

— Спасибо, рада, что наконец получила обратно свои часы.

В этот вечер Эверард вернулся очень поздно, и Дженис тут же рассказала ему историю своей встречи и дальнейшего наблюдения за Колумбано. Тот был крайне удивлен.

— Колумбано? — эхом повторил он. — Конечно! У него в душе были зависть и злость против меня. Я же хотел уволить его с работы. Он чувствовал это, особенно после того, как Клайв Диксон предупредил его, что он должен быть осторожным. Что он мог сделать в обмен на большую сумму денег? Он игрок, постоянно проигрывает, а его зарплата никак не позволяет ему играть в казино, вот ему и приходится искать другие пути заработка. У кого-то берет взятки за дачу информации, у кого-то — комиссионные... Послушайте! — внезапно воскликнул Эверард. — Теперь я понял. Пожар в гостинице «Кастелло» начался именно в нашем номере, том самом, что я заказал для нас. Колумбано не мог знать, что я изменил дату нашего приезда. Карвалью настаивали на том, чтобы мы оставались в их доме два-три дня. Это устраивало администрацию гостиницы, которая предупредила меня, что комнаты не полностью готовы после ремонта. Но Колумбано подумал, что мы уже там остановились, и привел свой план в исполнение.

— Вы думаете, что у него были намерения нас убить?

— Сомневаюсь, что он этого хотел, но надеялся доставить мне большие неприятности, если бы сгорела вся документация по строительству. Есть кое-что еще. Некоторое время

назад я обнаружил, что документы, касающиеся страховки по реконструируемой гостинице, не были продлены вовремя. В этом был виноват Колумбано — может быть, он растратил предыдущую сумму страховки или как-то использовал эти деньги. В любом случае если в этот период времени случается пожар, взрыв или наводнение, то мы не смогли бы ничего получить от страховой компании, если бы документы не были продлены.

— Еще несколько черных шаров против нашей компании, — прокомментировала Дженис.

— И огромная дыра в доходах.

— Не могу понять, что он делал в доме Карвалью, — сказала Дженис.

— У него был контакт с кем-то из obsługi дома, но Колумбано перепутал даты и, видимо, решил, что кто-то его подставил.

— Вы не задумывались, кто действительно выигрывал в этой ситуации? Колумбано получал свои деньги в любом случае, как исполнитель, но тот, другой человек, который заплатил ему у меня на глазах, он-то что от этого имел?

— Может быть, иная форма игры. Когда-то теряешь, когда-то находишь. — Уитни зажег сигару и тяжело вздохнул. — Хватит этой головной боли. Завтра мы с вами берем выходной день.

— Значит, вы не передумали?

Он засмеялся:

— Нет, не передумал, мы проведем этот день вместе в Синтре или в Келузе. Большинство туристов уже разъехалось, и там стало совсем спокойно.

Дженис даже глаза закрыла от огорчения. Почему он не предложил ей этого раньше, до того, как она договорилась с Мануэлом? Она тут же подумала, что Мануэл поймет ее, если она скажет ему, что занята, и объяснит, как ограниченно время у Эверарда.

— Прекрасно, я еще не была в этих местах.

— Мы уедем пораньше, чтобы нас никто и ничто не задержало — ни телефонный звонок, ни телеграмма.

И именно в этот момент внезапно появился Мануэл, так что у Дженис не было возможности его предупредить. Он тут же обратился к Эверарду со словами:

— Я слышал, завтра вы отпускаете Дженис на целый день, и я решил воспользоваться этим на тот случай, если вы внезапно передумаете и приклеете ее опять к пишущей машинке.

Наступила тишина, Дженис почувствовала, как Эверард полностью отключился от нее, как будто перешел в другое измерение. Дженис беспомощно старалась выбраться из создавшейся неловкой ситуации.

— Мануэл... Я...

И тут же раздался стальной голос Эверарда:

— Простите, Дженис. Мне как-то не пришло в голову, что у вас могли быть предыдущие договоренности. Вам следовало поставить меня в известность раньше. Конечно, вы должны отправляться с Мануэлом. — С этими словами он поднялся, коротко сказал всем «доброй ночи» и немедленно исчез в доме.

— Господи, какая муха его укусила? — поразился Мануэл.

— Я собиралась вас предупредить, но у меня не было возможности. Он хотел поехать со мной в Синтру. Я подумала, что вы не будете ничего иметь против, если мы... — Голос ее замер в отчаянии.

Мануэл помолчал несколько секунд.

— Должен сказать, что я бы как раз был против расторжения нашей договоренности, но я бы уступил ради вас. А теперь уже, полагаю, напрасно приносить какие-то жертвы?

— Совершенно напрасно. Эверард никогда не предлагает дважды.

— Простите, я виноват, что все получилось столь нескладно. Если бы я не сболтнул столь неосторожно... В любом случае я сделаю завтра все от меня зависящее, чтобы вы прекрасно провели время, Дженис.

У нее застрял комок в горле, не давая ей возможности дышать. Ей хотелось немедленно убежать, не обращая внимания на достоинство, но какая от этого теперь была бы польза? Когда она вновь смогла контролировать свой голос, то заговорила о чем-то другом — о красивом парке, который был позади дома, о том, что ее часы и кошелек каким-то мистическим образом были ей возвращены, обо всем, что приходило ей в голову.

— Значит, теперь вы не будете сомневаться в честности португальцев? — сказал он.

Но когда она наконец добралась до своей комнаты, то легла на кровать, закрыла голову подушкой и стала плакать о своей импульсивной легковесности и умении обидеть именно того человек, с которым стремилась всем сердцем быть в любовной гармонии.

На следующий день, верный своим обещаниям, Мануэл постарался быть самым гостеприимным хозяином, на что Дженис отвечала всем сердцем, стараясь загладить свою нелюбезность и разочарование. Она сама делала предложения и соглашалась с его идеями, отчасти забыв о своем вчерашнем разочаровании и потерянном дне с Эверардом.

— Давайте поднимемся на лифте вверх по улице. У меня так и не было времени сделать это.

Когда холмы, на которых располагался Лиссабон, поднимались слишком круто для трамваев и автобусов, в городе использовались фуникулеры и специальные лифты, чтобы поднимать людей с одного уровня на другой. На вершине Святой Юсты кабина лифта входила в закрытый проход, который шел над крышами и дворами, лежащими далеко внизу, и вел к Ларго-де-Кармо, большой площади неправильной формы, от которой улицы делали крутые повороты. Стоя в кабине, Мануэл и Дженис неожиданно ощутили себя как бы в другом городе. Совсем близко находились развалины церкви Кармо, все стороны которой были открыты небу и превращены в хорошо ухоженный сад и где повсюду на обломках колонн сидели, как изваяния, кошки.

— Вы, конечно, уже бывали в магазинах на улице Гарретт, это такая же улица, как Бонд-стрит в Лондоне или Виа Венето в Риме.

— Да, я была здесь, но как-то приехала с другой стороны, не знала, что существует более простой путь.

А пока они тихо шли, рассматривая прекрасные драгоценные украшения и столовое серебро в витринах ювелирных магазинов, элегантные платья и костюмы в окнах других, ряды книг на книжных полках третьих. Так они дошли до пристани, где только что причалило небольшое судно с бананами, которое стали при них разгружать босоногие женщины, перекрикивающиеся между собой, предлагая тут же желтый спелый фрукт за смехотворную цену.

— Сегодня банановый день, — засмеялась Дженис. — В прошлый раз, когда я здесь была, все женщины были с лимонами, я тогда тоже купила несколько.

Кроме продавщиц фруктов здесь были и женщины с тяжелыми корзинами на головах,

полными свежей рыбы. Они, не переставая, кричали: «Свежая рыба!»

Они сели на паром, и Мануэл предложил поехать в расположенном на другом берегу Тежу ресторане в Касилхосе. Дженис уже бывала в этом ресторане «Флореста», но это было таким большим наслаждением сидеть у открытого окна и наблюдать за скользящими по поверхности воды большими и маленькими судами. А самым красивым отсюда был вид на Лиссабон, казавшийся городом из вымытого мрамора и поднимавшийся из вод реки неровным горизонтом башен и церквей. Это был день больших и маленьких удовольствий, которые только мог предложить прекрасный Лиссабон, и Дженис была безумно благодарна Мануэлу за то, что он так хорошо понял ее настроение и не стал тащить по обычным дорогам, где так любят появляться тысячи туристов.

Они вернулись тем же путем через реку в Белем, замок-форт, башня которого напоминала свадебный торт, и провели немного времени в церкви Святого Иеронима, в которой пещеры были похожи на сплетенные из белого камня кружева.

Уже спустился ранний вечер, когда они сели в одном из переполненных людьми кафе в сквере Россио.

Мануэл начистил туфли у одного из мальчишек-чистильщиков, которые проходили через все кафе, как ястребы, стараясь найти тех, кому они могли понадобиться.

— Если вы хотите вернуться в наш дом и переодеться к вечеру, мы можем сделать это незаметно.

— Я вот думаю, нужно ли нам это делать, может быть, нам остаться тут и попозже пообедать в ресторане?

Мануэл немедленно с ней согласился. Дженис совсем не хотела сразу столкнуться в их доме с Эверардом, или Сельмой, или Леонией. Было уже за полночь, когда они вернулись и тихо прошли через темный сад.

— Спасибо вам, Мануэл, за такой действительно прекрасный день. — День и вправду выдался особенным, вот только она избрала себе не того компаньона.

— Для меня он тоже был замечательным. Если бы мы всегда могли проводить время вместе!

— Очень галантно звучит. А что тогда станет с вашими поместьями и с вашим семейным бизнесом, если вы перестанете проявлять к ним внимание?

Мануэл ответил не сразу, но, подумав, согласился, что она права. Он вложил ей в руку короткую веточку, и она не сразу поняла, что это такое. Было уже темно.

— Это оливковая ветка, — пояснил ей Мануэл. — Она олицетворяет мир между нами. Вы должны меня простить за то, что я увел вас сегодня от Эверарда.

— Оливковая ветка? — прошептала она, подойдя ближе к фонарю и рассмотрев ее серебристые листья в его свете. — Господи, какая же я была глупая! — Она сразу вспомнила, как в машине Эверард бросил ей на колени оливковую ветку.

— Здесь, в нашем саду, есть небольшое оливковое дерево для этой цели. В городе оно растет плохо, но оно очень полезно, когда в семье происходят ссоры.

— Какая прекрасная мысль.

— Но вы понимаете, что не можете передать кому-то еще то, что было дано лично вам? Вы должны найти ветку персонально для того, с кем хотите помириться.

— Спасибо вам, Мануэл. Большое спасибо за все! — Она подумала, понял ли он, что она благодарит его не только за прекрасно проведенный день, а также за путь, который он указал ей, как помириться с Эверардом.

На следующий день она встала очень рано, сложила все свои вещи для того, чтобы перебраться в гостиницу, собрала все деловые бумаги Эверарда, быстро спустилась вниз и вышла в сад. Она была уверена, что помнит, где растёт оливковое дерево. Повернув за угол, она сразу наткнулась на Эверарда.

— Привет! Утренняя прогулка под дождем?

Она даже не заметила утренний дождичек.

— Я уложила все вещи, — ответила она, игнорируя его вопрос.

— Хорошо. Уже позавтракали?

— Еще нет.

— Тогда пойдёмте внутрь. У меня много вопросов, которые я хочу обсудить с вами. — Даже в такую рань он был очень по-деловому настроен.

— Тогда я принесу свой блокнот для записей, — ответила она с некоторой долей сарказма.

Было ясно, что сейчас не время искать это дерево, но позже она постарается его найти или спросит Мануэла, где оно растёт. Но в это утро она так и не сумела этого сделать. Вскоре Эверард уже сел в машину, и они отправились в гостиницу «Голландия». Все их провожали, в ее ушах еще звучали слова прощания, она даже машинально помахала Сельме и всем остальным, но все время оглядывалась, надеясь заметить это дерево.

— Вы хорошо вчера провели время?

— Да, спасибо, просто замечательно.

Они опять были как два незнакомца. Дженис была рада, что впереди им предстоял очень насыщенный делами день и устройство в новом номере гостиницы.

— Они поймали Колумбано уже в доках. Он пытался проникнуть на корабль, отходивший в Западную Африку, — сказал Эверард.

— Он один виноват во всем? — Она задала вопрос, сделав вид, что ее это интересует. Хотя на самом деле ей уже было все равно.

— Нет. Колумбано раскололся в полиции и назвал имена нескольких более важных фигур, замешанных в этой игре.

— Это был специальный саботаж?

— Боюсь, что так.

Было уже шесть часов вечера, когда Эверард наконец решил приостановить работу и предложил ей выпить по коктейлю.

— Мне надо ненадолго выйти купить кое-что, — быстро сказала Дженис.

— Почему, черт возьми, вы мне это говорите? — нетерпеливо резким голосом спросил он. — Вы могли давно уйти.

— Не волнуйтесь.

Она направилась в свою спальню, набросила пальто и вышла еще до того, как он успел спросить о чем-то еще. Пока она ждала внизу такси, то посмотрела наверх и увидела Эверарда на балконе четвертого этажа, но сделала вид, что не видит его. «Пусть думает, что ему заблагорассудится», — подумала она. Дженис доехала до дома Карвалью, подождала, пока служанка откроет ей железные ворота, и объяснила, что забыла кое-что из своих вещей. Этот предлог она придумала еще в машине. Пришлось подняться в ее бывшую комнату, подождать там пару минут, потом снова спуститься вниз. Если бы только она смогла найти Мануэла, но ей объяснили, что он уже уехал. Поблагодарив, она сказала, что хочет пройти через парк. Она остановилась на том месте, где они стояли прошлой ночью вместе с

Мануэлом и где он протянул ей оливковую ветку. Но в темноте она не могла отличить одни кусты от других. Наконец она заметила в дверях гаража одного из рабочих и прямо спросила его, где она может разыскать подобное дерево, и он сразу отвел ее к нему, хотел сломать для нее ветку, но она его остановила:

— Нет, я сама это сделаю.

«Бедное дерево, — подумала она, — понятно, почему оно так плохо растет, ведь каждый отщипывает от него каждый раз, как возникает ссора». Она поблагодарила рабочего, и он проводил ее до ворот и нашел такси. Она вернулась в гостиницу, спрятав ветку под пальто на случай, если неожиданно встретит Эверарда, но его не было в гостиной. Возможно, он уехал.

Дженис приняла душ, а потом без особой причины, просто чтобы немного взбодрить себя, надела серебристое платье, которое купила сразу по приезде в Лиссабон. Расчесала темные волосы, сделала высокую прическу и добавила небольшой шиньон. Потом вышла в гостиную, дрожа от дурных предчувствий, так, что даже вспотели ладони. Эверард был здесь и посмотрел на нее беглым взглядом, потом взгляделся повнимательнее.

— Что, у вас опять праздничный вечер? Кому из мужчин повезло на этот раз?

— Что? Я должна у вас спросить совета, какое мне надеть платье и когда? — Она не собиралась отвечать ему столь резко, но насмешка в его голосе вывела ее из себя.

— Да нет. Я просто поинтересовался. — Он сделал шаг в ее сторону. — Так не может больше продолжаться. Если вы желаете вернуться домой, то так прямо и скажите. Чего я не переношу — так это вашу нечестность.

— Мою нечестность? Когда я была...

— Вчера, например. Да, конечно, вы решили не выходить со мной в тот злополучный день и каждый раз договариваетесь с Мануэлом. Вот и сегодня сделали вид, что поехали по магазинам. Скажите мне, Дженис, вы ведь не ездили за покупками?

Она упрямо молчала.

— Кто же так важен для вас, что вы вырвались от меня и взяли такси, чтобы поскорее его встретить?

Она продолжала молчать. И тут он, повернувшись, увидел маленькую оливковую ветку. Несколько долгих мгновений он стоял не шевелясь и не произнося ни слова, потом взял ее в руки.

— Где вы ее нашли?

— Какое это имеет значение? — Из ее глаз полились слезы.

— Конечно, это имеет большое значение! Это означает мир между нами?

Она сердито посмотрела на него своими большими темно-кариыми глазами:

— Выглядит именно так. Да, конечно, лучше отослать меня домой. С вами больше невозможно нормально работать.

— Я тоже не могу с вами работать, как прежде. Что вы сделали со мной? Клянусь, я никогда не влюблялся ни в одну девушку из тех, что работали со мной, но вы пробili мою броню, которой я себя окружил. Я люблю вас, Дженис, — сказал он и положил руки ей на плечи.

Она подняла лицо и, не понимая, уставилась на него. Выражение его глаз заставило ее затрепетать, она отказывалась в это верить, верить в правду, которую так давно желала услышать.

— А как же Сельма? — заставила она себя произнести.

— Сельма? Она просто сверкающий кусок льда. Должен признать, что она мне вначале очень нравилась. Ее холодность была для меня вызовом, как и для всех остальных мужчин, что крутятся вокруг нее. Иногда мне даже казалось, что я хочу ее, но именно потому, что она была такой отдаленной и недоступной. Вот я и решил взять вас с собой в Лиссабон...

— Чтобы заставить ее ревновать?

— В каком-то смысле именно так. Знаю, нельзя, некрасиво было с моей стороны так вас использовать, но я тогда не знал, что сам попаду в расставленную мной же ловушку. Вначале, когда вы закрутились с Диксоном, это меня даже обрадовало, но вскоре я понял, что ревную вас.

Он крепко обнял ее и замер, прижавшись щекой к ее щеке.

— Я просто не могу в это поверить, — прошептала она.

— Что я люблю тебя, дорогая?

— Как замечательно услышать от тебя это!

Он поцеловал ее в губы, виски, щеки с такой нежностью!

— Но почему ты выбросила мою оливковую веточку?

— Я просто не знала, что это означает. Мануэл разъяснил мне значение этого символа, хотя мне, конечно, следовало бы догадаться.

— Мануэл! — повторил он. — Он посвятил тебе столько времени, дарил небольшие подарки — все то, что я должен был бы делать сам. Но, Дженис, если только ты скажешь сейчас, что тоже меня любишь, я просто начну заглаживать свою вину.

— Тебе еще надо, чтобы я это произнесла. А зачем тогда я взяла такси и поехала в сад Карвалью за этой оливковой веткой?

— Так вот где ты ее раздобыла? — засмеялся он.

— Ты получил бы ее много раньше, если бы дал мне две минутки вместо того, чтобы дергаться и суетиться сегодня утром.

Он снова засмеялся и обнял ее:

— Вот что я так люблю в тебе, Дженис. Ты не выбираешь слова. Может быть, ты иногда слишком мягкосердечна, но всегда прямая и честная со своим остреньким язычком. О, я вижу, что мне придется быть настороже, когда мы поженимся!

— Поженимся?

— Да, поженимся. Ты только сейчас это от меня услышала.

— Хорошая секретарша всегда должна проверять факты.

Позже, когда они уже пили шампанское за обедом, Эверард сказал:

— Дженис, я не знаю, может быть, тебе не хочется никуда идти, но у меня есть два билета на концерт в Эстуфа-Фриа. Хочешь пойти или я их порву?

— Пойдем!

Она решила больше не объясняться. Она уже видела этот небольшой красивый концертный зал, но никогда не была на концерте. Он был расположен в саду. Уже стемнело, вдоль дорожек были зажжены небольшие лампы, и на деревьях висели горящие гирлянды маленьких лампочек. Свет шел и из самого зала, у которого одна стена была стеклянная. Позади в саду был водопад, но вода низвергалась бесшумно.

Вечер прошел как во сне. Дженис слушала музыку, которая перенесла ее в другой мир, и осознавала, что Эверард крепко держал ее за руку, как якорь из этого мира.

Когда они вернулись в гостиницу, он сказал:

— Мы проведем завтра весь день в Синтре.

— Но работа?

— За последние несколько дней я работал за десятерых.

Все, что было на следующий день, Дженис помнила как в голубом тумане. Они взяли машину и поехали на холмы, где был расположен розово-кремовый миниатюрный Версаль в Квелузе. В нем были прохладные комнаты с фонтанами посередине, спальня хозяйки с изумительно разрисованным потолком. Бывший королевский дом окружал заброшенный сад, а в нем стояли темные, покрытые каплями воды скульптуры.

Потом они отправились в Синтру, в которой городской дворец напоминал береговой дом в Кентише с каминными трубами на крыше, а на полпути вверх по склону холма скрытый среди соснового леса стоял дом из светлого камня, похожий на церковную потирную чашу.

Эверард припарковал машину и нанял коляску, запряженную лошадьми, чтобы добраться до вершины к местечку Пена. Оттуда, сверху, можно было любоваться изумительной панорамой. Когда сердце переполняет счастье, красивое окружение только добавляет блеска.

— Скоро мы вернемся в Англию, — произнес Эверард, когда они снова стали спускаться к маленькому городку Синтра. — Да, я забыл тебя спросить, что это за парень там в Англии, с которым ты как будто помолвлена?

— Его сейчас нет в Англии. Он сидит рядом со мной. Это было еще одно неверное предположение Леоны.

— Выдумка, чтобы я не сорвался с крючка?

— Совсем не намеренно.

— Мы снова приедем в Португалию, я тебе обещаю, и для дела, и для удовольствия. Мне еще не раз надо будет посетить все эти новые и строящиеся гостиницы.

— Ты с собой привезешь секретаршу? — спросила она, и ее глаза смеялись.

— Не знаю. Я спрошу об этом свою жену.

Он притянул ее к себе поближе и крепко поцеловал, потом положил ее голову к себе на плечо. Кучер придержал поводья, и лошадь пошла тихим шагом. Нельзя тревожить молодую пару, которая находилась в собственном мире любви.

АЙРИС ДЕНБЕРИ

РАН В ЛИС

ЦВЕТЫ
Любви

на, отправилась в деловую поездку, она оказалась объектом внимания сразу двух галантных ухажеров. Одного Дженис знала давно, еще по Лондону, — красавчик Клайв был ее другом и приглашал иногда в ресторан. С португальским аристократом Мануэлем она познакомилась в Лиссабоне, и он сразу покорила ее своим обаянием. Но усилия кавалеров напрасны — мысли и чувства Дженис устремлены к другому человеку...

ISBN 5-227-01148-6

9 785227 011480

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.